

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 16 № 2 (2019)

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главные редактор

Синячкин В.П., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов
E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

Заместитель главного редактора

Бакhtикирева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов
E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

Ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник УНИП, Российский университет дружбы народов
E-mail: valikova_o@pfur.ru

SMM-менеджер

Данилова Стефания Антоновна,
Санкт-Петербургский университет

Технический секретарь редакции

Токарева Надежда Андреевна,
Российский университет дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Кангагарайжа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедево Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Судейменова Элеонора Джосеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы общего языкознания, лингводидактики, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 г. журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству литературоведов, культурологов, историков, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделено краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения иностранного языка в когнитивном и прагматическом аспектах; лингводидактике и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик преподавания и изучения иностранных языков;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: uldana@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru

Редактор: *И.В. Успенская*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии журнала «Полилингвистичность и транскультурные практики»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Подписано в печать 15.06.2019. Выход в свет 28.06.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 12,26. Тираж 500 экз. Заказ № 629. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 16 No. 2 (2019)

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Sinyachkin

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

VICE-EDITOR

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University
of Russia

E-mail: valikova_o@pfur.ru

SMM-manager

Danilova Stefania,

St. Petersburg University, Russia

Technical secretary

Tokareva Nadezhda,

Peoples' Friendship University of Russia

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masharov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. William Firman — Indiana University, USA

Prof. Dr. Venera Amineva — Kazan Federal University, Kazan, Russia

Prof. Dr. Eleonora Suleimenova — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index (RSCI), by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, DOAJ, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of general linguistics, didactics, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, cross-cultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of foreign language in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation culture experts, historians, philosophers, and other representatives of the humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- Identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- Publication of the results of experimental methods of teaching and learning of foreign languages;
- The study of language processes in multicultural environment;
- The study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*

Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Journal "Polylinguality and Transcultural Practices":

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ/CONTENTS

К читателям	154
[To our Readers]	

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ/LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Уфимцева Н.В. Особенности языкового сознания билингва	156
[Ufimtseva N.V. Bilingual Consciousness and its Peculiarities]	
Зенкова Т.В. «Успешный человек» как ценностная доминанта американской лингвоаксиологической картины мира	168
[Zenkova T.V. A “Successful Person” as a Value Dominant of the American Linguo-Axiological Worldview]	
Мужейко И.А. Адъективные устойчивые сравнения — лексические универсалии	180
[Muzheika I.A. Adjective Similes as Lexical Universals]	

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ/LANGUAGES IN CONTACT

Марусенко М.А. Двужычное обучение и проблемы этнической и языковой идентичности в СССР и современной России	190
[Marusenko M.A. Bilingual Education and the Problems of Ethnic and Linguistic Identity in the USSR and Modern Russia]	
Котеняткина И.Б., Борзенкова А.А., Радович М. Некоторые аспекты билингвального обучения в современной Гватемале	204
[Kotenyatkina I.B., Borzenkova A.A., Radovic M. Some of the Aspects of Bilingual Education in Modern Guatemala]	
Луговская Е.Г. Транскультурная лингвоконцептуальная модель глобализации в региональном контексте	214
[Lugovskaya E.G. Transcultural Linguo-Conceptual Model of Globalization in a Regional Context]	

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ/LITERARY DIMENSION

Аmineва В.Р. Письмо приглашенного редактора	226
[Amineva V.R. Guest Editor’s Letter]	
Ибрагимов М.И., Галимзянова Э.М. Дискурс идентичности в теоретических трудах татарских литературоведов начала XX века	228
[Ibraghimov M.I., Galimzyanova E.M. Identity Discourse in Theoretical Works of Tatar Literary Critics at the Beginning of the XX Century]	
Хабибуллина А.З. Малые жанры русской и татарской литератур: сопоставительная поэтика	239
[Khabibullina A.Z. Small Genres of Russian and Tatar Literature: Comparative Poetics]	
Загидуллина Д.Ф. «Исторический авангард» 1960-х гг.: особенности проявления в татарской поэзии	252
[Zagidullina D.F. “Historical Avanguard” of the 1960-th: Features of Manifestation in the Tatar Poetry]	
Нагуманова Э.Ф. Поэтика Гаташа в переводах на русский язык	266
[Nagumanova E.F. The Poetics of Gatash in Russian Translations]	
Kaziyeva A.M., Pliss A.A. Motive as Transhistorical Phenomenon in the Story of the Adyghe-Russian Bilingual-Educator of the Nineteenth Century Khan Girey “Circassian Legends”	276
[Казиева Э.М., Плисс А.А. Мотив как трансисторический феномен в повести адыгско-русского билингва-просветителя XIX века Хан-Гирея «Черкесские предания»]	

Разделяя лучшее

К читателям

Дорогие читатели! В этом выпуске нашу традиционную рубрику «Художественное измерение» предваряет письмо приглашенного редактора — профессора Аминовой Венеры Рудалевны. Один из наиболее крупных исследователей литературы пограничья, талантливый теоретик и опытный редактор, Венера Рудалевна делится в этом номере своим видением проблемы транскультурной и транслингвальной литературы.

Профессору Аминовой удалось сформировать рубрику таким образом, чтобы как можно более наглядно представить Вам панораму современной татарской русскоязычной литературы. Ее авторы — представители уже сложившейся литературоведческой школы с собственными гипотезами и методами исследования. Особый интерес представляют художественные тексты поэтов и прозаиков, на материале которых осуществлен анализ: это прекрасная возможность пополнить наш исследовательский персонал и именами выдающихся художников современности. В следующих выпусках мы продолжим знакомить Вас с «ветвями» национальных литератур, объединенных наднациональным феноменом — стихией русского языка. В России, стране удивительного культурного и языкового многообразия, неиссякаем потенциал познания неведомых прежде образов мира, которые художественная словесность аккумулирует и транслирует во внешнее пространство — широкое и гетерогенное по своему качеству рецептивное поле.

Не остаются без внимания и ключевые для редколлегии вопросы: языковая политика, билингвальное образование и языковое сознание. Надеемся, что со временем сможем выйти за рамки чистой теории и повлиять на качество нашего с Вами самосознания, а значит, и на нашу жизнь.

С уважением, главный редактор В.П. Синячкин,
заместитель главного редактора У.М. Бахтикиреева

Sharing the best

To our Readers

Dear readers! In this issue, our traditional section “Literary Dimension” is preceded by a letter from the doctor of philological sciences, Professor Amineva Venera Rudalevna. One of the largest researchers of the “frontier literature”, a talented theorist and an experienced editor, Venera Rudalevna shares in this issue her vision of the problem of transcultural and translingual literature.

Professor Amineva managed to form a rubric in such a way as to present you the panorama of modern Tatar Russian-language literature. Its authors are representatives of the already established literary school with its own hypotheses and research methods. Of particular interest are the literary texts of poets and prose writers, on whose material the analysis is carried out: this is a great opportunity to replenish our “list of authors” with the names of prominent modern artists. In our next issues, we will continue to acquaint you with the “branches” of national literatures, united by a supranational phenomenon — the Russian language. In Russia, a country of amazing cultural and linguistic diversity, there is an inexhaustible potential of learning previously unknown images of the world, which artistic literature accumulates and translates into external space — receptive field that is heterogeneous in its quality.

The key issues for the editorial board are not ignored either: language policy, bilingual education and language consciousness. We hope that over time we will be able to go beyond the framework of pure theory and influence the quality of our self-awareness, and, therefore, our life.

Sincerely, Editor-in-Chief V.P. Sinyachkin,
Vice-Editor U.M. Bakhtikreeva

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-156-167

Особенности языкового сознания билингва

Н.В. Уфимцева

Институт языкознания РАН

Российская Федерация, 125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1, стр. 1

В статье описывается подход к изучению билингвизма с позиций Московской психолингвистической школы, при котором в центре внимания исследователя оказывается содержание языкового сознания (образа мира) билингва на первом и втором и т.д. языках, а в качестве инструмента исследования используется свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативное поле каждого слова-стимула рассматривается как семантический гештальт, в котором можно выделить отдельные семантические зоны, по-разному наполняющиеся в зависимости от языка, на котором в данном эксперименте отвечает билингв. Психолингвист-исследователь исходит из того, что образ мира носителя любого языка/культуры системен, и эта системность у разных культур не совпадает, не совпадает и системность стоящих за словами-эквивалентами знаний.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, образ мира, билингв, семантический гештальт, ассоциативное поле

1. Введение

Массовый билингвизм является отличительной чертой современной социально-демографической ситуации в развитых странах в связи с массовой миграцией из третьего мира, появлением транснациональных корпораций, интернета. Все это способствует «распространению не только естественного, но и искусственного билингвизма (учебного многоязычия). Возможность самореализации за пределами родной страны, доступность перемещения и трудоустройства в разных регионах планеты создают мотивацию целенаправленно изучать иностранные языки» [1. С. 53].

Последствием глобализации является разнообразие типов билингвизма и полилингвизма с обязательным английским языком в качестве Я2 или Яn [2].

Наряду с изучением типов билингвизма большое внимание уделяется описанию основных компонентов лингвистических способностей, необходимых для овладения иностранным языком [3].

Особым направлением изучения билингвизма являются нейропсихологические исследования, целью которых является определение «различий в хранении и обработке известных индивиду языков. Экспериментальные данные свидетельствуют как о возможности одного хранилища для Я1 и Я2, так и о разной локализации и различной обработке родного и неродного языков в зависимости от возраста приобретения, способа усвоения и полноты использования языков» [1]. Различия

между естественным и искусственным билингвизмом заключаются прежде всего в наличии или отсутствии полной включенности в социальное взаимодействие и общение. Искусственным называется такой билингвизм, который «целенаправленно формируется вне естественной языковой среды в условиях ограниченной практики использования языка» [1. С. 59]. Еще одно отличие естественного билингвизма от искусственного связано с механизмами овладения языком. Так, для естественного билингва (и ребенка, и взрослого) одним из таких механизмов является «статистическое научение в сочетании с имитационным поведением» [1. С. 61]. В случае искусственного билингвизма механизм статистического научения не работает из-за ограниченности речевого опыта. Как показывают исследования [4–6], «вероятностный прогноз единиц Я2 и сила ассоциативных связей между словами Я2 у обучаемых только приближается к соответствующим показателям носителей языка, не достигая их ни при длительном изучении языка, ни при изучении близкородственного языка со сходными типологическими характеристиками» [1. С. 62].

В Московской психолингвистической школе исследование проблем билингвизма (естественного и искусственного) осуществляется достаточно давно [7]. Однако с самого начала эти работы отличались своим предметом — это всегда было языковое сознание носителя языка/культуры, а в качестве метода исследования использовался свободный ассоциативный эксперимент. Психолингвистов интересовало содержание языкового сознания (образа мира) билингва на первом и втором, третьем и т.д. языке, расхождения в этом содержании и влияние на них особенностей языков и культур.

Под языковым сознанием мы понимаем ту часть сознания индивида, которая оперирует со значениями как социальными образованиями и делается доступной для внешнего наблюдателя (овнешняется) с помощью слова (в широком смысле: отдельного слова, ассоциативного поля, текста). Это знания, полученные в процессе социализации в рамках определенной культуры, выраженные с помощью языка.

2. Обсуждение

В процессе изучения искусственного или учебного билингвизма были получены интересные результаты, которые позволили в дальнейшем усовершенствовать методику исследований языкового сознания билингва.

Так, Е.А. Попкова показала (табл. 1), что даже высокий уровень владения вторым (в данном случае английским) языком не гарантирует совпадения в содержании языкового сознания билингва на втором языке с содержанием языкового сознания его естественного носителя, поскольку «формирование содержания языкового сознания искусственного билингва находится под сильным влиянием родной культуры и языка» [7. С. 224].

Мы видим, что когнитивные стратегии, которые используют испытуемые — носители русского языка/культуры в ассоциативном эксперименте на родном языке, автоматически переносятся на иноязычный материал и эти стратегии не совпадают со стратегиями, используемыми в ассоциативном эксперименте но-

сителями английского (британского) языка/культуры. Следовательно, еще один фактор, который необходимо учитывать при анализе образа мира искусственного билингва, — это различия в системности образа мира родной и второй культуры. Именно действием этого фактора, а не отсутствием механизма статистического научения можно объяснить тот факт, что структура ассоциативного поля искусственного билингва лишь приближается структуре ассоциативного поля носителя изучаемого билингом языка, никогда ее не достигая.

Таблица 1/Table 1

Содержание ассоциативного поля слова-стимула «вода»
[The content of the associative field of the stimulus word "Water"]

Стимул/ Stimulus	Русские на русском/ Russian respondents in Russian	Стимул/ Stimulus	Русские на английском/ Russian respondents in English	Англичане (Kiss&all)/ The British
Вода	жизнь (21), море (14), река (8), жидкость (7), озеро (4), мокрая (4), чистая (3), прозрачная (3), пить (3), поток (2), H ₂ O (2), жажда (2), чистота (2), вечность (2). Единичных реакций 93 Нулевых реакций 0	Water	River (15), ocean (14), life (11), sea (10), fire (9), drink (8), blue (5), ice (3), clear (3), air (2), cold (2), snow (2), liquid (2), wet (2), pool (2), glass (2) Единичных реакций 80 Нулевых реакций 1	Wet (13), drink (8), tap (6), sea (5), cold (3), hot (3), H ₂ O (3), rain (3), river (3), thirst (3), cool (2), desert (2) Единичных реакций 43 Нулевых реакций 3

Первым исследованием национально-русского билингвизма с позиций Московской психолингвистической школы можно считать работу Б.В. Дашиевой [8]. Впервые для анализа ассоциативного материала был использован метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова. В качестве испытуемых выступали три группы студентов разных специальностей в возрасте от 17 до 25 лет: носители бурятской культуры, владеющие родным (бурятским) и русским языками (билингвы); носители бурятской культуры с первым языком русским, не владеющие родным (бурятским) языком и носители русского языка/культуры, постоянно проживающие в Бурятии. Методом исследования послужил свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией первого ответа. Полученные результаты показали, что содержание языкового сознания бурят-билингвов совпадает с содержанием традиционной бурятской культуры, а содержание языкового сознания русскоязычных бурят имеет больше общего с языковым сознанием носителей русского языка/культуры, проживающих в Бурятии.

Психолингвистические исследования билингвизма получили свое развитие в двух больших проектах сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН: «Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимодействия» [3] и «Конфликтогенные зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межъязыковые параллели», поддержанные грантами РГНФ (РФФИ). Это позволило применить опыт нашей многолетней работы к исследованию феномена регионального языкового сознания в тех республиках РФ, в которых существует тесный и многолетний контакт русских с автохтонным населением, но формы этого контакта различаются, как различаются и сами взаимодействующие культуры и языки.

Одной из задач, которые решались в рамках этих проектов, было установление степени влияния фактора билингвальности на содержание и структуру образов языкового сознания указанных этносов.

Исследование проводилось методом свободного ассоциативного эксперимента, в качестве испытуемых традиционно выступали студенты различных вузов в возрасте от 17 до 26 лет. В Татарстане и Якутии это были билингвы — носители соответственно татарско-русского и якутско-русского билингвизма и носители русского языка/культуры, постоянно проживающие в республиках. Для анализа ассоциативных полей использовался модифицированный метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова.

Рассмотрим в качестве примера ассоциативный гештальт слова-стимула *уважение*, смоделированный на основе полученных результатов с указанием процентного содержания реакций определенного типа (семантической группы) по каждой выборке респондентов (табл. 2–8).

Таблица 2/Table 2

Ассоциативный гештальт слова-стимула *уважение* (Хөрмәт_{тат}, Ытыктабыл_{як}), %
[Associative gestalt of the stimulus word *Respect*, %]

Зона/Регион/ Region	Русские в Якутии РЯ _{рус/} Russian people in Yakutia	Якуты на русском ЯЯ _{рус/} Yakut people in Russian	Якуты на якутском ЯЯ _{як/} Yakut people in Yakut	Русские в Татарстане РТ _{рус/} Russian people in Tatarstan	Татары на русском ТТ _{рус/} Tatar people in Russian	Татары на татарском ТТ _{тат/} Tatar people in Tatar
Субъект С/Subject S	67,5	57,5	50,8	42,3	56	60,3
Человек/Human	14,0	5,8	8,9	14,1	5,1	6,1
Адресат/Addressee	35,1	37,5	29,8	33,6	25,6	27,8
Друг/Friend	1,8	—	—	0,8	—	—
Профессия/Profession	—	2,5	1,6	1,6	22,9	1,2
Семья/Family	16,6	11,7	10,5	21,1	2,4	25,7
Объект О/Object O	14,9	22,5	45,2	34	27,1	24,8
Предметы и реалии/Objects and Realities	3,5	9,2	4,8	15,8	10,2	6,1
Ценности, эмоции/Values, Emotions	11,4	5,8	6,5	14,1	9,9	12,6
Квазисинонимы/Quasi-synonyms	—	7,5	33,9	2,9	5,4	4,6
Квазиантонимы/Quasi-antonyms	—	—	—	1,2	1,5	1,5
Характеристика/Characteristics	3,1	—	—	6,2	1,8	0,8
Положительная/Positive	3,1	—	—	3,7	1,8	0,8
Нейтральная/Neutral	—	—	—	1,7	—	—
Отрицательная/Negative	—	—	—	0,8	—	—
Действие, Состояние/ Action, Condition	9,6	1,0	1,6	7	3,9	2,7
Эго/Ego	—	1,3	2,4	2,1	1,2	1,5
Эго/Ego	6,1	8,3	—	7,5	8,7	8,8
Устойчивые словосочетания/Idioms	1,7	1,6	—	0,8	0,6	0,8

Таблица 3/Table 3

Содержание ассоциативного гештальта стимула уважение
[Content of associative gestalt of the stimulus word *Respect*, %]
Русские в Якутии/Russians in Yakutia

Зона/Zone	Реакция/частота/Reaction/Frequency	%
Субъект С/Subject S Человек/Person Адресат/Addressee	77 к людям 8, к человеку 6, людей 2 = 16 К старшим 20, старшим 6, старших 9, взрослым 3, к старым 2 = 40 Друга 2 = 2	67,5 14,0 35,1 1,8
Друг/Friend Профессия/Profession Семья/Family	родители 3, к родителям 8, к близким 4, к маме 2 родные 2 = 19	16,6
Объект О/Object O Предметы и реалии/Objects and Realities	17 авторитет 2, гордость 2 = 4	14,9 3,5
Ценности, эмоции/Values, Emotions Квазисинонимы/Quasi-synonyms Квазиантонимы/Quasi-antonyms	честь 6, любовь 3, почтение 2, презрение 2 = 13	11,4
Характеристика/Characteristics	Положительная/Positive: Нейтральная/Neutral: Отрицательная/Negative:	
Действие/ Action Состояние/Condition	11 заслужить 6, получить 3 иметь 2 = 11	9,6 9,6
Локус/Locus		
Эго/Ego	к себе 4, к другим 3 = 7	6,1
Словосочетания Устойчивые/Idioms	друг к другу 2 = 2	1,7

Таблица 4/Table 4

Содержание ассоциативного гештальта стимула уважение
[Content of associative gestalt of the stimulus word *Respect*]
Русские в Татарстане/Russians in Tatarstan

Зона/Zone	Реакция/частота/Reaction/Frequency	%
Субъект С/Subject S Человек/Person	102 к людям 12, к человеку 8, людей 4, люди 2, окружающим 2 чужих 2 герой 2, к личности 2 = 34	42,3 14,1
Адресат/Addressee	к старшим 48, старшим 8, старших 7, старший 3, и старшим 2, старшие 2 взрослый 3, взрослые 2, взрослых 2, к взрослым 2, пожилые 2 = 81 друзей 2 = 2	33,6
Друг/Friend Профессия/Profession Семья/Family	преподаватель 2, учитель 2 = 4 родители 15, к родителям 4, родителей 3, семья 11, отец 7, к родным 4, к отцу 3, к близким 2, к маме 2 = 51	1,6 21,1
Объект О/Object O Предметы и реалии/Objects and Realities	82 авторитет 12, сила 6, старость 6, власть 3, заслуга 5, качество 2, гордость 4 = 38 честь 9, и честь 2, доверие 5, почет 5, достоинство 4,	34 15,8
Ценности, эмоции/Values, Emotions	любовь 3, взаимность 2, почтение 2, почитание 2 = 34	14,1
Квазисинонимы/Quasi-synonyms Квазиантонимы/Quasi-antonyms	признание 2, отношение 2, толерантность 3 = 7 страх 3 = 3	2,9 1,2

Зона/Zone	Реакция/частота/Reaction/Frequency	%
Характеристика/Characteristics	15 Положительная/Positive: хорошо 3, главное 2, дорогой 2, заслуженное 2 = 9 Нейтральная/Neutral: взаимно 2, взаимное 2 = 4 Отрицательная/Negative: редко 2 = 2	6,2 3,7 1,7 0,8
Действие/Action Состояние/Condition	заслужить 7, достичь 2, не купишь 2, получить 2, пожать руку 2, пропало 2 = 17 нет 3, нужно 2 = 5	7 2,1
Локус/Locus		
Эго/Ego	к себе 6, ко всем 5, мое 3, и себе 2, ко всему 2 = 18	7,5
Словосочетания Устойчивые/Idioms	превыше всего 2 = 2	0,8
Прочие/Other		

Таблица 5/Table 5

Содержание ассоциативного гештальта стимула уважение
[Content of associative gestalt of the stimulus word Respect]
Татары на русском в Татарстане/Tatars in Russian in Tatarstan

Зона/Zone	Реакция/частота/Reaction/Frequency	%
Субъект С/Subject S Адресат/Addressee	186 к старшим 48, старших 8, старшим 7, старшие 3 взрослые 5, ветеран 4, ветераны 4, к пожилым 4, к ветеранам 2 = 85	56
Семья/Family	родители 21, к родителям 17, родителей 3, родителям 3, к близким 6, отец 6, отца 5, семья 5, близких 2, к близкому 2, к маме, папе 2, к матери 2, маме 2, мамы 2, папа 2, родные 2 = 76	25,6
Человек/Person	к людям 10, к человеку 3, парень 2, к окружающим 4 работник 2, = 17 + 4	22,9
Профессия/Profession	учитель 4 = 4	5,1 2,4
Объект О/Object O Предметы и реалии/Objects, Realities	90 старость 8, авторитет 5, достоинство 4, благородство 3, возраст 2, мудрость 2, сила 2, медаль 2, достижение 2, вежливость 2, признание 2 = 34	27,1
Ценности, эмоции/Values, Emotions	любовь 12, доверие 5, забота 5, почитание 3, почтение 3, ценность 3, честь 2 = 33	10,2
Квасинонимы/Quasi-synonyms	респект 8, толерантность 2, важное качество 2, почет 6 = 18	9,9
Квазиантонимы/Quasi-antonyms	ложь 3, страх 2 = 5	5,4 1,5
Характеристика/Characteristics	6 Положительная: главное 2, достойное 2, заслужено 2 = 6 Нейтральная: — Отрицательная: —	1,8 1,8
Действие/Action Состояние/Condition	заработать 2, не купишь 2, надо заслужить 2, нужно заслужить 2, заслужить 5 = 13 нет 4 = 4	3,9 1,2
Локус/Locus	Везде 2 = 2	0,6
Эго/Ego	Ко всем 8, к себе 6, к другим 5, всем 2, других 2, другого 2, к своим 2, мое 2 = 29	8,7
Словосочетания Устойчивые/Idioms	превыше всего 2 = 2	0,6
Прочие/Other		

Таблица 6/Table 6

Содержание ассоциативного гештальта стимула уважение
[Content of associative gestalt of the stimulus word Respect]
Якуты на русском в Якутии/Yakut people in Russian in Yakutia

Зона/Zone	Реакция/частота/Reaction/Frequency	%
Субъект С/Subject S Человек/Person Адресат/Addressee	69 герой 3, человека 2, к человеку 2 = 7 к старшим 21, старшие 7, старшим 6, старших 3, взрослым 2, к старшему 2 пожилой 2 старые 2 = 45	57,5 5,8 37,5
Друг/Friend Профессия/Profession Семья/Family	преподаватель 3 = 3 отец 7 мама 2, к родителям 3, родители 2 = 14	2,5 11,7
Объект О/Object O Предметы, реалии/Objects, Realities	27 авторитет 4, власть 3, сила 2 гордость 2 = 11 честь 5, почтение 2 = 7	22,5 9,2 5,8
Ценности, эмоции/Values, Emotions Квазинимы/Quasi-synonyms Квазиантонимы/Quasi-antonyms	признание 4, почет 3, отношение 2 = 9	7,5
Характеристика/Characteristics	Положительная: — Нейтральная: — Отрицательная: —	
Действие/Action Состояние/Condition	4 заслужить 2 = 2 есть 2 = 2	2,6 1,3 1,3
Эго/Ego	к себе 4, вам 3, себя 3 = 10	8,3
Словосочетания Устойчивые/Idioms	превыше всего 2 = 2	1,6
Прочие/Other	респект 8 = 8	6,7

Таблица 7/Table 7

Содержание ассоциативного гештальта стимула ытыктабыл (уважение)
[Content of associative gestalt of the stimulus word Respect]
Якуты на якутском в Якутии/Yakut people in Yakut in Yakutia

Зона/Zone	Реакция/частота/Reaction/Frequency	%
Субъект С/Subject S Человек/Person (Human) Адресат/Addressee	63 Киһи/человек 9, киһитэ/(уважаемый) человек 2 = 11 Кырдыаҕас/старый, старец, старая, старик, старуха 19, кырдыаҕастарга/старым 6, кырдыаҕаска/старику, старухе, старцу 4, кырдыаҕасдьон/старые люди, старцы 3, Улахандьон/старшие, взрослые 3, кырдыаҕастар/старые 2 = 37	50,8 8,9 29,8
Друг/Friend Профессия/Profession Семья/Family	учуутал учитель 2 = 2 эбээ бабушка 6, ийэ мать 2, эһээ дед, дедушка 2, аҕа отец 3 = 13	1,6 10,5
Объект О/Object O Предметы, реалии/Objects, Realities Ценности, эмоции/Values, Emotions	56 Сир/земля 3, ыһыах ысыах/ национальный якутский праздник 3 = 6 Чиэс/честь 2, иэс/ долг 2, махтабыл/ благодарность 2, таптал/любовь 2 = 8	45,2 4,8 6,5
Квазисинонимы/Quasi-synonyms Квазиантонимы/Quasi-antonyms	Убаастабыл/уважение 34, убаастааһын/уважение 4, хайбабыл/хвала, похвала; одобрение, поощрение 2, чиэстэбил/ почет 2 = 42	33,9

Зона/Zone	Реакция/частота/Reaction/Frequency	%
Характеристика/Characteristics	Положительная: Нейтральная: Отрицательная:	
Действие/Action Состояние/Condition	5 Убаастаа/уважать 2 = 2 Баар/есть 3 = 3	4,0 1,6 2,4

Таблица 8/Table 8

Содержание ассоциативного гештальта стимула хөрмәт (уважение)
[Content of associative gestalt of the stimulus word *Respect*]
Татары на татарском в Татарстане/Tatar people in Tatar in Tatarstan

Зона/Zone	Реакция/частота/Reaction/Frequency	%
Субъект С/Subject S Адресат/Addressee	158 старших 11, старшим 5, пожилым 3, ветеран 3, старики 3, пожилые 3	60,3 27,8
Семья/Family	эти-эни/родители 14, ата-ана/родители 5, мама 12, семья 2, эти/папа 5, эби-бабай/бабушка дедушка 3 = 41	25,2
Человек/Human Профессия/Profession	взрослый человек 6, человек 5 учитель 9, учителя 2	6,1 1,2
Объект О/Object O Предметы, реалии/Objects, Realities Ценности, эмоции/Values, Emotions Квазисинонимы/Quasi-synonyms Квазиантонимы/Quasi-antonyms	65 мясо 6, богатство 2 = 8 почтение 11, почитание 5 слава 2 улыбка, 2 добро 2 = 22	24,8 6,1 18,7
Характеристика/Characteristics	4 Положительная: Нейтральная: зур/большой, крупный, огромный; старший 2 Отрицательная:	1,5 1,5
Действие/Action Состояние/Condition	Итү/обмануть 9, итәргә/уважать 12, любить 9, смотреть 3, уважайте 2 итә (вспомог. глагол)/уважает; помогает 3; помогать 3, подчиняться 2, Показать 2, хөрмәтитү/уважать 2 = 47 надо = 4	17,9 0,8

Структура ассоциативного гештальта

Как видим из данных, приведенных в табл. 2—8, центральной является зона **Субъект**, что свидетельствует о сходной когнитивной стратегии указывать на лицо, которому оказывается уважение или от которого этого уважения ожидают. Наибольшее число слов-реакций в этой зоне у испытуемых ТТ_{тат} и у русских в Якутии. В зоне **Объект** наибольшее число реакций у ЯЯ_{як}, а меньше всего у русских в Якутии. В зоне **Характеристика** отсутствуют реакции у обеих групп испытуемых-якутов, а больше всего реакций у русских в Татарстане. В зоне **Действие, состояние** по количеству реакций лидируют русские Якутии, меньше всего таких реакций у ЯЯ_{рус}. В зоне **Эго** число реакций приблизительно одинаково у всех групп испытуемых, у респондентов ЯЯ_{як} реакции в этой зоне отсутствуют.

Содержание ассоциативного гештальта

Зона **Субъект**. На долю этой зоны в ассоциативном гештальте приходится наибольшее число слов-реакций. *Уважение* все респонденты испытывают к *старшим, взрослым, пожилым, ветеранам* (последняя реакция отсутствует у русских в Татарстане, и ее больше всего в ответах испытуемых ТТ_{рус}), *улахандьон (старшие, взрослые), кырдыбаҗас (старый, старец, старая, старик, старуха)*.

Вторая по величине субъектная субзона — **Семья**. Все респонденты испытывают *уважение к родителям, к близким* и от них же надеются заслужить *уважение*. Однако разные группы испытуемых указывают на разных членов семьи как на объект уважения: русские в Татарстане называют прежде всего *отца* (общая частота реакции 10) и *маму* (2). Испытуемые-татары и на татарском, и на русском языке называют *отца* (9/11), *паны* (4/4) и *маму* (6/8), испытуемые ЯЯ_{рус} — прежде всего *отца* и *маму*, а ЯЯ_{як} — *эбээ (бабушка), аҗа (отец), ийэ (мать), эһээдэд (дедушка)*.

Все группы испытуемых субъектом *уважения* рассматривают человека.

Зона **Объект**. В этой зоне ассоциативного гештальта видим слова-реакции, которые указывают на те качества человека, которые вызывают *уважение*. У всех групп испытуемых, кроме ЯЯ_{як}, — это *авторитет* и *старость*. У русских в Татарстане это еще *сила, власть* и *достоинство*, а у испытуемых-татар — *благородство* и *вежливость*. Испытуемые ЯЯ_{як} называют реалии, которые вызывают *уважение: сир (земля), ыһыах* (национальный якутский праздник).

В субзоне **Ценности и эмоции** зафиксированы реакции *любовь, честь, доверие, почет, почитание* у всех групп испытуемых, а у испытуемых ЯЯ_{як} еще и *махтабыл (благодарность)*. У русских в Татарстане и у двух групп татар *уважение* связано с *толерантностью*.

В зоне **Характеристика** все информанты, кроме обеих групп якутов, у которых оценки вообще отсутствуют, оценивают *уважение* положительно, а русские указывают, что оно встречается *редко*. Все группы испытуемых указывают, что *уважение нужно заслужить*, при этом все русские прежде всего требуют *уважения к себе*, а затем уже *ко всем*, а все испытуемые-татары наоборот — сначала *ко всем*, а потом уже *к себе*, добавляя — *к своим*, а обе группы испытуемых-якутов указывают, что *уважение баар* (есть).

Зона **Эго**. Все группы испытуемых, кроме ЯЯ_{як}, говорят об уважении *к себе*, русские испытуемые в Якутии — *и к другим*, ЯЯ_{рус} — *к вам*.

Наибольшие отличия в когнитивных стратегиях по отношению к русским испытуемым наблюдаются у испытуемых ЯЯ_{як} и частично у ТТ_{рус} и ТТ_{тат} в зоне **Объект** и **Субъект** (подзоны **Друг, Профессия, Семья**).

3. Выводы

Влияние фактора родного языка на особенности языкового сознания информантов-татар и якутов, отвечавших на родном и русском языках (как правило, это билингвы, хорошо владеющие обоими языками), выразилось в том, что на содержание полученных ассоциаций оказывает значительное влияние структура

языка, в частности грамматическая «заданность» реакции и ограничение лексической вариативности, что выражается в значительном сходстве частотных реакций на русском языке у татар и якутов, отвечавших на русском языке, и у русских испытуемых, а также в возрастании числа устойчивых сочетаний на русском языке у татар, отвечающих по-русски.

Речь идет, собственно, о специфике когнитивных стратегий, задаваемых во многом структурой языка, что объяснимо, если учесть типологическое несходство русского, татарского и якутского языков. Переключаясь на другой язык, билингв вынужден использовать эти стратегии; тем не менее содержательное различие, указывающее на глубокую *концептуальную* самобытность культур, заметно и в этом случае. Оно выражается в способах репрезентации компонентов ценностной системы и связанными с ней подсистемами [9; 10].

Список литературы

1. *Башкова И.С., Овчинникова И.Г.* Нейропсихологическая характеристика билингвима // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1 (17). С. 52–69.
2. *Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О.* Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012. № 3(15). С. 18–37.
3. *Carroll J.B.* Human Cognitive Abilities. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
4. *Чугаева Т.А.* Механизмы аудирования родной и иноязычной речи: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
5. *Барина И.А., Овчинникова И.Г.* О влиянии коллокаций лексем осваиваемого языка на организацию ментального лексикона русско-английских билингвов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2012. Вып. 4. С. 35–37.
6. *Овчинникова И.Г.* Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 43–49.
7. *Попкова Е.А.* Психолингвистические особенности языкового сознания билингвов (на материале русско-английского учебного билингвизма): дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
8. *Дашиева Б.В.* Концепт образа мира в языковом сознании русских, бурят, англичан (национально-культурный аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
9. *Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А.* Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния: коллективная монография / под ред. Н.В. Уфимцевой. М.—Ярославль: Канцлер, 2017.
10. *Балясникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Чулкина Н.Л.* Языковое сознание: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 232–250.

© Уфимцева Н.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13.02.2019

Дата принятия к печати: 09.04.2019

Модератор: В.П. Снячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Уфимцева Н.В. Особенности языкового сознания билингва // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 156—167. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-156-167

Сведения об авторе:

Уфимцева Наталья Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН. E-mail: NVU@iling.msk.su

Bilingual Consciousness and its Peculiarities

N.V. Ufimtseva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
B. Kislovskij per. 1, St. 1, Moscow, 125009, Russian Federation

To describe bilingualism, the author employs the approach developed within the Moscow Psycholinguistic School, i.e. the researcher investigates the language consciousness contents (picture of the world) of a bilingual in the first and second languages, with the free associative experiment acting as a tool to access the picture. The associative field of each word-stimulus is regarded a semantic gestalt, where one can define semantic zones, filled differently due to the language the bilingual uses during the experiment. The investigator assumes the picture of the world of any native language speaker or culture bearer is systematized, the systematicity differs from culture to culture, as well as the knowledge systems associated with the equivalent words.

Key words: language consciousness, associative experiment, image of the world, bilingual, semantic Gestalt, associative field

References

1. Bashkova, I.S., I.G. Ovchinnikova. 2013. "Nejropsikhologicheskaya kharakteristika bilingvima" [Neuropsychological Characteristics of Bilingualism]. *Voprosy psikholingvistiki*. 1(17): 52—69. Print. (In Russ.)
2. Kirilina, A.V., E.S. Gritsenko, and Laletina A.O. 2012. "Globalizatsiya v aspekte lingvistiki" [Globalization in the Aspect of Linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki*. 3(15): 18—37. Print. (In Russ.)
3. Carroll, J.B. 1993. *Human Cognitive Abilities*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
4. Chugaeva, T.A. 1989. "Mekhanizmy audirovaniya rodnoj i inoyazychnoj rechi" [Mechanisms for listening native and foreign language speech]: Candidate Thesis. Leningrad. Print. (In Russ.)
5. Barinova, I.A., I.G. Ovchinnikova. 2012. "O vliyanii kollokatsij leksem osvaivaemogo yazyka na organizatsiyu mental'nogo leksikona russko-anglijskikh bilingvov" [On the Influence of

- Collocations of Lexemes of Mastered Language on the Organization of the Mental Lexicon of Russian-English Bilinguals]. *Vestnik Vyatskogo gosudravnogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Filologiya i iskusstvovedenie»*. 4: 35–37. Print. (In Russ.)
6. Ovchinnikova, I.G. 2009. “Eshhe raz o modelirovanii mental'nogo leksikona bilingva” [Once Again on the Modeling of the Bilingual Mental Lexicon]. *Voprosy psikholingvistiki*. 10: 43–49. Print. (In Russ.)
 7. Popkova, E.A. 2002. “Psikholingvisticheskie osobennosti yazykovogo soznaniya bilingvov (na material rusko-anglijskogo uchebnogo bilingvizma)” [Psycholinguistic Features of Linguistic Consciousness of Bilinguals (based on Russian-English Academic Bilingualism)]. Candidate Thesis. Moscow. Print. (In Russ.)
 8. Dashieva, B.V. 2000. “Kontsept obraza mira v yazykovom soznanii russkikh, buryat, anglichan (natsional'no-kul'turnyj aspekt)” [The Concept of the Image of the World in the Linguistic Consciousness of Russians, Buryats, Englishmen (National-cultural Aspect)]. Candidate Thesis. Moscow. Print. (In Russ.)
 9. Ufimtseva, N.V. et al. 2017. *Regional'noe yazykovoe soznanie komi, russkikh, tatar: problem vzaimovliyaniya* [Regional Linguistic Consciousness of Komi, Russian, Tatars: Problems of Mutual Influence]. Moscow—Yaroslavl': Izdatel'stvo Kantsler, Print. (In Russ.)
 10. Balyasnikova, O.V., N.V. Ufimtseva, Cherkasova G.A., and N.L. Chulkina. 2018. *Yazykovoe soznanie: regional'nyj aspekt* [Language Consciousness: Regional Aspect]. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*. 22 (2): 232–250. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 13.02.2019

Accepted: 09.04.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Ufimtseva, N.V. 2019. “Bilingual Consciousness and its Peculiarities”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 156–167. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-156-167

Bio Note:

Natalya V. Ufimtseva is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Ethnopsycholinguistics Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. E-mail: NVU@iling.msk.su

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-168-179

«Успешный человек» как ценностная доминанта американской лингвоаксиологической картины мира

Т.В. Зенкова

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова
Республика Казахстан, 140008, Павлодар, ул. Ломова, 64

Статья посвящена изучению важного для американской культуры понятия “successful person” («успешный человек») с позиций современной лингвистической аксиологии. Лингвоаксиологический подход к изучению языка, предпринятый в данной статье, позволяет выявить важную информацию о ценностной картине мира американцев и предоставляет возможность более детального ознакомления с американским национальным характером и менталитетом. Цель работы — выявление и анализ приемов вербализации ценностной составляющей понятия “successful person”, а также установление его места в ценностной картине мира представителей современной американской лингвокультуры. Исследование проведено на материале различных видов англоязычных словарей: толковых, фразеологических, этимологических, лингвострановедческих и т.д. Анализ показал, что исследуемое понятие широко представлено в языке на лексическом и фразеологическом уровнях, обладает яркими оценочными характеристиками и имеет разветвленную семантическую структуру. Данное понятие также получает в культуре метафорическое осмысление и вербализуется целым рядом метафор. Понятие “successful person” занимает одно из доминантных мест в американской картине мира, являясь реализацией ключевой идеи национально-культурного феномена “American Dream” («американская мечта»).

Ключевые слова: лингвоаксиологическая картина мира, система ценностей, ценностный компонент, ценность, антиценность, лингвокультурное сообщество, лингвоаксиологический подход, лингвистическая аксиология, успех, успехо-центрированный

1. Введение

Одним из самых активно развивающихся сегодня направлений современного языкознания является лингвоаксиологическое. В самом общем смысле лингвистическая аксиология — это наука, изучающая то, как базовые общественные ценности отражаются и фиксируются в единицах языка, в речи и коммуникации. Важнейшей исследовательской задачей «аксиологически ориентированной лингвистики» является «определение методологии и технологии в изучении содержания внутреннего мира языковой (дискурсивной) личности, ценностных ориентаций личности и общества по данным языка, точнее — человека говорящего, создающего дискурсивный мир с Миром, Другими и самим собой в этом мире» [1. С. 19].

Аксиологический подход уже давно и успешно применяется в философии, психологии, социологии, этике и других социально-гуманитарных науках. Не

обошел он и лингвистику. Лингвоаксиологический подход — «это, с одной стороны, способ исследования языковых явлений и речевого поведения человека как источника информации о системе ценностей общества, а с другой стороны, изучение языка и коммуникации сквозь призму многообразия ценностей с целью выявления новых языковых и речевых особенностей» [2. С. 188].

Отраженную в языке систему ценностей общества принято называть ценностной картиной мира или аксиологической картиной мира. По мнению многих ученых (Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, В.А. Масловой, Н.Ф. Алефиренко и др.), ценностная картина мира представляет собой важнейшую часть языковой картины мира любого народа. Однако, как полагает З.К. Темиргазина, «система ценностей, отраженная в языке, не может быть фрагментом (или частью) национальной картины мира, поскольку в этом случае она представляется состоящей из ценностной картины мира и ее “неценностной” части, в которую входят ценностно нейтральные объекты (предметы, понятия, явления и события). “Неценностный” фрагмент языковой картины мира составляет ее значительно меньшую часть, по сравнению с ценностным фрагментом» [3. С. 13]. Ученый подчеркивает, что аксиологическая картина мира — это скорее принцип моделирования и систематизации элементов концептуальной и языковой картин мира, своеобразная динамическая матрица, которая накладывается носителями языка и культуры на окружающую реальность и пронизывает ее [3]. Вслед за З.К. Темиргазиной мы полагаем, что в этой матрице те или иные ценности не только расположены иерархически, т.е. могут иметь разную для коллектива значимость, но и могут менять свое положение в этой иерархии в зависимости от особенностей концептуализации ценностных предпочтений.

Данная статья посвящена изучению лингвоаксиологических характеристик одного из важнейших для американской культуры понятий — “successful person”. Исследование проводилось на материале различных видов англоязычных словарей: толковых, фразеологических, этимологических, лингвострановедческих, тезаурусов, словарей синонимов и антонимов. Целью исследования стало выявление и описание приемов вербализации аксиологической составляющей понятия “successful person” и установление его места в ценностной картине мира современных американцев.

Понятие «успех» в качестве ценностного ориентира существует во многих культурах, однако именно в американской оно стало национальной идеей. Американское общество — успехо-центрированное (success-oriented) общество. Этому способствовали исторические, экономические и социокультурные предпосылки становления американской нации.

Культурно-историческое пространство США начало формироваться относительно недавно, что определило специфику системы базовых ценностей этой страны. Одной из базовых ценностей для американцев является общность убеждения в том, что страна иммигрантов предоставляет в равной степени каждому человеку, наделенному способностями, трудолюбием и решимостью преодолеть все трудности, возможность добиться успеха, свободы и лучшей жизни [2]. Позже это стремление к лучшей жизни дорогой успеха назовут американской мечтой (American Dream). Само понятие “American Dream” впервые появилось в 1931 г.

в книге американского историка и писателя Дж. Адамса “The Epic of America” («Эпос Америки»), где автор дает следующее определение вновь введенному понятию: “The American Dream is that dream of a land in which life should be better and richer and fuller for everyone, with opportunity for each according to ability or achievement” [4] («Американская мечта — это мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче, полнее, и где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает»).

Американская мечта воплощает общенациональные ценности США, к которым традиционно относят: власть над обстоятельствами, положительное отношение к переменам, ценность времени и управление им, равенство и равноправие, индивидуализм и неприкосновенность частной жизни, концепцию «помоги себе сам», конкуренцию и свободное предпринимательство, ориентацию на будущее, ориентацию на действие/работу, непринужденность, прямоту, открытость и честность, практичность и эффективность, материализм и потребление, а также патриотизм и религию [5].

Несмотря на то, что понятие “American Dream” появилось в общественно-политическом дискурсе США лишь в 1931 г., корни американской мечты как специфического культурного феномена уходят во времена раннего американского протестантизма. Идея американской мечты была изначально религиозной. Первопоселенцы верили, что упорный труд во славу Бога будет способствовать построению процветающего справедливого мира — Царства Божьего на земле (ср., например: City upon a Hill, City of Brotherly Love). Позже, когда началось освоение новых территорий (эпоха фронта (Frontier) как освоение Дикого Запада, калифорнийская «золотая лихорадка» и т.д.), к культу труда присоединились такие значимые для американцев понятия, как самодостаточность, самопомощь, стремление к личной свободе, соревновательность, склонность к риску. Одновременно росла и крепла вера в особое предназначение Америки, «американскую исключительность»: именно в Америке, свободной от несправедливости, неравенства и нетерпимости, существуют равные возможности для всех, кто способен честно и упорно трудиться, добиться успеха и стать счастливым, и поэтому американцам следует распространять по миру идеи свободы и демократии. Все это наложило особый отпечаток на культуру американского народа, его склад ума, реакции на те или иные события и явления, жизненные приоритеты, векторы развития внутренней и внешней политики, а также определило набор и иерархию ценностных ориентиров американского общества.

2. Обсуждение и результаты

Базовые ценности общества отображаются и закрепляются в языке его носителей. Это, по мнению В.И. Карасика, составляет аксиологический кодекс языка, представляющий собой совокупность оценочных признаков в лексических значениях слов [6. С. 184]. Следовательно, изучение понятия “successful person” необходимо начинать с анализа словарных дефиниций, который может служить основой для выделения ключевых характеристик понятия. В нашем случае мы начали с изучения словарных дефиниций ключевого слова “successful”.

Прилагательное “successful” (от success, *Latin* successus, + -ful) первоначально (1580-е гг.) имело значение ‘having or resulting in any kind of success’ (‘имеющий или заканчивающийся каким-либо успехом’). Позднее, в XIX в., в семантической структуре слова появился признак ‘wealthy, resulting in financial prosperity’ (‘состоятельный, оканчивающийся финансовым благополучием’) [7]. Таким образом, уже на уровне этимологии мы можем установить базовые компоненты понятийного содержания исследуемого нами понятия: ‘благоприятный исход’, ‘желаемый результат’, ‘финансовое благополучие’.

Основные семантические признаки исследуемого нами понятия были выявлены в ходе изучения толковых словарей английского языка: Oxford English Dictionary, Macmillan English Dictionary, New American Webster dictionary, Cambridge Dictionary, Collins English Dictionary, Longman Essential Activator и некоторых других, для чего применялся метод обобщения словарных дефиниций, «основанный на принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное лексикографическое описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга» [8. С. 10].

Обобщив словарные дефиниции различных англоязычных толковых словарей, мы установили следующие значения лексемы “successful”:

- achieving what it was intended to achieve;
- achieving a high position, for example in business or politics;
- achieving desired results, or achieving the result of making a lot of money;
- gaining or having gained success;
- having attained wealth, position, fame, honors, or the like;
- having succeeded in one’s endeavors;
- marked by a favorable outcome;
- achieving good results in one’s job, in a sport, etc. and admired by people for this.

Анализ словарных дефиниций позволил выделить основные семантические признаки прилагательного “successful”: ‘достигший желаемого/положительного результата’, ‘добившийся успеха в начинаниях’, ‘достигший высокого положения (в бизнесе, политике, др.)’, ‘приобретший богатство, способный «делать деньги»’, ‘снискавший славу, известность, награды’, ‘вызывающий своими высокими достижениями восхищение людей’, ‘благоприятный, благосклонный’.

На основе анализа англоязычных словарей синонимов и тезаурусов было также установлено, что прилагательное “successful” имеет разветвленную сеть синонимов:

- favorable (благоприятный) — flourishing, prosperous, triumphant, affluent, auspicious, fruitful, blooming, blossoming, palmy;
- profitable (выгодный, прибыльный) — thriving, going, wealthy, prosperous, rich, paying, moneymaking, well-to-do;
- having good luck (удачливый) — fortunate, lucky, happy, fortuitous, blessed, rewarding;
- effectual (эффективный, дающий результат) — accomplishing, achieving, booming, effecting, effective, efficient, fulfilling, productive, operative, energetic;

— extraordinary (выдающийся, опередивший всех) — outstanding, remarkable, victorious, advantageous, notable, noteworthy, unbeaten, undefeated, at the top, ahead of the game, at top of ladder;

— having succeeded in life unaided (добившийся успеха своими силами, без помощи) — self-made, self-created.

Итак, анализ толковых и синонимических словарей английского языка позволил нам выявить наиболее важные смысловые признаки, формирующие понятие “successful” в современном английском языке. К данным понятийным признакам мы можем отнести следующие: ‘успешный, достигший желаемого результата, эффективный’; ‘благоприятный’; ‘выдающийся, не такой, как все’; ‘прибыльный, богатый’; ‘с высоким социальным статусом’; ‘известный, знаменитый’; ‘удачливый’; ‘добившийся своими силами, без посторонней помощи’.

Несмотря на то, что исследуемое нами понятие “successful person” не зафиксировано в толковых словарях в качестве устойчивого выражения (кроме одного из значений сущ. “success”: ‘a thing or person which succeed’ (объект или человек, добившийся успеха; ср.: to be a success — быть успешным человеком), оно часто вербализуется на фразеологическом уровне. Известно, что фразеологические единицы через образ, внутреннюю форму характеризуют репрезентируемое ими понятие, дают оценку, выражают отношение. Как утверждает В.Н. Телия, фразеология представляет собой «самый культуруносный компонент языка в действии» [9. С. 671]. В этом смысле анализ фразеологизмов позволит точнее описать «человека успешного», выявить дополнительные смыслы в семантической структуре исследуемого понятия.

Так, анализ фразеологических словарей английского языка показывает, что успешный человек (a successful person) — это:

— человек, добивающийся многого, больше, чем обычный человек: heavy hitter, high achiever, high-flyer, social climber, success story;

— человек, который добивается успеха упорным трудом и энергией: busy bee, doer, man/woman of action, eager beaver, energetic person, go-getter, self-starter;

— амбициозный, решительный, нацеленный на успех; не боящийся рисковать: dead cert, hungry for success, risk-taker, comer, achiever, survivor;

— человек, добившийся власти, влияния: heavyweight, mover and shaker, top dog, big wheel, VIP, big beast, giant, titan;

— выдающийся, неординарный; признанный лидер: outlier, world beater, prizewinner, big name, leader, record-breaker, top-rated;

— человек, добившийся большого успеха несмотря на свою молодость, «молодой, да ранний»: boy wonder, whizz kid, hotshot, YUPPIE, blue-eyed boy;

— человек-мотиватор, пример для подражания: spark plug;

— человек, добившийся успеха и поэтому очень популярный: golden boy/girl, man/woman of the moment;

— фаворит, человек, который без сомнения добьется успеха: front runner, prospect, probable;

— человек, добившийся успеха (признания, богатства, статуса) своими собственными силами, без помощи других («самоделка»): self-made man, self-made woman, self-made person, man to watch, self-created person.

Как видим, на материале англоязычных фразеологических единиц актуализируются в основном признаки ‘активность, действие’, ‘нацеленность на успех, решительность’, ‘трудолюбие, энергия’, ‘независимость, способность рассчитывать исключительно на собственные силы’, ‘высокий результат, достижение’, ‘власть, влияние’. Таким образом, в характеристике успешного человека в американской лингвокультуре акцентируются прежде всего деятельностный признак и высокая награда результат этой деятельности.

Кроме понятия ценности, в современных исследованиях используется понятие «антиценность». Оно включает в себя «все то, что наиболее неприемлемо, отвергаемо, раздражает или угрожает, что осуждается обществом и культурой» [10. С. 18]. Выбор наиболее значимых ценностей и антиценностей характеризует тип культуры того или иного социума [11]. Следовательно, одной из самых важных задач лингвистической аксиологии является изучение способов и средств репрезентации ценностей и антиценностей в языке. Можно предположить, что ценность, значимость определенного понятия и его место в лингвокультуре определенного народа обусловлено не только количеством языковых единиц, его вербализующих, но и количеством антонимичных репрезентантов.

В основе социокультурного типа личности *successful person* лежат ценности, сложившиеся в процессе становления и исторического развития американской нации, которые имеют отражение в языковой семантике. Мы можем также предположить, что успех как ценность предполагает наличие антиценности. Так, если в американской культуре успешный человек — это тот, кто усердно трудится для достижения своей цели, амбициозен и непреклонен, рассчитывает только на свои силы, а не на помощь родственников, наследство и пр., проявляет активность и упорство, и в конечном итоге достигает успеха, то отсутствие у человека цели и амбиций, пассивность, лень автоматически становятся антиценностями. Соответственно, это отражается и на языковом уровне.

В словарях синонимов и антонимов английского языка представлен целый ряд антонимов к слову “*successful*”:

— безрезультатный, неудачный: *resultless, doomed, disastrous, foiled, fruitless, futile, ineffective, ineffectual, thwarted, vain, useless, worthless, unproductive*;

— невезучий, приносящий несчастье: *unlucky, ill-fated, ill-starred, unfortunate, unhappy, hopeless, sad, bad, cursed, wretched, catastrophic, miserable, tragic*;

— неблагоприятный, нежелательный: *unfavorable, poor, adverse, burdened, calamitous, inappropriate, inept, regrettable, unbecoming, unsuitable*;

— невыгодный, бесполезный: *barren, empty, gainless, idle, pointless, profitless, non-profit, unproductive, unprofitable, unprolific, impractical, valueless, worthless, unlucrative*;

— проигравший, потерпевший поражение: *losing, defeated, failing, inadequate, insufficient, ruined, shattered, broken, undone, forfeiting*.

Как видим, “*unsuccessful*” означает отсутствие положительного результата, пользы, выгоды, удачи и везения; утрату того, что имеешь, проигрыш; неблагоприятные обстоятельства.

Анализ лексикографических источников также показал, что понятие *successful person* противопоставлено понятию “*loser*” (неудачник), имеющему ярко выра-

женную негативно-оценочную окраску. Весь корпус выявленных языковых единиц, называющих человека неуспешного в американской культуре, за исключением некоторых нейтрально-оценочных единиц (например, *unlucky fellow, unsuccessful person*), принадлежит к группе стилистически разговорной и сниженной лексики:

— человек, не оправдавший ожидания или не реализующий/утративший свой потенциал: *underachiever, might-have-been, flop, disappointment, has-been, defeated player, failure, nonstarter, unsuccessful candidate/person, downfall, false step, sinking ship, total loss, lame duck, fallen sparrow, dead pigeon*;

— неудачник, посредственность, «пустое место»: *loser, born loser, failure, dud, washout, nobody, no-good, also-run, good-for-nothing, turkey, non-achiever, non-starter*;

— человек, не желающий трудиться, лентяй: *loafer, beat, bum, moocher*;

— расточитель, транжира: *bankrupt, defaulter, prodigal, down-and-outer*;

— отверженный, изгой: *castaway, outsider, misfit, underdog, deadbeat, reject*;

— глупый человек: *blockhead, boob, dimwit, dolt, dope, dumbbell, dummy, fool, idiot, lemon*;

— «человек-неумеха»: *blunderer, clod, dunce, goon, klutz, lout, sap, hard-luck guy, sad sack*.

Интересно отметить, что само понятие «неудачник» (*loser, failure*) претерпело значительные изменения в своем значении за несколько десятилетий. Так, американский историк культуры Скотт Сандадж (*Scott Sandage*) в своей книге “*Born Losers: a History of Failure in America*” («Прирожденные неудачники: история неудач в Америке») отмечает, что слово *loser* (неудачник), означающее в начале XIX в. разорившегося человека, банкрота (*lost money; business failed*), к концу века получает метафорическое значение, называя любого человека, который не достиг успеха, не состоялся как личность [12].

Таким образом, результаты изучения словарей английского языка показывают, что человеком неуспешным, неудачником в американской лингвокультуре считается тот, кто не стремится реализовать заложенный в нем/ней потенциал, человек, утративший былые достижения, человек «статичный» (т.е. не стремящийся развиваться), человек, не любящий трудиться, глупый или неумелый человек, а также презираемый, отверженный и расточительный человек. Американцы убеждены, что все люди стремятся стать успешными. Способ достижения успеха — упорный, честный труд и здоровая конкуренция, постоянное самосовершенствование. Для представителей изучаемой культуры непонятно, как можно не использовать предоставленную, как они считают, только в США возможность добиться успеха, ведь в их стране для этого всем даны равные возможности. Поэтому американцы считают, что если человек бедный, у него плохо оплачиваемая работа, дешевое жилье и он ничего собой не представляет в профессиональном плане, то это исключительно вина самого человека: недостаточно трудился и не использовал свой потенциал.

Анализ собранного материала показывает также, что понятия «успех», «успешность», «успешный человек» имеют в американской лингвокультуре метафори-

ческое осмысление. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, является метафоричной по самой своей сути [13]. К тому же метафорический способ мышления имеет культурно-специфическую обусловленность. Например, одним из важнейших принципов, положенных в основу понятия “American Dream”, является “upward mobility” (вертикальная мобильность) — принцип, означающий восхождение человека по лестнице социально-экономической иерархии. Как видим, путь успеха у американцев — это движение вверх. Ориентационная метафора придает понятию успеха пространственную ориентацию на основе контраста, противопоставления: успех — верх, неудача, поражение — низ. Данная метафора вербализируется с помощью следующих фразеологизмов: *at the top, top dog, top-rated, top of ladder, upstart, high achiever, high flyer, social climber*, где человек успешный «высоко летает», «поднимается на самую высокую ступеньку лестницы», «восходит на вершину горы». Соответственно, неудача, проигрыш, провал ориентированы на «низ»: *underachiever, underdog, downfall, sinking ship, fallen sparrow*, где сравнение с «низом» выражено префиксом *under-* (под-, недо-), наречием *down* (вниз), а также глаголами *fall* (падать) и *sink* (тонуть). Таким образом, человек, не добившийся успеха, неудачник подобен затонувшему кораблю (*sinking ship*) или упавшему воробью (*fallen sparrow*).

Известны также другие метафоры, с которыми ассоциируется успех. Успех — это «лестница», отсюда достижение успеха — путь вверх по лестнице до самой верхней ступеньки (*top of ladder*), а человек, не оправдавший ожиданий, неудачник — это *false step*, человек, сделавший ложный шаг, споткнувшийся (дословно фальшивая, ложная ступенька). Успех — это «путь, который нужно пройти до места назначения»: *a way/road/path to success*. Признак «размера» также используется для описания успешного человека: *big beast, big name, big wheel, big shot*, где большой размер (*big*) — это власть, влияние, которыми обладает человек, продвинувшийся по социальной лестнице.

3. Заключение

Итак, в результате изучения словарей английского языка мы убедились, что понятие “*successful person*” широко представлено в языке. Большинство языковых единиц, особенно фразеологических, обладает яркими оценочными характеристиками, что свидетельствует о высокой степени аксиологизации, а следовательно, значимости понятия *successful person* для американской лингвокультуры. Значимость данного понятия заключается также в соотносительности его ценностных доминант с фундаментальным аксиологическим понятием “*American Dream*”. Американская мечта — важнейший элемент национальной картины мира, который складывался на протяжении всей истории США и на сегодняшний день представляет собой сложную, иерархически организованную структуру, где успех занимает главенствующее положение. Результаты проведенного анализа позволяют нам сделать вывод о том, что понятие “*successful person*” воплощает в себе ценностные доминанты американской лингвокультуры, которые представляют

собой комплекс поведенческих норм, ценностей и психологических установок. В частности, в данном понятии актуализируются такие базовые ценности:

— индивидуализм, самостоятельность, самопомощь: успешный человек — это человек, который «сделал себя сам» (self-made person); успех ценится как достижение отдельно взятой личности;

— равенство: американское общество предоставляет всем равные возможности; достижение успеха, таким образом, обусловлено исключительно личностными качествами людей, поэтому несостоявшемуся человеку следует винить только самого себя;

— труд, агентивность: успешный человек идет к успеху, активно добиваясь поставленных целей; трудолюбие и усердие являются главными чертами характера, нацеленного на успех (the character of success);

— соревновательность и конкуренция: американцы верят, что конкуренция помогает раскрыть в человеке лучшие качества, бросает вызов (challenge), стимулирует добиваться многого, поэтому девиз успешного человека — May the best person win! («Пусть победит сильнейший»);

— время и контроль над ним: ценность времени в американской культуре абсолютизирована, ведь «время — это деньги» (Time is money); успешному человеку нельзя бездумно тратить время, так как в борьбе за успех его могут оттеснить более расторопные конкуренты, поэтому время следует тщательно планировать и использовать для достижения цели;

— материализм, практицизм: материальный достаток, богатство — это преимущество, которое дается упорным трудом, результат собственных амбиций, поэтому естественно, что успешный человек благополучен, известен и богат, богатство при этом — показатель успеха.

Список литературы

1. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011.
2. *Зенкова Т.В.* Типажи американской лингвокультуры. Лингвистическая аксиология: коллективная монография. Павлодар: Типография Сытина, 2014.
3. *Темиргазина З.К.* Лингвистическая аксиология сегодня: проблемы и перспективы. Лингвистическая аксиология: коллективная монография. Павлодар: Типография Сытина, 2014.
4. *Adams J. T.* The Epic of America. Transaction Publishers, 2012.
5. *Kohls R.* The values Americans live by. San Francisco, CA: San Francisco State University, 1988.
6. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991.
7. *Onions C. T.* ed. The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press, 1966.
8. *Стернин И.А.* Методы описания семантики слова. Ярославль: Истоки, 2013.
9. *Телия В.Н.* Факторы культуры и воспроизводимость фразеологизмов — знаков-микротекстов. Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. статей / под ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2004.

10. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбагалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
11. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1990.
12. *Sandage S.A.* Born Losers: a History of Failure in America. Cambridge: Harvard University Press, 2005.
13. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

© Зенкова Т.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.01.2019

Дата принятия к печати: 01.03.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Зенкова Т.В. «Успешный человек» как ценностная доминанта американской лингвоаксиологической картины мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 168—179. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-168-179

Сведения об авторе:

Зенкова Татьяна Витальевна — кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии и переводческого дела Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова. E-mail: zenkova_aol@mail.ru

A “Successful Person” as a Value Dominant of the American Ligu-Axiological Worldview

T.V. Zenkova

S. Toraigyrov Pavlodar State University
64, Lomov St., Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan

The article deals with the study of an essential for the American culture concept “successful person” through the lens of linguistic axiology. A linguo-axiological approach to language study makes it possible to detect important information about the American axiological world view and gives an opportunity of a more detailed familiarization with the American national character and mindset. The aim of the paper is to reveal and analyze the ways of verbalization of the value component of the concept “successful person” as well as to determine its place in the axiological world view of the representatives of modern American linguistic culture. The research is based on the analysis of various types of English dictionaries: defining, phraseological, etymological, etc. The analysis revealed that the concept under investigation is widely represented in the language on the lexical and phraseological levels, possesses vivid evaluative characteristics and has a branched semantic structure. This concept also acquires in the culture a

metaphorical interpretation and is verbalized by a series of metaphors. The concept “successful person” holds one of the dominant positions in the American world view being a realization of the key idea of a national cultural phenomenon “American Dream”.

Key words: linguo-axiological worldview, value system, value component, value, anti-value, linguistic cultural community, linguo-axiological approach, linguistic axiology, success, success-oriented

References

1. Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnyh smyslov: kollektivnaya monographiya [Linguistics and Axiology: Ethnosemiometric of Value Implications: Collective monograph]. 2011. Moscow: Thesaurus publ. Print. (In Russ.)
2. Zenkova, T.V. 2014. “Tipazhi amerikanskoi lingvokultury” [“Linguistic Cultural Types of Personalities in the American Culture”]. In Lingvisticheskaya aksiologiya: kollektivnaya monographiya [Linguistic Axiology: Collective monograph]. 187—272. Pavlodar: Sytin publ. Print. (In Russ.)
3. Temirgazina, Z.K. 2014. “Lingvisticheskaya aksiologiya segodnya: problemy i perspektivy” [Linguistic Axiology Today: Problems and Perspectives]. In Lingvisticheskaya aksiologiya: kollektivnaya monographiya [Linguistic Axiology: Collective monograph]. 9—21. Pavlodar: Sytin publ. Print. (In Russ.)
4. Adams, J.T. 2012. The Epic of America. Transaction Publishers. Print.
5. Kohls, R. 1988. The Values Americans live by. San Francisco, CA: San Francisco State University. Print.
6. Karasik, V.I. 1991. Yazyk sotsialnogo statusa [Language of Social Status]. Moscow: Institut lingvistiki AN SSSR, Volgogradski pedagogicheski institute publ. Print. (In Russ.)
7. Onions, C.T. ed. 1966. The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press. Print.
8. Sternin, I.A. 2013. Metody semanticheskogo opisaniya slova [Methods of Semantic description of the word]. Yaroslavl: Istoki publ. Print. (In Russ.)
9. Teliya, V.N. 2004. “Factory cultury i vosproizvodimost frazeologizmov” [Culture Factors and Reproducibility of Phraseology: units — signs-micro-texts]. In Sokrovennyie smysly. Slovo. Tekst. Kultura: sb. Statei v chest N.D. Arutyunova. Red. Yu.D. Apressyan [Hidden Meanings. Word. Text. Culture: Collection of articles in honor of N.D. Arutyunova. Ed. Yu.D. Apressyan]. Moscow: Yazyki slavyanskih kultur publ. Print. (In Russ.)
10. Ryabov, A.V., and E.Sh. Kurbagaleyeva, eds. 2003. Bazovyye tsennosti rossiyan: Sotsialnyie ustanovki. Zhiznennyye strategii. Simvolyy. Mify [Basic Values of Russians: Social Affirmations. Life Strategies. Symbols. Myths]. Moscow: Dom intellektualnoi knigi publ. Print. (In Russ.)
11. Arutyunova, N.D. 1990. Yazyk i mir cheloveka [Language and Human World]. 2nd ed., revised. M.: Yazyki slavyanskih kultur publ. Print. (In Russ.)
12. Sandage, S.A. 2005. Born Losers: a History of Failure in America. Cambridge: Harvard University Press. Print.
13. Lacoff, G., and Johnson, M. 2004. Metaphory kotorymi my zhivem [Metaphors We Live by]. Translated by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS publ. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 02.01.2019

Accepted: 01.03.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Zenkova T.V. 2019. “A “Successful Person” as a Value Dominant of the American Ligu-Axiological Worldview”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 168–179. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-168-179

Bio Note:

Tatyana V. Zenkova is a Candidate of Philological Sciences, Professor of S. Toraigyrov Pavlodar State University, Department of Foreign Philology and Translation Studies. E-mail: zenkova_aol@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-180-189

Адъективные устойчивые сравнения — лексические универсалии

И.А. Мужейко

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Белоруссия, 210038, Витебск, Московский проспект, 33

В статье рассматриваются адъективные устойчивые сравнения ряда славянских, балтийских, германских языков с позиций типологии и лингвистики универсалий с целью выявления общих устойчивых конструкций. Данный подход соответствует современной тенденции исследований фразеологизмов, сложившейся еще в конце прошлого столетия. В настоящее время одной из основных задач лексической типологии выступает изучение плана содержания лексикона. Решению поставленной задачи способствует когнитивный подход, применение которого признано весьма продуктивным для поиска содержательных универсалий, а также для анализа воздействия человеческих знаний на развитие самого языка. Данное исследование охватывает устойчивые сравнения восьми языков, что повышает уровень достоверности выводов о наличии универсалий. При проведении исследования применялись методы сплошной выборки, описательный и сопоставительный методы, методы когнитивного анализа. Основным результатом исследования является доказательство наличия лексических универсалий среди адъективных устойчивых сравнений восьми языков.

Ключевые слова: адъективные устойчивые сравнения, типология, лингвистика универсалий, когнитивная лингвистика

1. Введение

Одним из актуальных направлений в современной лингвистике является изучение фразеологии с позиции теории языковых универсалий. Родоначальником типологического подхода в исследовании фразеологических составов на материале французского и русского языков признан В.Г. Гак [1; 2]; на материале немецкого и русского языков — А.Д. Райхштейн [3]. Научным базисом нашего исследования послужила также типологическая концепция, предложенная В.Д. Аракиным [4].

Интерес к изучению фразеологического фонда с применением типологического подхода, а также к поиску универсального во фразеологии достаточно устойчив. Эта тенденция объясняется тем фактом, что фразеология как один из разделов языкознания переживает преобразование из констатирующей теории в объясняющую. Новому этапу развития науки способствовало осмысление того, что, невзирая на неоспоримость национально-культурной специфики образных единиц языка (включая фразеологизмы), в любом языке фразеологический со-

став представляет собой систему и, как следствие, выявляет ряд общих структурных и семантических закономерностей, а значит, вполне уместно рассматривать его сквозь призму учения о языковых универсалиях.

Синтаксическая конструкция сравнения — признанная универсалия [5], поэтому считаем актуальным предлагаемый анализ структурно-семантических соответствий адъективных устойчивых сравнений русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков с целью выявления универсального и уникального в семантике анализируемых единиц. Очевидно, недостаточное количество типологических исследований, определяющих свойственные фразеологии закономерности, по утверждению Т.Н. Федуленковой, «позволяет абсолютизировать национально-культурную специфику фразеологического состава каждого языка. Но фразеология — это не только зеркало национальной культуры, но и зеркало, отражающее особенности системной организации языка, его строения» [6].

2. Обсуждение

Лингвистическая типология системно изучает спецификаты и универсалии в языке, ставя себе цель исследовать межъязыковое варьирование. Известно, что выявление каких-либо особенностей языка (так называемых языковых уникалий) проводится наравне с изучением языковых универсалий, присущих всем или большинству языков мира, так как любое варьирование невозможно без сходства. В ходе изучения универсалий типология сближается с общим языкознанием, а в ходе изучения уникалий — с частным. Иными словами, типология прокладывает путь от науки о языках к науке о языке вообще.

В современной лингвистике все более настойчиво повторяется требование считать содержание исходным объектом лингвистического описания. При этом приоритет универсального над уникальным в языках проявляется в большей степени в содержательной типологии по сравнению с формальной типологией. В сущности, всякая языковая универсалия является изначально содержательной.

В то же время когнитивный подход в современной лингвистике является наиболее перспективным направлением, интегрирующим усилия многих наук для объяснения механизма получения, переработки и использования знаний в человеческой деятельности. Как отмечает В.А. Маслова, «сейчас уже стало аксиомой, что во всем комплексе наук о человеке сталкиваются, в первую очередь, отношения между языком и другими видами человеческой деятельности. Язык даже в большей степени, чем культура и общество, дает когнитивистам ключ к пониманию человеческого поведения» [7. С. 9]. Лингвист в языковых единицах находит связь с восприятием мира и отражением его познания, так как язык является проводником в невидимый когнитивный мир человека, к структурам сознания. В своей жизнедеятельности люди накапливают сведения о мире в естественном языке, и когнитивная лингвистика призвана объяснить, как в нем продуцируются, понимаются, запоминаются и репродуцируются знания, так как данная наука анализирует исключительно те познавательные процессы, которые характерны для человека как мыслящего индивида: «на первом плане находятся: систем-

ное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов» [8. С. 21].

По мнению Е.С. Кубряковой, «важнейшей стороной связи когнитивной науки с лингвистикой оказывается та часть лингвистики, которая приходилась на исследование семантики, значения языковых форм и выражений. Ведь само значение определяется как когнитивный феномен, а любые данные об этом феномене — как проливающие свет на структуры сознания, их внутреннее устройство. И хотя среди этих структур выделяются как вербальные, так и невербальные, а точнее, имеющие и не имеющие аналогов в вербальных формах естественного языка, полагают, что наиболее существенные из представлений нашего мозга и имеющихся структур сознания — это те, которые уже сформировали значения языковых знаков, те, которые репрезентируют структуры сознания с помощью языковых знаков» [9. С. 37].

З.Д. Попова утверждает, что «когнитивная семантика раскрыла перед исследователями целый мир структур знаний в том виде, как они сформированы в семантическом пространстве языка... Данные когнитивной семантики открыли мир ментальных структур, в которые люди укладывают свои знания» [10. С. 67].

Когнитивный подход, все чаще применяемый в современном языкознании, используется при изучении фразеологической картины мира как «отражения во фразеологической семантике сущностей реального мира» [11. С. 250]. Сравнения способствуют не только познанию внешнего окружения через конкретизацию представлений о предметах и явлениях, но и возникновению нового знания о реалиях. Это обусловлено основной функцией сравнения — когнитивной.

Вопрос о существовании языковых универсалий на сегодняшний день не решен, хотя можно выделить несколько гипотез их происхождения.

Генетическая гипотеза исходит из версии о едином источнике происхождения языков. Однако в данном случае невозможна эмпирическая проверка, которая смогла бы отследить все изменения, произошедшие после расщепления первоначального единого языка.

Ареальная гипотеза исходит из того, что сродство языков образовалось в результате ареальной близости языков и, как следствие, взаимодействия культур, повлекших заимствования, интерференцию, двуязычие. Однако данная гипотеза не объясняет общие закономерности в языках, не имеющих пространственно-временной связи, например, русск. *вертлявый как обезьяна* — чешск. *mrštný jako opice* (вертлявый как обезьяна) — англ. *as agile as a monkey* (верткий как обезьяна); бел. *здараў як рыба* — чешск. *zdravý jako ryba* (здоровый как рыба) — хорв. *zdrav kao riba* (здоровый как рыба) — швед. *frisk som en fisk* (здоровый как рыба).

Функциональная гипотеза базируется на роли языка, призванной осуществлять коммуникацию, т.е. обмен информацией или общение в соответствии с коммуникативными потребностями человека. Полагают, что в отличие от других семиотических систем язык становится функциональной системой благодаря языковым универсалиям. С помощью функционального подхода ученые могут объяснить индуктивные универсалии и предположить их существование в еще эмпирически не исследованных языках. Безусловно, универсалиям должны быть

найжены подтверждения в результате представительной проверки, но формулировка гипотетических универсалий, осуществляемая с помощью функционального подхода, ускоряет это путь.

Когнитивная гипотеза рассматривает различные психические процессы, связанные с получением, хранением и обработкой знаний о мире. Вполне возможно, что наличие уникального и универсального в языках является результатом соотношения между объемом памяти, временем концентрации внимания, временем обращения к памяти и количеством усилий, необходимых для более тонкого кодирования. Согласимся с С.Г. Шафиковым, полагающим, что «когнитивная гипотеза обладает наибольшей объяснительной силой в отношении языковых универсалий, и поэтому именно когнитивная лингвистика может служить общим фоном для поиска и объяснения универсалий» [12. С. 69–70].

Лингвистику универсалий и лингвистическую типологию принято рассматривать как различные по объекту изучения дисциплины. Известно, что под универсалиями понимают межъязыковые сходства, а типология изучает межъязыковые различия. Поскольку эти дисциплины дополняют друг друга, являясь двумя сторонами одного исследовательского процесса, бывает сложно отнести то или иное эмпирическое исследование к чисто универсалистскому или чисто типологическому.

Лингвисты-компаративисты задаются вопросом о количестве языков, необходимом для привлечения к эмпирическим исследованиям, чтобы заявлять о каком-либо явлении как об универсалии. Очевидно, анализ всех языков мира невозможен по ряду причин. Первая заключается в том, что некоторые языки уже исчезли, а другие находятся на грани исчезновения, вторая — в масштабе необходимой работы, так как число языков огромно и требуется тщательное всестороннее их изучение. В связи с этим ученые на практике исследуют максимально возможное количество языков согласно поставленным целям и задачам, причем весомость каждой выявленной универсалии прямо пропорциональна количеству анализируемых языков и прочности связи между универсалией и категорией мышления.

Общеизвестно, что лингвистическая типология наиболее успешно изучает фонологический, морфологический и синтаксический уровни языковой структуры. Лексика, особенно семантика, все еще не является объектом исследования типологии. С одной стороны, полагают, что лексическая типология невозможна из-за аморфного состояния лексики и ее большой зависимости от экстралингвистических факторов. С другой стороны, «именно в плане лексики лежат фундаментальные черты языковой структуры, обуславливающие собой максимально широкую совокупность более частных признаков координат других уровней» [13. С. 125].

Лексическая типология языков должна учитывать как план выражения, так и план содержания, а также системно-структурный характер лексикона. Изучение структурных признаков слов — формального компонента — традиционно считается наиболее важным для лексико-семантической типологии. В то же время, руководствуясь принципом примата содержательной составляющей языка, наи-

более важным необходимо признать изучение компонента, отражающего значение лексических единиц. Если учитывать и план выражения, и план содержания лексических единиц, то создание лексико-семантической типологии языков неизбежно приводит к созданию типологии лексических систем. Такая типология, по мнению С.Г. Шафикова, «должна включать в себя исследования в области определенных подуровней лексического уровня; при этом каждый подуровень образует собственную типологию» [12. С. 53].

Отечественные лингвисты разрабатывают принципы лексико-семантической типологии в трех направлениях: 1) типология лексического значения слова; 2) типология семантических связей внутри слов; 3) типология семантических связей между словами.

В своем исследовании мы придерживаемся первого направления, так как объектом изучения является лексикон, а единицей типологического анализа выступает лексема (адъективные устойчивые сравнения).

Окружающие воспринимают и оценивают прежде всего внешний вид человека, его физическое состояние. Первое качество, попадающее в поле зрения, — физическая сила или слабость. Безусловно, сильный человек более привлекателен, что выражено в количественном составе сравнений и их соответствий в разных языках. Эталоны силы часто выступают животные: медведь (русск. *сильный как медведь* — чешск. *silnýj ako medvěd* — хорв. *jak kao medjed* — швед. *stark somen björn*); буйвол (русск. *сильный как буйвол* — чешск. *silný jako býk* — англ. *as strong as an ox* — швед. *stark somen oxe*); лошадь (русск. *сильная как лошадь* — лат. *stiprs kā zirgs* — англ. *as strong as a horse*); жеребец (русск. *сильный как жеребец* — чешск. *silný jako kůň*); лев (чешск. *silný jako lev* — лат. *stiprs kā lauva*). В чешском и хорватском языках силача сравнивают с дубом (чешск. *silný jako dub* — хорв. *jak kao hrast*), а в чешском и шведском — с мифологическим персонажем Геркулесом (чешск. *silný jako Herkules* — швед. *stark somen Herkules*). В качестве эталона силы выступает герой чешских преданий Бивой (*silný jako Bivoj*), уничтоживший дикого вепря в рукопашной борьбе с ним; у болгар — богатырь без привязки к какому-либо конкретно лицу (*як като боримечката*); у хорватов — королевич Марко — самый популярный герой сербской эпической поэзии (*jak kao kraljević Marko*). Схожесть представлений о силе мы нашли в чешском *silný jako hrom* (букв. сильный как гром) и хорватском *jak kao vjedogonja* (букв. крепкий, сильный как злой дух грозы) языках (гром при грозе всегда заставлял людей испытывать страх, однако в представлении южных славян силой обладает не само явление природы, а его злой дух, что явно восходит к языческим верованиям и косвенно указывает на время возникновения фразеологизма).

В меньшей степени представлена в языках физическая слабость, общими эталонами которой в структурно-семантических соответствиях выступают насекомые (русск. *слабый как комар* — чешск. *slabý jako komár*); растения (русск. *слабый как соломинка* — чешск. *slabý jako třtina* (букв. слабый как тростник)); дети (русск. *слабый как ребенок* — чешск. *bezmozný jako dítě* (букв. бессильный как ребенок)). Безэквивалентные образные основы связаны с животным миром: чешск. *slabý jako toucha* (букв. слабый как муха); болг. *нежен, слаб като гургулово яйце* (букв.

нежный, слабый как яйцо горлицы); с растительным миром: чешск. *slabý jako hnilička* (букв. слабый как перезревшая груша); предметами быта: болг. *здрав като кошница* (букв. здоровый как плетеная корзина) в значении ‘болезненный, хворый’.

Значительное внимание отводится адъективным устойчивым сравнениям, характеризующим подвижность человека. Образцами живости, верткости, быстроты человека становятся в первую очередь животные: русск. *ловкий как кошка* — бел. *спрытны як кот* — чешск. *mrštný jako kočka* (кошка) — хорв. *žustar kao mačka* (кошка) — лат. *veikls kā kaķis* (котенок); бел. *спрытны як лось* — чешск. *hbitý jako jelen* (олень) — хорв. *brz kao srna* (серна) — англ. *as fleet as a deer* (олень); русск. *вертлявый как обезьяна* — чешск. *mrštný jako opice* (обезьяна) — англ. *as agile as a monkey* (обезьяна); русск. *увертливый как ящерица* — чешск. *hbitý jako ještěrka* (ящерица); бел. *спрытны як вавёрка* (белка) — чешск. *čiperný jako veverka* (белка); бел. *спрытны як заяц* — хорв. *brz kao zec* (заяц); чешск. *rychlý jako chrt* (борзая) — хорв. *brz kao pas* (собака); чешск. *hbitý jako lasička* (ласка) — швед. *flink som en vessla* (ласка); некоторые виды рыб: русск. *верткий как вьюн* — бел. *вёртки як уюн* (вьюн) — чешск. *mrštný jako rybička* (колюшка); русск. *увертливый как налим* — бел. *спрытны як яльчык* (елец) — чешск. *čilý jako mník* (налим); русск. *гибкий как угорь* — чешск. *mrštný jako úhoř* (угорь); явления природы: бел. *шпаркі як маланка* (молния) — чешск. *rychlý jako blesk* (молния) — хорв. *brz kao munja* (молния) — англ. *as quick as lightning* (молния) — швед. *snabb som brixten* (молния); чешск. *rychlý jako vítr* (ветер) — хорв. *brz kao vjetar* (ветер) — англ. *as swift as the wind* (ветер); артефакт: чешск. *rychlý jako střela* (стрела) — болг. *бърз като стрела* (стрела) — хорв. *brz kao strijela* (стрела) — англ. *as swift as an arrow* (стрела) — швед. *snabb som en pil* (стрела); вымышленное существо: русск. *ловкий как бес* — бел. *спрытны як чорт* (черт); процесс мышления: хорв. *brz kao misao* (мысль) — англ. *as quick as thought* (мысль); предмет неживой природы: русск. *живой как ртуть* — чешск. *živý jako rtuť* (ртуть) — болг. *пръгав като живак* (ртуть) — лат. *kustgīs kā dzīvsudrabs* (ртуть); русск. *подвижный как ртуть* — чешск. *čilý jako rtuť* (ртуть) — болг. *подвижен като живак* (ртуть). Ртуть была известна еще в Древнем Египте, Индии, Месопотамии и Китае; в древнерусской литературе это слово встречается только в XII в. Древние греки именовали ртуть жидким серебром, а ее свойство нашло отражение в названии металла у болгар — *живак*. Сеем предположить, что первоначально устойчивые сравнения с эталоном *ртуть* появились в научной среде.

Отношение к малоподвижности в меньшей степени отображено в структурно-семантических соответствиях адъективных устойчивых сравнениях восьми языков: русск. *неповоротливый как медведь* — бел. *непаваротлівы як мядзведзь*; русск. *неподвижный как статуя* — англ. *as motionless as a statue* (неподвижный как статуя). Главным образом это связано с небольшим количеством фразеологических единиц, описывающих медлительность во многих языках, кроме русского и белорусского, например: *неловкие и нерасторопные как корова, слон, тюлень, камень, каменный* в русском языке; *мень* (менёк), *мядзведзь за вараб’ем* (медведь за воробьем), *торба на круку* (сумка на крюке), *вол да карэты* (вол к карете), *Изыдар да пажару з венікам* (Исидор на пожар с веником) в белорусском; *motovidlo* (мото-

вилы) в чешском; *rak* (рак) в хорватском; *sāls stabs* (соляной столб) в латышском; *tortoise* (черепаха), *molasses in winter* (черная патока зимой) в английском. Приведенные конструкции отражают медлительность, проявляющуюся в той или иной степени.

Немногочисленны адъективные устойчивые сочетания, характеризующие человека с плохим зрением, плохим слухом: русск. *слепой как крот* — чешск. *slepý jako krtek* (крот) — англ. *as blind as a mole* (крот); чешск. *slepý jako netopýr* (летучая мышь) — англ. *as blind as a bat* (летучая мышь); русск. *глухой как пень* — бел. *глухі як пень* — чешск. *hluchý jako perez* (глухой как пень); бел. *глухі як палена* (букв. глухой как полено) — чешск. *hluchý jako poleno* (глухой как полено); бел. *глухі як калода* (глухой как колода); чешск. *hluchý jako dřevo* (глухой как дерево); хорв. *Gluh kao zemlja* (глухой как земля); англ. *as deaf as a stone* (глухой как камень); *as deaf as a post* (глухой как столб); русск. *глухой как тетерев* — бел. *глухі як цецярук* — чешск. *hluchý jako tetřev* — лат. *kurs kā mednis riestā* (тетерев на току), *рыба* (хорв. *gluh kao riba*), *гадюка* (англ. *deaf as an adder*).

3. Выводы

На примере адъективных устойчивых сравнений, описывающих физическое состояние человека, мы можем сделать вывод о том, что во всех представленных языках имеются схожие или тождественные характеристики одних и тех же состояний человека — лексические универсалии. Это свидетельствует об общности представлений о мире вокруг и о себе в этом мире людей — носителей исследуемых языков. В ходе наблюдения мы выяснили, что в каждом анализируемом языке адъективные устойчивые сравнения называют представителей флоры и фауны, артефакты, людей, явления природы, абстрактные понятия.

Список литературы

1. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1976.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977.
3. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980.
4. Аракин В.Д. Типология объектных словосочетаний в скандинавских языках. Типология германских литературных языков. М.: Наука, 1976. 252 с.
5. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков. Минск: Амалфея, 2000.
6. Федулёнок Т.Н., Адамия З.К., Чабашвили М. Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте. М.: Академия естествознания, 2014. URL: <https://monographies.ru/en/book/view?id=248> (дата обращения: 29.10.2018).
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2004.
8. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17—34.

9. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–48.
10. *Попова З.Д.* Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 1996. № 2. С. 64–68.
11. *Немец Г.П.* Семантика метаязыковых субстанций. Москва—Краснодар: Академия педагогических и социальных наук; КубГУ, 1999.
12. *Шафигов С.Г.* Лексическая типология языков. Уфа: РИО БашГУ, 2005.
13. *Климов Г.А.* Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.

© Мужейко И.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.12.2018

Дата принятия к печати: 29.03.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Мужейко И.А. Адъективные устойчивые сравнения — лексические универсалии // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 180–189. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-180-189

Сведения об авторе:

Мужейко Ирина Анатольевна — старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. E-mail: ira_ur@tut.by

Adjective Similes as Lexical Universals

I.A. Muzheika

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Moskovsky prospect, 33, Vitebsk, 210038, Belarus

The article deals with adjective similes of some Slavonic, Baltic and German languages from the position of typology and linguistics of universals and is aimed at revealing common fixed expressions. This approach corresponds to modern tendency in phraseological researches being set at the end of the last century. Nowadays one of the main tasks of lexical typology is to study the plan of expression rather than the plan of content. The cognitive approach appears to be helpful in achieving this task as its application in typology is recognized as rather productive way of searching for content universals

and for the analysis of human knowledge that effects the development of language itself. Our research covers similes of eight languages and this fact verifies conclusions about universals existence. Continuous sampling, descriptive, comparative and cognitive analysis methods are applied in the study. The main results of the study lie in the proof of lexical universals existence among adjective similes of eight languages.

Key words: adjective stable comparisons, typology, universal linguistics, cognitive linguistics

References

1. Gak, V.G. 1976. Sravnitel'naya tipologiya francuzskogo i russkogo yazykov [Comparative Typology of the French and Russian Languages]. Leningrad: Prosveshheniye publ. Print. (in Russ.)
2. Gak, V.G. 1977. Sopostavitel'naya leksikologiya (na material russkogo i francuzskogo yazykov) [Comparative Lexicology (on the material of the Russian and French Languages)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. Print. (in Russ.)
3. Rajshstein, A.D. 1980. Sopostavitel'nyj analiz nemeckoj i russkoj frazeologii [Comparative Analyses of German and Russian Phraseology]. Moscow: Vysshaja Shkola publ. Print. (in Russ.)
4. Arakin, V.D. 1976. "Tipologiya ob'ektnyh slovosochetanj v skandinavskih yazykah" [Typology of Object Phrases in Scandinavian Languages]. In Tipologiyagermanskikh literaturnyh yazykov [Typology of German Literary Languages], edited by V.N. Yarceva. 156—172. Moscow: Nauka publ. Print. (in Russ.)
5. Mechkovskaya, N.B. 2000. Obsheye yazykoznanije: strukturnaja i social'naya tipologiya yazykov [General Linguistics: Structural and Social Typology of Languages]. Minsk: Amalfeyapubl. Print. (in Russ.)
6. Fedulenkova, T.N., Z.K. Adamiya, Chamashvili, M. 2014. Frazelogicheskoye prostranstvo nacional'nogo slovary v sopostavitel'nom aspekte [Phraseological Space of National Dictionary in Comparative Aspect]. Moscow: Academiya yestestvoznaniya publ. Web. <https://monographies.ru/en/book/view?id=248>
7. Maslova, V.A. 2004. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistic]. Minsk: Tetra Sistems publ. Print. (in Russ.)
8. Demjankova, V.Z. 1994. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyusshego podhoda [Cognitive Linguistic as a Kind of the Interpretive Approach]. Voprosy yazykoznanija. 4: 17—34. Print. (in Russ.)
9. Kubryakova, E.S. 1994. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika — psihologiya — kognitivnaja nauka [The First Stage of the Formation of Cognitivism: Linguistics — Psychology — Cognitive Science]. Voprosy Yazykoznanija. 4: 34—48. Print. (in Russ.)
10. Popova, Z.D. 1996. Semanticheskoye prostranstvo yazyka kak kategoriyakognitivnoj lingvistiki [Semantic Space of Language as Cognitive Linguistics Category]. Vestnik VSU. Seriya 1: Gumanitarnye nauki. 2: 64—68.
11. Nemes, G.P. 1999. Semantika metazykovykh substancij [Semantics of Metalanguage Substances]. Moscow—Krasnodar: Academiya pedagogicheskikh i social'nyh nauk, KubGU publ. Print. (in Russ.)
12. Shafikov, S.G. 2005. Leksicheskaya tipologiya yazykov [Lexical Typology of Languages]. Ufa: RIO BashGU publ. Print. (in Russ.)
13. Klimov, G.A. 1976. Principy opisaniya yazykov mira [The World Languages Description Principles]. Moscow: Nauka publ. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 27.12.2018

Accepted: 29.03.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Muzheika I.A. 2019. “Adjective Similes as Lexical Universals”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 180–189. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-180-189

Bio Note:

Irina A. Muzheika is a Senior Lecturer of the Department of World Languages, Vitebsk State University named after P.M. Masherov. E-mail: ira_ur@tut.by

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-190-203

Двуязычное обучение и проблемы этнической и языковой идентичности в СССР и современной России

М.А. Марусенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

В статье рассматривается связь двуязычного обучения с проблемами этнической и языковой идентификации в СССР и современной России. Концепция защиты прав национальных меньшинств включает в себя обширный комплекс языковых прав, включая право на обучение на языках меньшинств. Это право защищается многими международными соглашениями и документами международных организаций и считается безусловным завоеванием борцов за права человека. Однако при этом игнорируются случаи несовпадения этнической и языковой идентичности, все более частые в современном мире, и право граждан на свободное этническое и языковое самоопределение. Планирование в сфере двуязычного обучения и подготовки педагогических кадров требует объективной информации о реальной численности желающих обучаться на языках меньшинств, которая может быть получена в результате языковых мониторингов и переписей.

Ключевые слова: двуязычное обучение, этническая идентификация, языковая идентификация, родной язык, коренной народ, национальное меньшинство

1. Введение

Защита национальных меньшинств, особенно малочисленных коренных народов, являющаяся существенной частью понятия «права человека», неразрывно связана с защитой их языковых прав. Парадигма защиты языковых прав человека основана на идее борьбы с языковой дискриминацией, при которой носители дискриминируемых языков лишены возможности использовать их в социальной жизни. Несмотря на широкое распространение этой идеологии, члены миноритарных групп продолжают подвергаться дискриминации, и целью этого движения является создание такой ситуации, когда языки этих групп «принимаются и уважаются» окружающими, а их носители могут использовать их во многих социальных сферах [1. С. 500].

Понятие «языковые права», как и понятие «право на язык», широко используется в материалах международных организаций и в целом ряде международных документов. Языковые права и свободы являются основными (фундаментальными) естественными правами и свободами человека универсального характера, принадлежат от рождения каждому человеку, не ограничены территориально и, следовательно, должны подлежать соответствующей правовой защите.

Специалисты по правам языковых меньшинств выступают за применение концепции основных прав человека в отношении языковых прав. Основной акцент данной концепции ставится на языковые права в области образования. Так, утверждается, что только право на обучение родному языку и его использование, а также право на обучение как минимум одному из официальных языков государства проживания могут в совокупности рассматриваться как неотъемлемые фундаментальные языковые права человека.

Языковые права присущи человеку от рождения, являются фундаментальными естественными правами, безусловно необходимыми для реализации целого ряда других связанных конституционных прав и свобод, прежде всего — права на жизнь (если интерпретировать это право расширительно, как, собственно, это и следует делать, понимая под правом на жизнь отнюдь не только физическое существование), целого ряда культурных и образовательных прав, права на признание и реализацию достоинства личности, права на информацию, свободы слова. При этом имеют место и языковые права народов, частично пересекающиеся с языковыми правами личности.

Право на использование своего языка в частной жизни и публично, устно и письменно, свободно и без вмешательства, считается одним из основных средств обеспечения и сохранения языковой идентичности. Это право имеет ключевое значение для обеспечения эффективной защиты всех прав лиц, принадлежащих к национально-культурным общностям, а также для выражения коллективной и индивидуальной идентичности.

По определению ООН, комплекс языковых прав включает в себя (<http://www.un.org/ru/events/indigenousday/languages.shtml>):

- право на сохранение и использование родных языков (как основное право этого комплекса);
- право на получение образования на своем родном языке;
- право на признание языков коренных народов в конституциях и законодательствах;
- право на жизнь, свободную от дискриминации на языковой основе;
- право создавать и иметь доступ к средствам массовой информации на своих языках.

Право на образование также предполагает право на язык, например право на получение по крайней мере определенного этапа этого образования на родном языке. Между тем отсутствие необходимых гарантий некоторых языковых прав может быть вызвано не «злой волей» государства, а объективными обстоятельствами, к числу которых в докладе ЮНЕСКО, отнесены следующие (применительно к праву на получение образования на родном языке) [2; 3]:

- иногда родной язык может не иметь письменности;
- на этом языке могут отсутствовать необходимые учебные материалы;
- наличие множества языков может затруднить обеспечение школьного образования на каждом языке, являющемся родным;
- может ощущаться нехватка учителей, обладающих необходимой подготовкой;
- обучающиеся, родители и учителя могут возражать против обучения на родном языке.

Универсальные индивидуальные языковые права человека предполагают право на самоидентификацию на родном языке и право требовать уважения такого самоопределения, право на получение образования на родном языке и взаимодействие с органами публичной власти на родном языке, а также право на изучение официального языка государства проживания (<http://www.un.org/ru/events/indigenousanday/languages.shtml>).

2. Обсуждение

В последние годы языковые права все в большей степени закрепляются с помощью законодательных актов. Самым частым, самым широко обсуждаемым и подвергающимся самым сильным нападкам позитивным языковым правом, гарантированным государством, является право граждан на образование, осуществляемое на языке, который обучающиеся понимают лучше всего.

Существуют две точки зрения на то, как наилучшим образом реализовывать это право. Первая основывается на очевидных преимуществах обучения на родном языке и — с учетом необходимости экономического развития бедных стран — рекомендует вести в начальной школе обучение на местных языках.

Вторая, которой придерживается все большее число родителей и педагогов, основана на идее, что начальное образование должно осуществляться на доминирующем, хотя и незнакомом языке. Этот дискурс уже приобрел жесткость неоспоримой идеологии. Эксперты считают, что деградация местных языков в образовании является не непредвиденным последствием нехватки или плохого распределения ресурсов, а намеренным стремлением доминирующих групп в обществе маргинализировать некоторых учащихся ради того, чтобы гарантировать привилегии другим [4. С. 76].

Споры о целесообразности обучения на родном языке имеют глубокие исторические корни. Так, еще в 1949 г. Комиссия по образованию Кении рекомендовала использовать доминирующие местные языки в первых трех классах начальной школы, и эти рекомендации сохранили свою силу после независимости, хотя они редко применялись на практике из-за больших расходов на образование более чем на 40 языках и из-за доминирования английского и суахили.

Если обратиться к истории вопроса, то Даниэль Дефо, знаменитый автор «Робинзона Крузо» еще в начале XVIII в. предлагал радикальным образом изменить устаревшие программы университетов (в то время Оксфорда и Кембриджа) и их языковые практики, унаследованные от Средневековья, когда все науки изучались на греческом или латыни. Дефо подчеркивал важность обучения на английском, несмотря на низкий престиж языка в то время, который однако сочетал максимум понимания студентами с минимумом трудностей для преподавателей. Основываясь на собственном студенческом опыте, Дефо писал, что за четыре с половиной года он стал математиком, географом, астрономом и философом без всякой помощи греческого или латыни [5. С. 56].

В ситуации, описанной Дефо, обучение ведется на родном языке, при этом изучение привилегированных языков (греческого и латыни) в качестве иностранных является дополнением к основному образованию, получаемому на низкопрестижном родном языке (английском той эпохи). Если заменить английский

на любой из местных языков, на которых говорят дети во многих бедных странах и которые случайно или намеренно исключаются из систем начального образования ради замены на престижные, но плохо понятные доминирующие языки, типа английского, то комментарий Дефо четырехсотлетней давности сохраняет свою актуальность.

Политические мотивации правительства являются определяющими при выборе языковой политики. Правительства не всегда руководствуются стремлением к беспристрастному расширению прав всех языковых групп. Если правящие элиты хотят быть уверенными, что определенная этническая группа не будет иметь доступа во властные структуры, они могут наделить привилегиями определенный язык и запретить доступ к нему через школьное образование. И, напротив, если правительство ощущает потребность облегчить доступ к языку для всех этнических групп, оно избирает другую политику — наделяя привилегиями не один язык или разрешая всем доступ к привилегированным языкам. Р. Филлипсон отмечал, в частности, что сосредоточение внимания на обучении на родном языке не является гарантией просвещенного образования, потому что во многих странах, особенно в Африке, обучение на родном языке закрывало доступ к привилегированному английскому, и африканцы из периферийных англоговорящих наций понимали, что внедрение обучения на африканских языках имеет целью закрепить их угнетенное положение [1. С. 120—127]. С точки зрения теории человеческого капитала расширение прав индивидов превалирует над поддержанием их родного языка и даже над его сохранением.

Необходимо учитывать, что большинство современных стран не являются национальными государствами, где большинство населения имеет общее этническое происхождение, язык и культуру. Когда население является преимущественно однородным, трудно возражать против примата общего родного языка. Начальное образование на родном языке возможно также в относительно однородных многонациональных государствах. Такие нации разделены на штаты или провинции, и внутри каждого штата может быть свой доминирующий родной язык. Языковым меньшинствам трудно найти место в такой структуре: нельзя надеяться, что каждая языковая группа, включая очень маленькие, при наличии социетального доминирующего языка сможет обеспечить своим детям качественное образование, если они говорят на другом языке. Хотя их языковые права будут соблюдены, доступа к властным структурам они не получают. И языковая ситуация в стране от этого только осложнится.

Большинство многонациональных государств образовано из относительно однородных провинций, в каждой из которых имеется доминирующий этнос и доминирующий язык. Но столицы таких государств привлекают мигрантов из всех провинций, а также из-за рубежа, которые приносят с собой и свои языки. В таких городах (космополисах) нет одного доминирующего языка или одной доминирующей этнической группы. Космополисы, независимо от того, находятся ли они в Европе, Азии, Африке или Америке, представляют собой многоязычные урбанизированные анклавов, окруженные относительно однородными сельскими территориями. Большинство жителей космополисов в своей повседневной жизни пользуются несколькими языками. Наличие в них этнических анклавов позволяет некоторым детям расти в относительно однородных сообществах, но

другие дети растут в смешанных семьях или в смешанных сообществах и имеют совершенно другой языковой опыт. Их этническая идентичность обычно мало связана с языком.

В космополисах реализация языковой образовательной политики существенно затрудняется в первую очередь из-за проблем с определением родного языка ребенка, поступающего в школу, если только у него нет официально установленного этнического происхождения, определяющего его «официальный» родной язык, или если родители сами не заявляют о том, какой у него родной язык.

Термин «родной (материнский) язык» в разных культурах имеет разное политическое и эмоциональное наполнение. Большинство современных лингвистов и политиков считают этот термин пережитком прошлого. В большинстве случаев материнский язык определяется по отцу, особенно если родной язык присваивается ребенку официально: для этого достаточно определить этнический язык по отцовской линии. Это отнюдь не означает, что все дети могут говорить на этническом языке своего отца. Поэтому нет никаких оправданий для обучения детей на этническом языке, которым они не владеют. Очень многие люди имеют предков, говоривших на языках, которыми они (их потомки) не владеют, и члены семей, где произошла смена языков, стали природными носителями языков, на которых не говорили их предки. Тем не менее многие программы по обучению на материнском языке используют это устаревшее определение материнского языка.

То, что парадигма защиты языковых прав распространяет концепт языка как полностью развитой автономной системы с индивида на группу, вызвано тем, что материнский язык рассматривается как часть групповой этноязыковой идентичности. Следовательно, он представляет собой фиксированный неизменяющийся вариант языка, который нуждается в защите от посягательств других языков, существует вне времени и определяет членство в этническом сообществе, независимо от изменений в дискурсивной практике этого сообщества.

Сегодня единственное корректное определение понятия «материнский язык» может быть основано на связи материнского языка с ранним языковым опытом ребенка. Материнский язык — это язык, выученный до изучения другого языка. Согласно этому определению, у человека может быть более одного материнского языка. Материнский язык ученика-дошкольника — это язык, на котором он говорит в этот период. В Комментариях к Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств уточняется: «Термин “родной язык” необязательно имеет этническую коннотацию, а скорее относится к тому языку, который свободно выбирается людьми для того, чтобы говорить на нем дома, независимо от того, является ли это языком меньшинства или официальным языком» (www.coe.int/minorities).

ЮНЕСКО так относится к этому термину: «Термин “родной язык”, несмотря на его широкое применение, может охватывать несколько различных ситуаций. Определения зачастую включают следующие элементы: первый выученный язык (языки); язык (языки), служащий средством идентификации местного уроженца либо им самим, либо другими; язык (языки), которым лучше всего владеют, и наиболее используемый язык (языки). “Родной язык” может также означать “ос-

новой” или “первый язык”. Термин “родной язык” обычно используется в политических заявлениях и общих дискуссиях по проблемам образования. В настоящем документе он используется по этой причине, хотя следует отметить, что термин “родной язык” часто не позволяет провести различие между всеми вариантами языка, используемыми носителями языка, начиная с языка, на котором говорят в глубинке, и кончая общепринятым языком в городах, используемым в качестве родного языка в школе. Первые навыки ребенка, связанные с родной речью, необязательно соответствуют официальному школьному варианту так называемого “родного языка”» [2; 3].

В современных условиях многие дети имеют не один, легко идентифицируемый родной язык. В космополисах многие дети являются выходцами из смешанных семей, в которых наследственно имеются два (или более) этнических языка. Однако языком общения между родителями может не быть ни один из их наследственных языков. Когда разные этнические и языковые группы в течение веков живут бок о бок друг с другом, в смешанных семьях происходит значительная смена языков. Это приводит к тому, что в семьях могут использоваться несколько языков или происходить потеря наследственных этнических языков.

Проблемы возникают, когда от родителей требуют выбрать один родной язык. Когда в семье говорят на двух-трех языках, как родители выбирают язык начального образования? Они считают, что некоторые языки открывают лучший доступ во властные структуры, чем прочие, и декларируют эти языки как главные домашние языки, даже если они не являются таковыми [6. С. 499—500].

Кроме того, при определении родного языка в системе образования имеется в виду стандартный вариант, поэтому родные языки детей, говорящих на других вариантах, сводятся к стандартному, который во многих случаях существенно отличается от тех, на которых говорят дети. Если язык недавно подвергся стандартизации, то выбор стандартного варианта может быть особенно болезненным, и требование использовать другой вариант своего языка представляет большую опасность для самоуважения, чем использование другого языка. Система образования не должна требовать от детей изучения стандартного варианта их собственного языка и тем более не наказывать их за допущенные «ошибки» [7. С. 120—145].

В тех странах, где поощряется обучение на родных языках, оно приводит к разделению этнических групп в системе образования. Во многих многоязычных городах, где практикуется разделение этноязыковых групп, в них усиливаются сепаратистские настроения. Хотя компактное поселение может быть мотивировано естественным желанием миноритарной этнической группы образовать свое сообщество, эта форма сегрегации часто вызвана социально-классовыми различиями и приводит к образованию гетто. С социальной точки зрения образование компактных этнических поселений в космополисах крайне нежелательно, потому что только языковые и дружеские связи могут поддерживать мирные отношения между группами. Некоторые современные космополисы, например Сингапур, прилагают специальные усилия по борьбе с традиционными компактными поселениями и по поощрению этнического перемешивания населения, что вызывает неоднозначную реакцию со стороны этнических меньшинств. Если

страна хочет поддерживать социальное единство своего населения, лучшим средством достижения этой цели является совместное обучение всех детей, способствующее смешению этнических групп [6. С. 500].

Глобальной тенденцией, которая отчетливо проявилась в последний период, является исчезновение миноритарных и автохтонных языков из-за распространения небольшого числа мировых языков. Во главе этой группы идет, разумеется, английский, но в нее входят также испанский, французский и китайский языки. Среди региональных языков можно выделить русский язык.

Национальное государство и политический национализм играют значительную роль в процессе потери языков. Учитывая возможности (через доступ к образованию) и стимулы (источник дохода и престиж), этнические группы в национальном государстве обычно переходят на мажоритарный (государственный) язык, несмотря на попытки региональных националистов поддерживать сохранение языка. В образовании и сохранении современного национального государства важнейшую роль играет изучение языков. Языки, получившие легитимацию через систему образования, играют ключевую роль в создании и укреплении национальной культурной и языковой идентичности.

Языки, которыми пользуется большинство населения, обладают гораздо большей инструментальной и технической ценностью, в то время как языкам меньшинства в контексте целей и потребностей общества придается главным образом эмоционально-декларативное значение, притом что нередко использование языковыми меньшинствами своих родных языков становится препятствием для социального развития и интеграции. В настоящее время также популярна позиция критицизма в отношении обеспечения языковых прав меньшинств, которая сформировалась, во-первых, по причине объяснения природы языковых прав; во-вторых, по причине излишней утопичности и абстрактности концепции языковых прав меньшинств; а также по причине того, что индивидуальная мобильность и гибкость представителей языковых меньшинств становится гораздо шире, если им приходится подстраиваться под большинство, используя язык большинства [8. С. 102].

Потеря языка происходит в ситуациях многоязычия, когда мажоритарный язык берет на себя ряд функций миноритарного языка, в результате чего носители миноритарного языка со временем переходят на использование мажоритарного языка. Тот факт, что в условиях многоязычия люди постоянно находятся в ситуации выбора, какой язык использовать, свидетельствует о том, что потеря языка — это не языковая проблема, а ее причины лежат в плоскости власти, предрассудков, неравной конкуренции и — иногда — открытой дискриминации или подчинения. В результате многие носители миноритарных языков видят улучшение своего социального, культурного и экономического положения только через использование мажоритарного языка. Таким образом, этническая или языковая принадлежность в значительной степени зависит от социально-политической ситуации в стране.

Во многих странах отношения между этничностью и привилегиями являются очень болезненной темой. Речь идет о мажоритарном или миноритарном статусе этнических групп и об их социальной престижности. В таких странах некоторые этнические группы стремятся получить социальные привилегии, а другие лише-

ны их. На этнические различия накладываются и различия классовые: дети из низших социальных групп лишены образовательных привилегий, несмотря на то, что они являются носителями привилегированного языка по рождению; в то же время, дети из привилегированных групп, не говорящие на привилегированном языке, не очень страдают от отсутствия таких привилегий.

Сторонники критического подхода к определению языковых прав человека считают, что чрезмерно широкая правовая защита таких прав может нарушать принцип равенства, поскольку признание языковых прав требует выделения определенных групп населения, которым должно предоставляться особое отношение. Кроме того, излишнее акцентирование внимания на языковых правах национальных меньшинств и обеспечение тем самым всплеска их культурного самосознания может привести риску возникновения межнациональных конфликтов. Закрепление широких языковых прав национальным законодательством государства требует от него предоставления соответствующих государственных услуг, связанных с их реализацией, что может быть затруднительным для этого государства.

Таким образом, если модели использования языков связаны с принадлежностью к определенному социальному классу, обучение на родном языке понижает возможности доступа к властным структурам для представителей непривилегированных социальных групп. Если привилегированный язык является языком доминирующей социальной группы, то знание этого языка членами других групп ухудшается в случае получения начального образования на родном языке, а также от сокращения личных контактов с членами привилегированной группы.

Последствия политики интеграции или сегрегации в образовании должны изучаться в каждой конкретной ситуации. Единственным постоянным фактором является количество детей, поступающих в школу *без* знания языка обучения. Но и это имеет две стороны: если ребенок, не говорящий на языке обучения приходит в школу, где большинство детей говорят на нем, он попадает в среду этого языка и быстро обучается ему; в случае если большинство детей, поступающих в школу, не говорит на языке обучения, они меньше страдают от стигматизации, чем если бы они были в меньшинстве, и их шансы на применение адекватной методики преподавания увеличиваются.

Широкомасштабное исследование целесообразности обучения на родных языках, проведенное в Малайзии и Сингапуре, показало, что в обоих государствах требование обучения детей на родном языке сужает возможности доступа к привилегированным языкам и не поддерживается самими меньшинствами. Многие родители, использующие дома непривилегированные языки, отказываются от такой возможности. Так, в Малайзии тамилы, представители среднего класса, отказываются отдавать своих детей в тамильские школы, потому что они в социальном и профессиональном отношении представляют тупиковый образовательный маршрут, тогда как главным желанием родителей является будущая успешность их детей [6. С. 505]. Аналогичные результаты были получены в Перу, где носители кечуа противятся использованию своего языка в качестве языка обучения, требуя вернуть на свое традиционное место испанский, или в Южной Африке где чернокожие африканские родители требуют обучения на английском языке, тогда как в стране проводится языковая политика, направленная на раз-

вители многоязычия. В Боливии, где двуязычное межкультурное обучение является центральным вопросом боливийской реформы образования, родители из коренного населения требуют, чтобы их дети обучались на испанском языке. Боливийским властям пришлось признать, что при проведении реформы была допущена ошибка — поднятие автохтонных языков на такую высоту создало у широкой публики впечатление, что двуязычное обучение на самом деле является моноязычным обучением на одном из автохтонных языков [1. С. 28]. И это происходит на фоне того, что в странах Латинской Америки основной контингент школьников (за исключением нескольких космополисов) имеет мало контактов с устной формой испанского языка или печатными СМИ за пределами классной комнаты.

Меры по языковому строительству, направленные на создание алфавитов для бесписьменных языков, обычно рассматриваются как прогресс или как победа; с другой стороны, они могут рассматриваться как вмешательство в ситуацию использования устного языка, побочные эффекты которого мы не можем предусмотреть. В Тихоокеанском регионе проблема создания письменности для многочисленных пиджинов и креольских языков была создана европейцами и не учитывала социально-экономическую реальность носителей этих языков. Вопросы о необходимости письменной формы, стандартизации, защиты, придания официального статуса должны решаться с учетом интересов носителей, и лишь потом можно приступать к планированию мер языкового строительства. Абсолютно не очевидно, что носитель, например, галисийского языка, живущий в стране, в которой официальным языком является испанский, и использующий английский в качестве языка международной коммуникации, пользуется этими тремя языками в одинаковой степени и что нужно переводить на галисийский произведения, написанные на французском или китайском, если уже есть переводы на испанский. Для этого у государства должны быть свободные средства для поддержки идентичностной или символической функции галисийского языка [9. С. 60].

Но даже если это теоретически возможно в отношении галисийского языка, то сенегалец, родным языком которого является манжак и который говорит на доминирующем в регионе языке-посреднике волоф и на французском, официальном языке своей страны, вряд ли захочет в университете писать на языке манжак и читать книги по ядерной физике на языке волоф, если он может прочесть их на французском или английском. Однако желание поставить все эти разные языки на один уровень и защищать их во имя общего принципа приводит к неэффективности и, из-за чрезмерных требований, к параличу языковой ситуации.

Таким образом, неравенство языков вызывается неравным распределением реальных или виртуальных функций этих языков. В реальности, все языки не выполняют одни и те же функции и не у всех из них есть средства для выполнения этих функций. Можно сожалеть об этом, бороться с этим или жаловаться на это, но, с другой стороны, можно принять это как данность и учитывать как фактор языковой политики.

Желание постоянно защищать или поддерживать миноритарные языки во имя моральных принципов напоминает игру с огнем, особенно если эта защита осуществляется за счет государственных языков, которые выполняют трудную мис-

сию поддержки сосуществования на одной территории самых разных меньшинств. Прагматический подход, основанный на функциональном анализе языковых ситуаций и признающий право на минимальное языковое обеспечение, т.е. на общинный язык, на государственный язык и на международный язык, предполагает, что все эти языки не могут иметь одинаковые узусы и одинаковые функции. Миллионы людей в мире используют во внутрисемейном общении один язык, в общественной жизни другой, при поездках за границу — третий.

Идеология лингвистического политкорректного дискурса, абсолютизируя ценность языков, представляет собой помеху для настоящей языковой политики, потому что она априорно осуждает некоторые решения, которые становятся запретными, не разрешает сказать нет введению обучения на миноритарном языке в школе или противиться созданию письменности на каком-либо языке.

Все люди равны, но это равенство не распространяется на языки: есть языки, которые «равнее» других: в ООН, в ЮНЕСКО, в ЕС используется определенное число рабочих языков, которые — *defacto* — имеют большую ценность, чем другие. Из-за раздробления территорий и создания новых государств только усиливается доминирование английского. Языковая политика должна исходить из социальных функций языков для того, чтобы обеспечить осознанный доступ к тем, в которых нуждаются носители. А затем государство должно определить свое отношение к каждому языку и решить, какие меры принимать для его поддержки. В идеале было бы хорошо, чтобы каждый язык мог выполнять всю полноту своих функций, но это не значит, что государство должно вмешиваться на каждом из функциональных уровней. Сообщество носителей, если захочет, может заняться защитой и развитием своего языка. Язык не святыня, посторонняя по отношению к человеку. Язык должен служить человеку, а не наоборот.

Необходимо также учитывать национальные особенности определения этнической и языковой принадлежности. Так, СССР был многонациональной страной, провозгласившей принцип дружбы народов при равенстве всех народов и формальном отсутствии титульной нации, что должно было привести к образованию «новой исторической общности — советского народа». Тем не менее с 1930-х гг. каждый взрослый (кроме колхозников) должен был иметь внутренний паспорт, в котором фигурировал так называемый «пятый пункт» — национальность (этническое происхождение) гражданина. До Великой Отечественной войны национальность должна была определяться по этническому происхождению родителей. Самостоятельно определять национальность гражданам было запрещено вплоть до 1974 г., когда национальность в паспорте стали указывать по заявлению человека.

При проведении паспортизации населения, которая завершилась незадолго до войны, использовался список из 200 национальностей, одна из которых могла вписываться в паспорт. Представители национальностей, не попавших в этот список, на официальном уровне как бы не существовали. На основании этих паспортных записей начиная с 1930-х гг. проводились массовые депортации народов.

На практике в подавляющем большинстве случаев фамилия, национальность и родной язык гражданина определялась по национальности отца. При проведе-

нии переписей населения переписной лист заполнялся специально обученным переписчиком, который заполнял его согласно полученным инструкциям. Поэтому во многих регионах искусственно завышается численность титульной нации: так, башкиры, живущие в Татарстане, жаловались на то, что при переписи их записывают татарами, а татары, проживающие в Башкортостане — на то, что их записывают башкирами и т.д.

Кроме того, реальная численность этнических групп искажалась и по политическим мотивам. Наличие «пятого пункта» приводило к тому, что если можно было выбирать между «еврей» и «русский», выбирали «русский», даже если русской была мама. А после 1968 г., когда был разрешен выезд евреев в Израиль, ситуация изменилась: желающие выехать русские выискивали в родне хоть какого-нибудь еврея или с большим трудом и затратами меняли запись в «пятом пункте».

Даже в период свободной национальной самоидентификации национальная принадлежность определялась по спискам официально признанных народов, проживающих в СССР: в 1959 г. в этом списке было 126 народов, в 1973 г. — 123, в 1989 г. — 128. При этом некоторым народам, например ассирийцам, так и не удалось попасть в эти списки (<http://russian7.ru/post/kak-v-sovetskom-soyuze-opredelyali-naci/>).

Одюзную графу в паспорте отменили в 1991 г. Теперь национальность не указывается в личных документах и списков «правильных» национальностей тоже нет. Свобода национальной самоидентификации привела к тому, что в ходе переписи 2010 г. в России появились такие национальности, как «скиф», «эльф», «берсерк» и т.п. В Индии применение того же принципа привело к тому, что за десять лет, прошедших между двумя переписями число языков увеличилось более чем на 200 и достигло 1900.

Однако самой серьезной проблемой при определении численности носителей того или иного языка как родного является рост числа людей, у которых этническое происхождение расходится с языковой идентификацией, не связанной с наследственным этническим языком. Так, из 5,5 млн российских татар в 1989 г. считали своим родным языком татарский только 4 млн 725 тыс.; из примерно миллиона мордвинцов объявили родными языками мокша и эрзя 740 тыс., а из 842 тыс. российских немцев считали немецкий родным только 352 тыс. [3].

Для многих людей, принадлежащих как к языковому большинству, так и к языковым меньшинствам, язык является основным компонентом и маркером их индивидуальной и коллективной идентичности. Однако язык, как и идентичность, не является монолитным и статичным, а развивается на протяжении всей жизни человека: «Полная и эффективная гарантия права использовать свой или свои языки (меньшинства) подразумевает, что органы власти разрешают свободную идентификацию лиц через язык и воздерживаются от ограничения личной идентичности путем установления жестких языковых категорий. Следует уважать выбор каждого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, свободно решать, рассматриваться или не рассматриваться как таковое, в соответствии со статьей 3.1 Рамочной конвенции о защите прав национальных меньшинств». В этой статье говорится, что «любое лицо, принадлежащее к национальному мень-

шинству, имеет право свободного выбора рассматриваться или не рассматриваться как таковое, и этот выбор или осуществление прав, которые связаны с этим выбором, никоим образом не должны ущемлять данное лицо» (<http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540487>). Таким образом, соблюдение принципа самоидентификации имеет чрезвычайно важное значение при толковании и применении Рамочной конвенции. При этом язык, как правило, рассматривается как важнейший показатель идентичности, само владение языком или его отсутствие, а также простое использование языка не должны автоматически увязываться с принадлежностью к конкретной группе. Вместе с тем пользование лингвистическими или культурными правами нельзя ставить в зависимость ни от владения лицом языка своего меньшинства, ни от владения этим лицом другими языками. Установление принадлежности лиц к определенной группе, основанное на внешних или языковых характеристиках или на предположении о них, причем без согласия этих лиц, несовместимо с Рамочной конвенцией. Более того, человек может пожелать идентифицировать себя с рядом групп. Такое явление, как множественная принадлежность, на самом деле является распространенным, например, в силу смешанных браков или в случаях смены государства. Лицо может также идентифицировать себя по-разному в разных целях, в зависимости от важности той или иной идентификации в каждой конкретной ситуации (www.coe.int/minorities).

3. Выводы

Планирование обучения на языках национальных меньшинств, а также планирование подготовки педагогических кадров требуют объективной и реальной информации о численности желающих обучаться на этих языках и о трендах ее эволюции. Поэтому Консультативный комитет по Рамочной конвенции подчеркивает «важность сбора надежных дезагрегированных данных для разработки, осуществления и оценки эффективной политики, которая учитывает лингвистические потребности и права лиц, принадлежащих к разным группам, и содействует им. Сбор, хранение и использование таких данных должны осуществляться при полном соблюдении существующих стандартов в области защиты данных. Важно, чтобы государства поощрялись в том, чтобы собирать данные из разнообразных источников, помимо переписи населения, таких как официальные и неофициальные исследования домашних хозяйств или школ, и независимые научно-исследовательские разработки» (www.coe.int/minorities). Однако в России языковые переписи или мониторинги пока что не проводятся.

Список литературы

1. *Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992.
2. Образование в многоязычном мире / Установочный документ ЮНЕСКО, 2002, октябрь. Париж: ЮНЕСКО, 2002.
3. *Леонтьев А.* Языковые права человека. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N01_94/1_09.htm (дата обращения: 14.01.2019).

4. *Tollefson J.W.* Language policies in education: Critical issues. Oxford: Blackwell, 2002.
5. *Vickers I.* Defoe and the new sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
6. *Gupta A.F.* When Mother-tongue Education is not Preferred // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1997. Vol. 18. No. 6. P. 496—506.
7. *Le Page P.B.* Sociolinguistic aspects of literacy // К. Bolton, Н. Kwok (Eds). *Sociolinguistics Today: International Perspectives*. London: Routledge, 1992. P. 120—145.
8. *May S.* Rearticulating the Case for Minority Language Rights // *Current Issues in Language Planning*. 2003. Vol. 4. No. 2. P. 95—125.
9. *Calvet L.-J., Varela L.* XXIe siècle: le crépuscule des langues? Critique du discours Politico-Linguistiquement Correct // *Estudios de Sociolingüística*. 2000. Vol. 1. No. 2. P. 47—64.

© Марусенко М.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.02.2019

Дата принятия к печати: 09.03.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Марусенко М.А. Двухязычное обучение и проблемы этнической и языковой идентичности в СССР и современной России // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2019. Т. 16. № 2. С. 190—203. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-190-203

Сведения об авторе:

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ, заведующий кафедрой романской филологии СПбГУ. E-mail: mamikhail@yandex.ru

Bilingual Education and the Problems of Ethnic and Linguistic Identity in the USSR and Modern Russia

M.A. Marusenko

St Petersburg State University
13B Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

The article discusses the relationship of bilingual education with the problems of ethnic and language identification in the USSR and modern Russia. The concept of protecting the rights of national minorities includes an extensive range of linguistic rights and the right to education in minority languages. This right is protected by many international agreements and documents of international organizations and is considered to be an unconditional conquest of fighters for human rights. However, this ignores

cases of inconsistencies in ethnic and linguistic identity, which are increasingly frequent in the modern world, and the right of citizens to free ethnic and linguistic self-determination. Planning in the field of bilingual education and teacher training requires objective information on the real number of people willing to study in minority languages, which can be obtained as a result of language monitoring and censuses.

Key words: bilingual education, ethnic identification, language identification, mother tongue, indigenous people, national minority

References

1. Phillipson, R. 1990. *Linguistic Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
2. *Obrazovanie v mnogoyazychnom mire* [Education in the Polylingual World]. 2002. Ustanovochnyi dokument YUNESKO. Parizh: YUNESKO. Print. (In Russ.)
3. Leont'ev, A. *Yazykovye prava cheloveka* [Language Rights of a Human]. Web. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N01_94/1_09.htm (accessed: 14.01.2019).
4. Tollefson, J.W. 2002. *Language Policies in Education: Critical Issues*. Oxford: Blackwell. Print.
5. Vickers, I. 1996. *Defoe and the New Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
6. Gupta, A.F. 1997. "When Mother-tongue Education is *not* Preferred". *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 18 (6): 496–506.
7. Le Page, P.B. 1992. *Sociolinguistic Aspects of Literacy*. K. Bolton, H. Kwok (Eds). *Sociolinguistics Today: International Perspectives*. London: Routledge. Print.
8. May, S. 2003. "Rearticulating the Case for Minority Language Rights". *Current Issues in Language Planning*. 4 (2): 95–125. Print.
9. Calve, L.-J., and L. Varela. 2000. *XXIe siècle: le crépuscule des langues? Critique du discours Politico-Linguistiquement Correct*. *Estudios de Sociolinguística*. 1 (2): 47–64. Print.

Article history:

Received: 02.02.2019

Accepted: 09.03.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Marusenko M.A. 2019. "Bilingual Education and the Problems of Ethnic and Linguistic Identity in the USSR and Modern Russia". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 190–203. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-190-203

Bio Notes:

Mikhail A. Marusenko is a Doctor in Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Romance Philology, St. Petersburg State University. E-mail: mamikhail@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-204-213

Некоторые аспекты билингвального обучения в современной Гватемале

И.Б. Котеняткина, А.А. Борзенкова, М. Радович

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В статье рассматривается история возникновения и процесс развития концепции двуязычного обучения в Гватемале, обусловленного переходом к новому типу общества — обществу знания, в котором образование является основным источником экономического роста. Авторы статьи выявляют и анализируют причины, по которым попытки введения билингвального обучения в этой стране потерпели неудачу: специфические потребности индейских детей в языковом и культурном плане, игнорирование языков коренного населения в качестве средства обучения. Подчеркивается, что межкультурная коммуникация как основной принцип двуязычного обучения позволяет преодолеть сложные социолингвистические условия и благоприятствует формированию личности, а также предоставляет возможности для ее развития на базе как испанского, так и индейских языков и культуры.

Ключевые слова: билингвизм, межкультурное билингвальное обучение, начальное образование, межкультурная коммуникация, Гватемала

1. Введение

Глобализация в современном мире вызвала изменения в экономике, политике, культуре и образовании. Английский социолог Энтони Гидденс указывал на переход к иному типу общества, новому общественному порядку, который получил множество названий, например, постиндустриальное общество, век информации, а также новая экономика [1. Р. 916]. Однако термин, получивший наибольшее распространение, — «общество знания». В обществе знания образование рассматривается как основной источник экономического роста. В многоязычных странах большую роль играет билингвальное образование, так как билингвизм благотворно влияет на экономику страны, способствует интеграции в мировое социально-культурное и образовательное пространство.

Гватемала — мультиэтническая, мультикультурная и мультиязычная страна. Общая численность населения на июль 2017 г. — 15 460 732 человек. Метисы, которых в Гватемале называют ладино, и потомки европейцев составляют 60,1% населения. Значительную часть населения составляют индейцы: майя — 39,3%, шинка и гарифуна — 0,15% [2].

Билингвальное обучение в этой стране имеет большую значимость, так как помимо испанского языка в Гватемале распространены язык майя (21), гарифуна и шинка.

Конституция Гватемалы признает мультикультурность и многоязычие страны, равенство прав всего населения, доступность образования для всех детей. Вместе с тем языки и культура майя считаются культурным наследием, а статус официального языка имеет только испанский. Это одна из причин по которой система образования имеет много недостатков [3].

Так как образование влияет на экономический рост страны, более высокий уровень образования может сократить крайнюю нищету. На 2017 г. грамотность населения (15 лет и старше) составляла 81,5% [2]. Это определенное улучшение, так как в 2005 г. она составляла 74,81%.

Различные государственные, частные, общественные организации Гватемалы признают важность того, чтобы в образовательном процессе учитывалась мультиэтническая, мультикультурная и мультиязычная природа страны.

2. Обсуждение

Идея двуязычного обучения в Гватемале получила развитие с 1960-х гг. в качестве альтернативного подхода к обучению индейских детей. Для того, чтобы индейское население могло быстрее влиться в гватемальское общество, правительство было заинтересовано в испанизации (*castellanización*) [4].

Будучи официальным языком, испанский язык использовался в политике, экономической и общественной жизни и образовании. Это привело к тому, что многие годы индейские языки не применялись в качестве средства обучения — оно осуществлялось на испанском языке, хотя он являлся родным для индейских детей. Это не давало им возможности использовать свой предыдущий опыт и знания, в том числе языковые, полученные в семье, а также затрудняло изучение испанского языка и не приносило ожидаемого результата.

Необходимо отметить, что изучение родного языка индейскими детьми является важным процессом их социализации и воспитания: языки служат не только средством общения, но и выражением мировоззрения, образа мышления, культуры.

Для культуры майя характерны такие понятия, как единство природы и космоса, гармония и равновесие, энергия, взаимодополняемость. Напротив, в западной культуре мир — это механический, индустриальный мир, а разум — средство познания, анализа, синтеза и т.п. Что касается культурных ценностей, то для майя, например, это священность земли, коллективная работа, жизнь, в то время как ценности западного мира — индивидуализм, эксплуатация земли и т.п. [5. P. 13–14; 6; 7. P. 16].

В 1980-е гг. программа испанизации превратилась в национальную программу по билингвальному обучению (*Programa Nacional de Educación Bilingüe — PRONEBI*), ориентированную на индейских детей из четырех наиболее крупных языковых зон — K'iche' (киче), Kaqchikel (какчикель), Q'eqchi' (кекчи) и Mam (мам). В 1985–1990-е гг. планировалось создать 400 «полных» школ (с дошкольного уровня до 4 класса начальной школы) и 400 «неполных школ» (только дошкольные группы) с учителями-билингвами, учебными материалами на соответствующих индейских языках [4].

Социолог О. Хименес отмечает, что языки майя считаются менее значимыми по сравнению с испанским, в их отношении ладино используют термины *dialecto* (диалект), *lengua* (язык), а термин *idioma* (язык) — только в отношении испанского языка. Эта трактовка базируется на представлении о том, что языки майя не имеют грамматики, литературных произведений и словарей и на них говорит меньшая часть населения [8].

Гватемальский антрополог Д. Кохти Кушиль выделяет несколько функций языков майя в Гватемале, в том числе политическую и культурную.

Политическая функция. Исследователь отмечает неравноценную сферу использования языков майя и испанского в Гватемале. Конституция признает языки майя культурным наследием, испанский язык наделен статусом официального языка. Другое проявление доминирования испанского языка над индейскими — его географическое распространение: на языках майя говорят в сельской местности, низшие слои населения, в то время как на испанском говорят в городах, ладино. Подобное разделение приводит к зависимому положению индейцев майя — им приходится использовать заимствования из испанского языка. «Семантика заимствований показывает разделение между майя и ладино: майя трудятся в сфере сельского хозяйства и народных промыслов, а ладино — в области умственного, административного, квалифицированного труда» [9. Р. 3—15].

Культурная функция. Языки майя репрезентируют философию и мировоззрение (*cosmovisión* — космовидение) народов. Языки майя служат ключевым элементом идентичности этноса. Согласно филологу В. Гальдамес, «вместе с родным языком передаются из поколения в поколение также культурные ценности, знания и традиции. То есть для детей изучение индейского языка также является процессом социализации и обучения. Устная речь — это носитель особых знаний, метафор, образов, способов выражения, культурного наследия и многих богатств, которые утрачиваются, когда на этом языке перестают говорить» [10. Р. 229].

Получила развитие идея языкового равновесия (*equilibrio lingüístico*), и для ее реализации прибегают к таким стратегиям, как кодификация, стандартизация, модернизация, билингвальное обучение. Дело в том, что языки майя существовали преимущественно в устной форме, письменная форма развивалась медленно из-за политических условий, в которых проживали индейские народы [8].

Однако для создания стандарта языка необходима унификация его вариантов, что, в свою очередь, требует кодификации языка. Поэтому в 1987 г. Гватемальская академия языков майя (*Academia de Lenguas Mayas de Guatemala — ALMG*) создала унифицированный алфавит языков майя. Отметим, что создание этой организации стало шагом вперед для придания официального статуса языкам майя.

Создание алфавитов, норм орфографии, новых терминов для возможности использовать язык в разных сферах послужило начальным этапом стандартизации письменной формы языков майя, что приводит к унификации диалектов каждого из языков майя. В плане кодификации как важного элемента языковой унификации, которая включает также создание словарей, грамматик, справочников, в Гватемале были достигнуты определенные успехи [11. Р. 868].

Начиная с 1995 г. в стране действует программа билингвального обучения при поддержке Главного управления по вопросам межкультурного билингвального образования (*Dirección General de Educación Bilingüe Intercultural — DIGEBI*) [4]. Если ранее речь шла в основном о билингвальном обучении детей майя, то теперь билингвальное межкультурное обучение распространилось также на детей народов гарифуна, шинка и ладино.

Гарифуна (черные карибы) — потомки беглых африканцев, которых завозили для работы на плантациях, и индейцев карибов и араваков. Центральными элементами идентичности гарифуна являются язык, религия и родственные узы. В 2001 г. ЮНЕСКО объявило язык, танцы и музыку гарифуна шедеврами нематериального наследия человечества.

Язык шинка и исторические корни народа мало изучены. Согласно классификации швейцарского лингвиста и этнолога О. Штоля, язык шинка относится к семье михе-соке. Основой идентичности народа шинка является космовидение, что обусловлено наличием мезоамериканских корней.

В настоящее время язык шинка находится под угрозой исчезновения. Для его возрождения объединили свои усилия лингвисты, социолингвисты, антропологи, социологи, этнологи, педагоги и компьютерные специалисты. Также в этом процессе принимают участие сами носители языка и члены общины, которые не говорят на этом языке, но идентифицируют себя как шинка.

Согласно докладу о развитии человеческого потенциала (*El Informe de Desarrollo Humano*), в 2005 г. 46,7% коренного населения Гватемалы — билингвы (испанский и какой-либо язык майя или гарифуна, или шинка), ладино, напротив, в большинстве своем монолингвы. Среди индейского населения билингвов больше всего в народе мам (63%), в то время как народ кекчи преимущественно монолингвальный. С другой стороны, представители народа покоман в большинстве своем владеют только испанским языком, что приводит к утрате их родного языка [11. P. 865].

Билингвальное обучение — это основа, на которой строится идентичность четырех народов Гватемалы (ладино, майя, гарифуна и шинка) и которая предоставляет средства, необходимые для их межкультурного сосуществования, расширения их возможностей местного, регионального и государственного роста. Задачи билингвального обучения определяются необходимостью выполнять международные соглашения и законодательные акты Гватемалы. В частности, требуется расширение охвата образованием индейских детей школьного возраста в общинах майя с наибольшим числом говорящих на индейских языках — киче, какчикель, кекчи и мам с дошкольного уровня до 6 класса, разработка учебников по коммуникации и языку на этих языках для 4, 5, 6 классов, пересмотр учебников по математике на этих языках, подготовка двуязычных учителей, расширение охвата обучением детей с дошкольного уровня до 3 класса в общинах шинка, гарифуна, ишиль, покомчи, акатеко и др., разработка билингвальных текстов с межкультурным подходом для не билингвальных школ, расположенных в индейских общинах [4].

В Гватемале обучение детей имеет несколько уровней: дошкольный (дети 4—6 лет), начальный (7—12 лет) и средний (13—15 лет). Обучение в государственных школах бесплатное.

В 2005 г. одной из задач, поставленных Министерством образования Гватемалы, было превратить испанский язык в двуязычных школах во второй язык: предполагалось обучение на родном индейском языке в течение трех лет начальной школы, так как многие индейские дети не говорили на испанском, особенно в отдаленных сельских местностях.

На национальном уровне цели образовательной политики на период 2008—2021 гг. были следующие: универсализация образования, улучшение качества образования, построение гражданского самосознания, достижение признания мультиэтничности, мультикультурности и многоязычности нации, продвижение гендерного равенства в обучении.

В 2016 г. в начальные государственные школы поступило 57,62% не индейских детей, индейских — 42,38%, в частные школы — 89,49% не индейских детей, 10,51% индейских детей. Типы школ в социолингвистическом и культурном плане зависят от общины (в порядке убывания по количеству школьников): монолингвальные (используется либо язык майя, либо гарифуна, либо шинка, либо испанский), с активным билингвизмом (сбалансированное использование индейского языка в качестве первого и испанского как второго), с тенденцией к испанскому монолингвизму (испанский как родной, язык предков забывается), полиэтнические и многоязычные (сосуществуют разные культуры и языки). В период 2010—2014 гг. школ первого типа (монолингвальных) было 64% [12].

Рассматривая социолингвистический контекст обучения в Гватемале, нельзя проигнорировать проблему дискриминации.

Расовая дискриминация в Гватемале — явление осязаемое и повседневное, которое вызвано предрассудками, стереотипами и нетерпимостью и влияет на самые уязвимые слои населения: индейских девочек и женщин. Индейские девочки (девочки майя, шинка, гарифуна от 7 до 13 лет) подвергаются ограничениям уже в своей семье, потому что живут в патриархальной системе, где женщина занимает второстепенное место. В индейских семьях считается, что девочки не должны ходить в школу, их место в доме, они должны заниматься домашними делами, помогать по хозяйству. Зачастую индейские девочки бросают учебу, не закончив даже начальную школу, чтобы выполнять домашние обязанности. Согласно отчету ЮНИСЕФ, из 10 индейских девочек только шесть заканчивают начальную школу, две — среднюю. Распространены случаи, когда родители, не имевшие в свое время возможности учиться, отрицают ценность обучения и не понимают, какие возможности оно дает их детям.

Необходимо отметить, что из-за экономических условий, в бедных индейских семьях нет средств на покупку письменных принадлежностей, портфелей и оплаты школьного питания, что также препятствует доступу к образованию индейских детей [13].

Среди проблем, с которыми сталкиваются дети (особенно индейские девочки), чтобы поступить в школу и учиться в ней до завершения, можно указать следую-

щие: отставание по возрасту (индейские девочки приходят в школу в более старшем возрасте, это приводит к тому, что они ее бросают, так как им стыдно учиться вместе с детьми младше их); пропуск занятий и повтор обучения (это бывает связано с обучением индейских детей на чужом для них языке, они не могут адаптироваться); школьный отсев (зачастую индейская девочка бросает школу не из-за отсутствия интереса к учебе, а по культурным, социальным и экономическим причинам). Также имеет место дискриминация. Некоторые дети теряют интерес к учебе, когда возникают проблемы в языковой и культурной коммуникации с учителем. Одной из проблем также является качество образования и культурная принадлежность, так как многие годы учебные планы и образовательные программы создавались учителями не индейцами, без включения обучения знаниям и культурного вклада народов майя, гарифуна и шинка. Индейские дети попадают в стрессовую ситуацию в школе, когда учителя не говорят на их языке или говорят на нем, но занятия ведут только на испанском. В такой ситуации у детей возникает двойная проблема: они должны научиться читать и писать на чужом языке [13].

Билингвальное образование основано на идее, что дети лучше всего учатся в своей культуре.

Отметим, что обучение, при котором ценится и проявляется уважение к культуре учащихся, и приобретение базовых навыков на родном языке облегчают изучение второго языка, приводит к когнитивному развитию, позитивной самооценке и более четкому осознанию культурной идентичности.

В свою очередь, владение вторым языком приводит к культурному, социальному, политическому и экономическому обогащению человека и повышению качества жизни.

3. Заключение

Проведенный нами анализ официальных документов по билингвальному обучению и отчетов таких организаций, как ЮНИСЕФ, ООН, Программа развития ООН, Министерство образования Гватемалы, а также материалов печатных изданий Гватемалы за период с середины 1990-х гг. до наших дней (“El Periódico”, “Prensa Libre”) показал, что модель, предложенная государством, неэффективна. Гватемальские дети не получают действительно билингвального образования, речь идет скорее о монолингвальном обучении. Ученики начальной школы не используют родной язык для конструирования знаний, но также им не удается овладеть и официальным языком для этих целей, так как изучение испанского языка сводится к заучиванию лексики и базовых правил грамматики. Одна из методологических ошибок билингвального обучения в Гватемале — перенос в индейский контекст дидактических методов, традиционно используемых при обучении испанскому или другим европейским языкам.

Кроме того, из-за нехватки средств и билингвальных учителей по-прежнему не удается ввести в начальных школах эффективное двуязычное обучение для детей, говорящих на языках майя, гарифуна и шинка. Хотя есть определенные успехи по разработке учебных материалов для начальной школы в рамках меж-

культурного билингвального обучения, очевидна необходимость продолжить эту работу, распространить на классы выше третьего, расширить охват обучением, построить больше школ, особенно в сельской местности. Отдельно отметим, что требуется большее участие со стороны родителей в образовательном процессе.

Что касается методологического аспекта, очевидно, что межкультурное билингвальное обучение школьников должно осуществляться с учетом их специфических потребностей как в языковом, так и в культурном плане. Образование является частью культуры и инструментом ее социализации.

Таким образом, межкультурная коммуникация как основной принцип билингвального обучения, сфокусированная на особенностях культуры, образа жизни народа, помогла бы индейским детям социализироваться в межкультурном обществе, не теряя собственной идентичности.

Список литературы

1. *Giddens A.* Sociology. Cambridge: Polity Press, 2009. Print.
2. The World Factbook. 2018. Washington, DC: Central Intelligence Agency. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/gt.html> (Accessed: 15 April 2018).
3. *Azmitia O.* La Educación Bilingüe Intercultural en Guatemala. URL: <http://aulaintercultural.org/2005/12/30/la-educacion-bilingue-intercultural-en-guatemala/> (Accessed: 30 March 2018).
4. DIGEBI. 2009. Antecedentes de la Educación Bilingüe en Guatemala. URL: <http://www.mineduc.gob.gt/DIGEBI/> (Accessed 26 June 2018).
5. *Álvarez A.V.* Laberintos: educación bilingüe e interculturalidad. Guatemala: FLACSO, 2003. Print.
6. Comunidades Lingüísticas de Guatemala. 18.3.2017. URL: <https://wikiguate.com.gt/comunidades-linguisticas-de-guatemala/> (Accessed 15 June 2018).
7. *Galdames V., Walqui A.* Enseñanza de castellano como segunda lengua. Guatemala: PROEIB Andes, 2011. Print.
8. *Jiménez A.O.* Tensión entre idiomas: Situación actual de los idiomas mayas y el español en Guatemala. URL: <http://www.mayas.uady.mx/articulos/tension.html> (Accessed 15 June 2018).
9. *Cojtí C.D.* “Lingüística e idiomas mayas en Guatemala”. Lecturas sobre la Lingüística Maya. Guatemala: CIRMA, 1990. Pp. 1—25.
10. *Galdames V., Walqui A., Gustafson B.* Enseñanza de lengua indígena como lengua materna. México: PROEIB Andes, 2006. Print.
11. *Verdugo L.* “Guatemala”. Atlas sociolingüístico de pueblos indígenas en América Latina. T. 2. Cochabamba: FUNPROEIB Andes, 2009. Print.
12. Ministerio de Educación de Guatemala. 2016. Estadísticas Educativas. URL: <http://www.mineduc.gob.gt/portal/index.asp> (Accessed 16 March 2018).
13. UNICEF 2007. Mírame. Situación de la niña indígena en Guatemala. Guatemala: Magna Terra. URL: https://www.wikiguate.com.gt/w/images/4/4f/Mirame_Situacion_de_la_ni%C3%B1a_indigena_en_Guatemala.pdf (Accessed 20 March 2018).

© Котеняткина И.Б., Борзенкова А.А., Радович М., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29.12.2018

Дата принятия к печати: 24.02.2019

Модератор: В.П. Сиячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Котеняткина И.Б., Борзенкова А.А., Радович М. Некоторые аспекты билингвального обучения в современной Гватемале // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 204—213. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-204-213

Сведения об авторах:

Котеняткина Ирина Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: kotenyatkina@gmail.com

Борзенкова Анастасия Александровна — ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: a.a.borzenkova@gmail.com

Радович Мария — кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: radovic.mar@gmail.com

Some of the Aspects of Bilingual Education in Modern Guatemala

I.B. Kotenyatkina, A.A. Borzenkova, M. Radovic

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

The present article demonstrates the development of the concept of bilingual education in Guatemala, caused by the transition to a new type of society: the knowledge society, where the education is considered as the main principle of economic growth. The special attention is paid to the specific needs of indigenous children from the linguistic and cultural points of view, as well as to the fact that the languages spoken by the local population are not being used as a tool during the teaching process. The article points out that the intercultural communication, as a primary principle of bilingual education, allows to overcome difficult sociolinguistic conditions and favours the processes of the personality formation, while offering the possibilities of shaping individuals having both Spanish and indigenous languages and cultures as a basis.

Key words: bilingualism, bilingual intercultural education, primary education, intercultural interaction, Guatemala

References

1. Giddens, A. 2009. *Sociology*. Cambridge: Polity Press. Print.
2. The World Factbook. 2018. Washington, DC: Central Intelligence Agency. Web. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/gt.html> (Accessed 15 April 2018).
3. Azmitia, O. 2005. La Educación Bilingüe Intercultural en Guatemala [Bilingual Intercultural Education in Guatemala]. Web. <http://aulaintercultural.org/2005/12/30/la-educacion-bilingue-intercultural-en-guatemala/> (Accessed 30 March 2018). (In Spanish)
4. DIGEBI. 2009. Antecedentes de la Educación Bilingüe en Guatemala [History of the Bilingual Education in Guatemala]. Web. <http://www.mineduc.gob.gt/DIGEBI/> (Accessed 26 June 2018). (In Spanish)
5. Álvarez, A.V. 2007. *Laberintos: educación bilingüe e interculturalidad* [Labyrinths: Bilingual Education and Interculturality]. Guatemala: FLACSO. Print. (In Spanish)
6. Comunidades Lingüísticas de Guatemala [Language Communities of Guatemala]. 2017. Web. <https://wikiguate.com.gt/comunidades-linguisticas-de-guatemala/> (Accessed 15 June 2018). (In Spanish)
7. Galdames, V., and Walqui A. 2011. *Enseñanza de castellano como segunda lengua* [Teaching Spanish as a Second Language]. Guatemala: PROEIB Andes. Print. (In Spanish)
8. Jiménez, A.O. 1997. *Tensión entre idiomas: Situación actual de los idiomas mayas y el español en Guatemala* [Tension between Languages: the Current Situation with the Mayan languages and Spanish in Guatemala]. Web. <http://www.mayas.uady.mx/articulos/tension.html> (Accessed 15 June 2018). (In Spanish)
9. Cojti C. D. 1990. “Lingüística e idiomas mayas en Guatemala” [Linguistic and Mayan languages in Guatemala]. *Lecturas sobre la Lingüística Maya*. Guatemala: CIRMA. Pp. 1—25. (In Spanish)
10. Galdames, V., A. Walqui, and Gustafson B. 2006. *Enseñanza de lengua indígena como lengua materna* [Teaching Indigenous Language as Mother Tongue]. México: PROEIB Andes. Print. (In Spanish)
11. Verdugo, L. 2009 “Guatemala” [Guatemala]. *Atlas sociolingüístico de pueblos indígenas en América Latina*. T. 2. Cochabamba: FUNPROEIB Andes. Print. (In Spanish)
12. Ministerio de Educación de Guatemala. 2016. *Estadísticas Educativas* [Educational Statistics]. Web. <http://www.mineduc.gob.gt/portal/index.asp> (Accessed 16 March 2018).
13. UNICEF, 2007. *Mírame. Situación de la niña indígena en Guatemala* [Look at me. Situation with Indigenous Girls in Guatemala]. Guatemala: Magna Terra. Web. https://www.wikiguate.com.gt/w/images/4/4f/Mirame_Situacion_de_la_ni%C3%B1a_indigena_en_Guatemala.pdf (Accessed 20 March 2018).

Article history:

Received: 29.12.2018

Accepted: 24.02.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kotenyatkina, I.B., A.A. Borzenkova, and Radovic M. 2019. “Some of the Aspects of Bilingual Education in Modern Guatemala”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 204—213. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-204-213

Bio Notes:

Irina B. Kotenyatkina is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, the Faculty of Philology of RUDN University. E-mail: koteniatkina@gmail.com

Anastasia A. Borzenkova is an Assistant of the Department of Foreign Languages, the Faculty of Philology of RUDN University. E-mail: a.a.borzenkova@gmail.com

Maria Radovich is a Candidate of Philological Sciences, Assistant of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology of RUDN University. E-mail: radovic.mar@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-214-225

Транскультурная лингвоконцептуальная модель глобализации в региональном контексте

Е.Г. Луговская

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Республика Молдова, 3300, Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

Обосновывается целесообразность использования термина «транскультурный» в терминологическом словосочетании, называющем модель лингвокультурного социоэмерджента, формирующегося в условиях многоязычия и поликультурности того или иного региона (в частности, сложившегося на территории Приднестровья). Также представлена характеристика самой модели, намечены основные пути ее описания; указаны некоторые методологические условия анализа указанной модели.

Несмотря на то, что терминологические различия между терминами «межкультурный», «кросс-культурный» и «транскультурный», отражающих направленность глобализационных процессов нового тысячелетия, обусловлены в большей степени специфичностью терминосистем тех сфер научного знания, в которых устоялось использование указанных терминов, автор показывает, что с лингвоконцептуальной точки зрения сущность глобализационных процессов может быть выражена через построение теоретической модели текста транскультуры того или иного региона (имеются в виду полиязычные и мультикультурные регионы) путем когнитивно-дискурсивного моделирования.

При описании предложенной транскультурной лингвоконцептуальной модели предлагается акцентировать внимание на интерпретации транскультурации как процесса сближения и слияния культур в противовес аккультурации или декультурации, что приобретает особую важность при оценивании эффективности функционирования предложенной модели в прагматическом измерении и может указать на «болевые точки» исследуемого когнитивно-дискурсивного пространства.

В качестве иллюстрации данного тезиса рассмотрен частный вопрос, относящийся к прагматической оценке реализации модели — оценке эффективности усвоения второго и последующих языков представителями полиязычных регионов. Отмечено, что возникшие в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания функционально-прагматический и когнитивно-коммуникативный подходы в отличие от этноориентированного, акцентируя внимание на функционировании языка, выступают в качестве инструментария транскультурной коммуникации в транскультурном мире и позволяют билингу быть активным участником процесса межкультурной коммуникации и социализации.

Ключевые слова: транскультурный, лингвоконцептуальный, глобализация, билингвизм, межкультурная коммуникация, функционально-прагматический подход, когнитивно-коммуникативный подход, этноориентированный подход

1. Введение

Глобализация как характерологическая черта цивилизационного развития в XXI в. проявляется в процессах интернационализации и своеобразной всемирной культурной конвергенции, что, в свою очередь, находит отражение в изменении общей картины лингвистического многообразия мира. Вся совокупность этих изменений имеет целый комплекс экстралингвистических и собственно языковых причин и, безусловно, коренится в индивидуальном языковом сознании, которое в условиях глобализации третьего тысячелетия может быть охарактеризовано как языковое сознание билингва (полилингва).

Индивидуальное языковое сознание билингва становится полем взаимодействия — взаимопроникновения и взаимотрансформации — национально-специфических особенностей разных этносов и представляет собой специфический способ отражения действительности; соответственно, национальное языковое сознание (для той этнической общности, с которой индивид идентифицирует себя прежде всего) выступает в роли механизма адаптации к новым условиям глобализующегося мира.

2. Обсуждение

Культурное разнообразие мира, в котором разнится практически все — от самых важных понятий культуры, так называемых жизненных ценностей, выступающих основой каждой конкретной культуры, вариантов понимания морали и нравственности, содержание которых обуславливает специфичность норм поведения в той или иной культурной общности, и их материализованных производных — артефактов культуры, — в свою очередь, невозможно без выделения в качестве базовых явлений общего порядка во всех без исключения человеческих культурах типовых аспектов жизни, называемых культурными универсалиями. Однако и здесь необходимо помнить о разнообразии их конкретно-понятийного и логико-эмпирического содержания. Именно в этой особенности заключается чуть различимое несоответствие терминов «межкультурный» и «кросс-культурный», которое и позволило первому стать термином максимально широкого употребления, а второму занять прочные позиции в таких сферах науки, как психология и педагогика, антропология и социология (*cross-cultural studies/holocultural studies/comparative studies*) [1]. Кросс-культурный подход используется в сфере социальных исследований, в частности в культурной антропологии и психологии и в этом аспекте затрагивает такие понятия и сферы их исследования, как «мультикультурализм» (*multiculturalism* — социология, политическая философия), «космополитизм» (*cosmopolitanism* — идеология мирового (глобального) гражданства, философия, политика), «транскультурация» («транскультурность»), «культурная конвергенция» (*transculturation* — антропология, социология) и т.п.

Понятие «межкультурный» (*intercultural*), означающее ‘связанный с отношениями, неизбежно возникающими между культурами, находящимися в состоянии распределения в пространстве их совместного или контактного бытования’ максимально широкое и междисциплинарное — антропология, социология, культу-

рология, лингвистика, психология и философия рассматривают проблемы межкультурной коммуникации. Соответствующий термин прочно закрепился в таких сочетаниях, как «межкультурная коммуникация», «межкультурный диалог», «межкультурная парадигма» и широко используется в разнообразных дискурсах — научном, политическом, публицистическом.

Межкультурная коммуникация в узком смысле означает культурное взаимодействие между разными участниками коммуникации и их группами — представителями одного общества и одного языка. Межкультурность такой коммуникации проявляется в том, что разнятся не только виды и формы поведения (в том числе речевого, коммуникативного или этикетного) и структуры знания, лежащие в их основании, но и специфика функционирования в них языковых средств, что, в свою очередь, необходимо связано с историко-социальными особенностями межкультурной коммуникации.

Термин «транскультурная коммуникация» акцентирует внимание исследователя на самом процессе интеракции, когда между двумя культурными единствами существует двусторонняя и взаимобратная связь. С этой точки зрения специфика одного и тоже же фрагмента коммуникативного взаимодействия между культурами (их представителями) может быть представлена по-разному в зависимости от того, «с какой стороны» находится исследователь транскультурного взаимодействия, но всегда определяющим фактором при транскультурном взаимодействии является его субординативность, обусловленная способностью принимающей стороны к отбору.

Транскультурная модель глобализации: основания и структура

Транскультурная коммуникация возникает вне границ уже сложившихся национальных или иных культур, вне границ языка, обуславливающего возникновение и развитие коммуникации, но благодаря существованию этих границ, определяющих эти культуры как некие онто-изоляты. Транскультура как новый культурный эмерджент складывается как результат реализации формально-смысловых потенциалов контактирующих культур, материализация которых была невозможна внутри них самих [2].

Глобализацию как процесс размывания границ (не только национальных, но и социальных, профессиональных и др.) в каком-то смысле можно считать результатом (не причиной!) транскультурных процессов, которые неизбежно происходили при контактировании разных культур и их представителей в условиях, когда безуспешность коммуникации была обусловлена экзотичностью тех или иных аспектов контактирующих культур и демонстрировала необходимость приведения контактирующих систем в соответствие (например, разрушительное воздействие испанского колониализма по отношению к коренному народу Кубы [3], политика мультикультурализма или концепция «салатницы» («плавильного котла»)).

Таким образом, глобализация с лингвоконцептуальной точки зрения, предполагающей учет содержания культурных смыслов через анализ корпуса всех лексических единиц, воплощающих концепты, может быть рассмотрена как инте-

гральный по своей сути процесс, сущность которого может быть осознана путем когнитивно-дискурсивного моделирования текста транскультуры.

Для того, чтобы выстроить транскультурную модель глобализации в региональном контексте, необходимо в первую очередь описать транскоммунитивный процесс, характеризующий лингвокультурную, социоэкономическую и историко-политическую ситуацию в регионе, выделить его макроинтенцию (каковой, например, для Приднестровского региона исторически являлась русскоцентричность).

Узловые позиции в такой модели, безусловно, будут занимать базовые концепты, по совокупности которых региональный дискурс можно отнести к определенному типу.

Так, в базисной плоскости этой модели находятся концепты исторического и территориального дискурсов, лучами дискурсивной динамики от этих узлов расходятся поля концептов этнического и экономического дискурсов (исторические причины обуславливают этническую специфику, а территориальные в большей степени определяют экономические аспекты данного дискурса). На пересечении этнических и экономических концептуальных полей возникает особое концептуальное поле — морально-нравственное (религиозно-этическое).

Описанный элемент по сути своей локален, не глобален, но он является базисным элементом транскультурной модели. «Глобальность», или, иными словами, многомерность модели придает разворачивание сторон полученного треугольника в грани симплекса.

Поле этнического дискурса, ограниченное базисными концептами исторического и морально-нравственного дискурсов, является основанием концептуализации социального дискурса, соответственно, поле экономического дискурса, ограниченное базовыми концептами территориального и морально-нравственного дискурсов, — основанием концептуализации политического дискурса, само же поле, ограниченное концептами исторического и территориального дискурсов, разворачивается в концептуализацию культурного дискурса.

Вершиной, в которой сходятся эти три плоскости, будет поле хронотопически актуализованных концептов архетипического дискурса, лежащего в основании модели. Именно хронотопическая вариативность архетипического дискурса — вершины этого симплекса — обеспечивает витальность лингвоконцептуальной модели регионального коммуникативного дискурса.

Следующим этапом лингвоконцептуального описания должен стать пропозициональный анализ дискурса, позволяющий выявить специфику последовательности локальных концептов и их полей в их последовательности и взаимодействии.

Выявление способов интерпретации концептов и их полей в контексте регионального коммуникативного дискурса неизбежно приведет к необходимости формально-содержательного и функционального анализа языковых и речевых структур, вербализующих локальные концепты, в динамике формирования и развития когнитивно-дискурсивного пространства транскультурной лингвоконцептуальной модели глобализации в региональном (локальном) контексте.

Прагматическая оценка реализации данной модели в конкретном региональном контексте по типу эффективности или неэффективности ее функционирования и развития может указать на «болевы́е точки» исследуемого когнитивно-дискурсивного пространства.

Важным условием адекватности описания предложенной транскультурной лингвоконцептуальной модели является правильное понимание самого процесса транскulturации как феномена сближения и слияния культур в противовес аккультурации или декультурации, которая не может быть сведена к этноконвергенции.

Такое уточнение особенно важно при оценивании эффективности функционирования модели в прагматическом измерении.

Некоторые аспекты прагматической оценки реализации модели

В качестве иллюстрации данного тезиса рассмотрим частный вопрос, относящийся к прагматической оценке реализации модели — оценке эффективности усвоения второго и последующих языков представителями полиязычных регионов. В поле нашего внимания оказывается одна из распространенных, особенно на постсоветской территории, практика билингвального образования — этноориентированная методика преподавания языка.

Успешность применения этноориентированной методики при обучении второму языку обеспечивается комплексом методических приемов, направленных на преодоление негативных последствий явлений, неизбежно возникающих в результате языковых контактов, и использованием их положительного потенциала, как правило, в условиях субординативного билингвизма.

В условиях координативного билингвизма (например, при изучении официального (государственного) языка, которым индивид владеет свободно, но родным для него не является) особое внимание именно к несоответствиям основных элементов систем двух языков также позволяет в короткие сроки «подтянуть» грамотность письма и речи на втором языке. Однако можно ли считать такое обучение правильным при постановке задачи перехода к полному билингвизму, который предполагает, что у носителя двух языков сформирована комплексная картина мира? Мы намеренно не останавливаемся здесь на разных точках зрения по вопросу о том, переструктурируется ли картина мира билингва при усвоении второго языка или билингв просто усваивает новую языковую картину мира, — для нас важно отметить, что в результате формируется личность, способная пользоваться средствами двух — родного и второго — языков в соответствии с отражаемыми ими языковыми картинами мира.

Использование контрастивного подхода позволяет сломать языковые и культурные стереотипы, изменить языковые и культурные навыки; данный подход выступает как инструмент размывания границ устойчивой языковой картины мира.

При рассмотрении вопросов взаимосвязи языка и культуры язык традиционно выносится на первый план как феномен, обуславливающий способ мышления говорящего на нем («гипотеза Сепира—Уорфа») [4], а неязыковым факторам,

обуславливающим поведение индивида, в том числе и речевое, как правило, отводится второстепенная роль.

Способ познания мира действительно зависит от того, средствами каких языков оформляется рефлексия и осуществляется внутренний диалог, но, как нам кажется, нельзя забывать о том, что язык является только частью культуры, а сама культура как совокупность различных проявлений человеческой деятельности, в том числе накопления навыков и умений, часто диктует такие нормы и правила, осмысление которых средствами языка представляет собой лишь рационализацию уже совершенного, привычного.

Такой принцип «работает», в частности, при обучении с погружением в языковую среду, когда изучающий язык на самом деле не столько изучает его, сколько учится всем видам поведения (в том числе и речевого) в инокультурной среде. Вероятно, «всемогущество» языковой среды обусловлено тем, что нарабатываемые коммуникативные привычки — в широком понимании коммуникативного взаимодействия — пищевое поведение, режим дня, этикет, отношение к окружающим и миру в целом, принимаемые индивидом в виде бессознательного отражения, требуют рационализации и рефлексия, не находя необходимых средств для объяснения этих привычек в языковой картине мира родного языка индивида, начинает требовать специфических средств в картине мира изучаемого языка.

В таком случае любые попытки сознательного сопоставления коммуникативных привычек новой коммуникативной среды с привычками родной для индивида среды будут вызывать рефлексивно-инновационные процессы, творческий потенциал которых может быть направлен на преодоление новых привычек или переосмысливание их средствами воплощения привычной языковой картины мира [5–9].

Так, замечено, что русскоязычные граждане, приехавшие в регион из стран ближнего и дальнего зарубежья и проживающие на территории Приднестровья достаточно продолжительное время, постепенно начинают воспринимать украинский (родственный русскому) и даже молдавский (другая языковая семья) языки как более понятные, чем это было в начале ассимиляции. Существование в полиязычной среде, нарабатывание специфических поликультурных коммуникативных навыков приводит к тому, что какие-то элементы картины мира легче объяснить средствами совершенно иной языковой системы, чем переосмысливать и пытаться насильно встроить в устоявшееся понимание мира, обусловленное специфичностью системы родного языка.

Примерно тот же механизм работает на этапе перехода к координативному билингвизму русскоязычных граждан, эмигрировавших в страны дальнего зарубежья и вынужденных в большинстве деятельностных сфер использовать язык страны проживания, когда их субординативный билингвизм начинает «работать в другую сторону». Например, в речи русскоязычных израильтян с родным русским при координативном типе русско-ивритского билингвизма в условиях русскоязычного общения так или иначе используются «ивритизмы» даже в том случае, если они не обозначают предметы и явления, связанные с историей или культурой другой страны, а представляют собой языковые инструменты структурирования дискурса (например, специфическое интонирование речи,

замена русских слов-паразитов специфическими соответствиями иврита, др.). Такая «обратная» интерференция сигнализирует о том, что коммуникативные привычки, обусловленные особенностями языковой картины мира страны проживания, закрепились в поведении вне зависимости от того, на каком языке происходит общение.

Нечто соотносимое с описанными примерами можем наблюдать в языковых предпочтениях русскоговорящих, проживающих в разных регионах, например, коммуникативная привычка использования редуцированных слов в фатическом общении (*что-что? да-да, нет-нет, конечно-конечно, пока-пока, ага-ага* и т.п.) характеризует речь городского русскоязычного населения Приднестровья, скорее всего, в силу произносительных особенностей, характеризующихся высокой степенью редукции коротких одно- и двусложных слов, а также конечных звуков фразы (синтагмы), которые запускают компенсационный механизм, направленный на сохранение членораздельности и благозвучия.

Вернемся к рассмотрению этноориентированности [10—14] и после анализа его субъектных (сущностных) особенностей рассмотрим этот феномен с точки зрения характеристики объекта его воздействия. Этноориентированность в методике преподавания предполагает создание обобщенного этнокультурного портрета обучаемого, но зачастую такой портрет выстраивается на основании учебной лингвострановедческой и языковой компетентности преподавателя, которая не может быть полной даже для коренного жителя страны преподаваемого языка. При формировании обобщенного портрета обучаемого в структуру образа могут попасть либо стереотипные представления о нравах, обычаях этноса и контрастные особенности его языковой системы, либо неверно выделяемые согласно личностным предпочтениям или когнитивным особенностям преподавателя характерологические черты этноса и специфика языковой системы обусловленная языковой картиной мира самого педагога. Беря за основу такой коммуникативный образ, преподаватель оказывается заложником своих представлений о предполагаемом коммуниканте, что не способствует положительной динамике изменения образа коммуниканта в процессе учебного коммуницирования. Образ коммуниканта будет отправной точкой при отборе, организации и структурировании языкового материала для иноязычной аудитории, а также способов его представления, деформированность которых (из-за неточно составленного портрета) не сможет удовлетворить познавательные интересы формирующегося билингва.

Обучаемый будет просто не в состоянии стать активным участником процесса обучения в силу несоответствия его представлений о себе составленному педагогом коммуникативному портрету. Напротив, отталкиваясь при обучении не от портрета коммуниканта — объекта обучающей деятельности преподавателя, а на субъект — саму речевую деятельность, можно добиться от обучаемых соотнесения своих высказываний со способом речевого представления и соответствия последнего их речевым интенциям.

Этноориентированность в подходе к обучению не должна рассматриваться как единственное и определяющее учебный дискурс следствие поликультурности; новые условия лингвоглобализации заставляют иначе относиться к этноориентированности. Очень часто в рамках одного, на первый взгляд, этноса сосуществу-

ют несколько разных языковых сознаний (это напрямую касается Приднестровья, так, языковая картина мира каждого из обучаемых, к примеру группы молдавскоговорящих представителей Приднестровья и Молдовы, вряд ли позволит использовать этноориентированную методику преподавания русского языка в такой аудитории).

Функционально-прагматический и когнитивно-коммуникативный подходы, в отличие от этноориентированного, позволяют обучаемому (в том числе билингу) выступать активным участником процесса обучения и социализации, обеспечивают возможность преподавателю и ученику, находящимся в рамках одного контекста, быть равнозначными участниками коммуникации.

3. Заключение

Таким образом, названные подходы, возникшие в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания, благодаря акцентуации внимания на функционировании языка в приложении к проблемам изучения языков в современном полилингвальном мире могут рассматриваться в качестве своеобразного инструментария транскультурной коммуникации в транскультурном мире как единстве всех культур и некультур, тех возможностей, которые не реализованы в существующих культурах в условиях межкультурной коммуникации [5].

Термин «билингвизм» («полилингвизм») давно преодолел границы понятийной сферы науки и прочно вошел в политико-правовую, социально-историческую и информационно-коммуникационную терминосистемы как обозначение важного феномена для указанных сфер. Глобализация как особый процесс в современном мире проявляет себя и в межкультурной, и в транскультурной коммуникации, что позволяет рассматривать ее лингвоконцептуальную модель как симплекс, представленный развертыванием трех значимых дискурсных полей как оснований концептуализации (поле этнического дискурса как основание концептуализации социального дискурса; поле экономического дискурса как основание политического дискурса; поле территориально-исторического дискурса развертывается в концептуализацию культурного дискурса), ограниченных соответствующими базисными концептами (исторического и морально-нравственного дискурсов; территориального и морально-нравственного дискурсов; концептами исторического и территориального дискурсов), с вершиной, представленной полем хронологически актуализованных концептов архетипического дискурса, лежащего в основании модели.

Список литературы

1. *Triandis H.C., Brislin R.W.* Cross-cultural psychology. *American Psychologist*. Vol. 39(9). Sep 1984. 1006—1016.
2. *Mouseev B.И.* Образы онто-социологии: онто-изоляты и социо-эмердженты // *Credo New*. 2015. № 3(83). URL: <http://credo-new.ru/archives/567>
3. *Ortiz F.* *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*, Durham, NC: Duke University Press, ISBN 0-8223-1616-1. Trans. Harriet de Onís. (Original Spanish edition published in 1940. Original translation by Onís published in 1947, New York: Knopf, 2015.

4. *Сепир Э.* Язык, раса, культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
5. Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя. 2003.
6. *Прошина З.Г.* Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Вып. 50. № 2. 2016. С. 6–9.
7. *Романенко В.А.* Параметрические данные локальной межэтнической парадигмы // Язык есть неистощимая сокровищница духовного бытия человеческого: Материалы Республиканской научно-методической конференции (с международным участием), посвященной 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева, Тирасполь, 25 апреля 2018 г. Тирасполь: Изд-во Придн. ун-та, 2018. С. 64–69.
8. *Фахрудинова Э.Р.* Кросскультурный диалог в глобальном мире: философско-компаративистский анализ // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. 2011. С. 16–19.
9. *Шамне Н.Л.* Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Вып. 3. 2003. С. 73–80.
10. *Баясникова О.В., Степанова А.А., Черкасова Г.А. Уфимцева Н.В.* Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1161–1170.
11. *Бахтикиреева У.М.* Проект «Современные тенденции билингвального образования в России и мире»: вместо послесловия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 366–374.
12. *Бахтикиреева У.М.* О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 76–81.
13. *Васильева Р.И.* Языковая ситуация в республике Саха (Якутия) (на материале Приленья) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 88–91.
14. *Закирьянов К.З., Зайнуллин М.В.* Башкирско-русское двуязычие как феномен взаимообогащения культур // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 66–171.

© Луговская Е.Г., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22.12.2018

Дата принятия к печати: 09.03.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Луговская Е.Г. Транскультурная лингвоконцептуальная модель глобализации в региональном контексте // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 214–225. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-214-225

Сведения об авторе:

Луговская Елена Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации филологического факультета Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. E-mail: lugowska@spsu.ru

Transcultural Linguo-Conceptual Model of Globalization in a Regional Context

E.G. Lugovskaya

Pridnestrovian State University named after Taras Shevchenko
128, 25 October St., Tiraspol, 3300, Republic of Moldova

The article proposes the approval of the term ‘transcultural’ purposiveness in the terminological definition ‘transcultural linguoconceptual globalization outline (construct)’. This terminological definition refers to the linguocultural socio-emergent formed in the conditions of multilingualism and multiculturalism (in particular Pridnestrovian region). The characteristic of this outline (construct) is presented, the main ways of its description are outlined; some methodological conditions for its analysis are indicated.

The terminological difference between the terms ‘intercultural’, ‘cross-cultural’ and ‘transcultural’ reflects the direction of the millennium globalization processes. This difference is determined by the terminological specificity of those scientific knowledge spheres in which these terms are using as a general thing. Despite this, the author shows that the essence of globalization processes can be expressed through the construction of the regional (we mean the multilingual and multicultural regions) transcultural theoretical outline from the linguoconceptual point of view. This is possible if cognitive-discursive patterning operates.

When describing the aimed transcultural linguoconceptual outline (construct), the author proposes to point up the interpretation of transculturation as a process of cultural convergence and confluence and an opposite one to ‘acculturation’ or ‘enculturation’. It has an assume prominence in assessing the suggested outline’s effectiveness in a pragmatic measurement and can point the cognitive-discursive sphere’s problem issues.

A particular question relating to the issue of a pragmatic estimate of this outline implementation — the appraisal of the second and subsequent languages acquisition by aboriginal persons of multilingual regions — is considered to exemplify this thesis. The author notes that the functional-pragmatic and cognitive-communicative approaches came out of the linguistics anthropocentric paradigm. These approaches are in contrast to ethnic-oriented one. They accentuate the functioning of the language and configures itself as an instrument for transcultural communication in the transcultural world. These approaches allow bilingual to be an active participant in the intercultural communication and socialization.

Key words: transcultural, linguoconceptual, globalization, bilingualism, intercultural communication, functional-pragmatic approach, cognitive-communicative approach, ethnic-oriented approach

References

1. Triandis, H.C., and R.W. Brislin. 1984. “Cross-Cultural Psychology”. *American Psychologist*. 39(9): 1006–1016.
2. Moiseev, V.I. 2015. “Obrazy onto-sotsiologii: onto-izolyaty i sotsio-ehmerdzhenty” [The Images of Onto-Sociology: Onto-Isolates and Socio-Emergents]. *Credo New* 3(83). Web. URL: <http://credo-new.ru/archives/567>

3. Ortiz, F. 1995. *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*, Durham, NC: Duke University Press, ISBN 0-8223-1616-1. Trans. Harriet de Onís. (Original Spanish edition published in 1940. Original translation by Onís published in 1947, New York: Knopf.)
4. Sepir, E. 1993. “Yazyk, rasa, kul'tura” [Language, Race, Culture]. In *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii*. Moscow. Print. (In Russ.)
5. *Proektivnyi filosofskii slovar': novye terminy i ponyatiya* [Proect Philosophy Dictionary]. 2003. Ed. by Tul'chinskiy, G.L., Ehpshstein M.N. SPb.: Aleteiya. Print. (In Russ.)
6. Proshina, Z.G. 2016. “Problemy i perspektivy translingval'nykh i transkul'turnykh kontaktov (vvedenie k tematicheskomu vypusku zhurnala)” [Problems and Prospects of Translating and Transcultural Contacts (Introduction to the Thematic Issue)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 50 (2): 6—9. Print. (In Russ.)
7. Romanenko, V.A. 2018. “Parametricheskie dannye lokal'noi mezhehtnicheskoi paradigm” [Parametric Data of the Local Interethnic Paradigm]. In “Yazyk est' neistoshchimaya sokrovishchnitsa dukhovnogo bytiya chelovecheskogo”: *Materialy Respublikanskoj nauchno-metodicheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastieM), posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya F.I. Buslaeva*. Tiraspol', April, 25. Tiraspol': Izd-vo PridN. un-ta. Print. (In Russ.)
8. Fakhrudinova, E.R. 2011. “Krosskul'turnyi dialog v global'nom mire: filosofsko-komparativistskii analiz” [Cross-cultural Dialog in a Global World]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Ser.: *Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 3: 16—19. Print. (In Russ.)
9. Shamne, N.L. 2003. “Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i transkul'turnaya kommunikatsiya: k opredeleniyu ponyatii” [Intercultural Communication and Transcultural Communication: Definition of Terms]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2: *Yazykoznanie*. 3: 73—80. Print. (In Russ.)
10. Balyasnikova, O.V., A.A. Stepanova, Cherkasova G.A., and N.V. Ufimtseva. 2017. “Ehtnolingvisticheskiy aspekt regional'nogo yazykovogo soznaniya” [Ethnolinguistic Aspect of Regional Language Consciousness]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. Seriya: *Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 8 (4): 1161—1170. Print. (In Russ.)
11. Bakhtikireeva, U.M. 2015. “Proekt «Sovremennye tendentsii bilingval'nogo obrazovaniya v Rossii i mire»: vmesto poslesloviya” [The Project “Modern Trends in Bilingual Education in Russia and in the World”: Instead of the Epilogue]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. *Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 5: 366—374. Print. (In Russ.)
12. Bakhtikireeva, U.M. 2016. “O translingvizme i transkul'turatsii cherez prizmu odnoi yazykovoi biografii” [About Translingualism and Transculturation through the Prism of a Language Biography]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2 (50): 76—81. Print. (In Russ.)
13. Vasil'eva, R.I. 2012. “Yazykovaya situatsiya v respublike Sakha (Yakutiya) (na materiale Prilen'ya)” [Language Situation in the Republic of Sakha]. *Vestnik VGU*. Seriya: *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1: 88—91. Print. (In Russ.)
14. Zakir'yanov, K.Z., and M.V. Zainullin. 2015. “Bashkirsko-russkoe dvuyazychie kak fenomen vzaimobogashcheniya kul'tur” [Bashkir-Russian Bilingualism as a Phenomenon of Mutual Enrichment of Cultures]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 20 (1): 66—171. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 22.12.2018

Accepted: 09.03.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Lugovskaya, E.G. 2019. “Transcultural Linguo-Conceptual Model of Globalization in a Regional Context”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 214–225. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-214-225

Bio Note:

Elena G. Lugovskaya is a Candidate in Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Cross-Cultural Communication at the Faculty of Philology, Pridnestrovian State University named after Taras Shevchenko. E-mail: lugowska@spsu.ru

Письмо приглашенного редактора/ Guest Editor's Letter

Дорогие авторы и читатели!

Рубрика «Художественное измерение» посвящена осмыслению феномена культурного пограничья в его художественно-эстетическом преломлении. М.Ю. Лотман называет границу «горячей точкой» семи образовательных процессов, местом непрерывающегося диалога: «Граница — механизм перевода текстов чужой семиотики на язык “нашей”, место трансформации “внешнего” во “внутреннее”, это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными»¹. Культурному пограничью соответствуют особый тип художественного создания и своя поэтика, отражающая напряженный поиск себя и своей идентичности. Взаимодействие различных традиций и элементов разных художественно-эстетических систем определяет специфику образа мира, создаваемого в «пограничной» литературе, принципы организации субъектной сферы произведений, их жанрово-композиционные и стилистические особенности, требующие научно обоснованной и адекватной эстетической оценки. Представляется необходимым разработать методическую систему изучения произведений, создаваемых на стыке культур и воплощающих новые формы «гибридной» идентичности. Нуждаются в осмыслении статус транскультурного творчества по отношению к литературе метрополии и мейнстрима, место и роль в современном мировом литературном процессе.

Граница отделяет одно от другого и в то же время соединяет их, поскольку принадлежит обоим компонентам. Эта амбивалентная природа границы, которая обнаруживает себя в двух противоположных и взаимосвязанных актах — идентификации и дифференциации, — определяет ее смыслопорождающие функции и в межлитературных диалогах. Умение понять и принять «чужое», проникнуться им, включить его в пределы «своего» или оставить «чужим», тем, что не нужно и невозможно применять в своей практике, — необходимая предпосылка эстетического самосознания и самоопределения в новых культурно-цивилизационных условиях XXI в.

Опыт освоения «чужого» позволяет по-новому, выйдя за рамки собственных представлений, взглянуть на «свое». Широко известно высказывание М.М. Бахтина: «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 183.

перед чужой культурой новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются»¹.

Два противоположно направленных процесса смыслообразования, которые действуют в энергетическом поле межлитературных диалогов, определяют функции и формы границы между «своим» и «чужим». Благодаря переходу границы происходит объединение текстов, принадлежащих разным национальным литературам, в некую межлитературную общность, обладающую концептуально-семантической протяженностью и коммуникативно-смысловой целостностью. Разделительная функция границы активизирует эстетически имманентные факторы самоидентификации вступающих в диалог текстов: происходит раскрытие, углубление, развитие, изменение их смысла.

Различие, уникальность национальных литературно-художественных систем — условие их взаимодополнительности, а также расширения и обогащения сферы художественных представлений читателя. Анализируя данную герменевтическую ситуацию, Я.Г. Сафиуллин приходит к выводу: «Границы между приведенными антиномиями размываются, возрастает их метафоричность. Они воспринимаются как противоположные варианты описания явления более сложного, чем оно в каждой из них в отдельности представлено...»². Так из противостояния рождаются преодолевающие его новые смыслы, толерантные по своему содержанию и функциям. Именно они определяют функциональные и структурно-содержательные особенности действующей в литературе категории универсального.

Методология сопоставления при таком подходе становится средством выработки нового концептуального пространства диалогического взаимообогащения и взаимоосвещения художественно-эстетических традиций, способом создания плюралистической модели развития национальных литератур, утверждает ценностно-смысловую неисчерпаемость возникающих между ними диалогических отношений, многообразные аспекты которых, как мы надеемся, и будут освещаться в статьях, представленных в рубрике «Художественное измерение».

Венера Рудалевна Аминова

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 334–335.

² Сафиуллин Я.Г. Принцип дополтельности // Теория литературы: словарь для студентов. Казань: Казан. ун-т, 2010. С. 80.

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-228-238

Дискурс идентичности в теоретических трудах татарских литературоведов начала XX века

М.И. Ибрагимов, Э.М. Галимзянова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан
Российская Федерация, 420111, Казань, ул. Карла Маркса, 12

Предметом исследования является дискурс идентичности в литературоведческих трудах татарских литературных деятелей начала XX в. (Г. Ибрагимов, Г. Сагди, Г. Баттала, Н. Дума-ви, Г. Рахима). В исследуемых трудах установлено сосуществование восточных и европейских литературных терминов и понятий, свидетельствующее о рецепции трудов русских и европейских ученых и трансформации традиционных, обусловленных влиянием восточной поэтики взглядов на литературу.

Исследование выполнено в контексте актуальной для современного литературоведения проблемы идентичности. Литературоведческие труды татарских писателей и ученых впервые рассматриваются как одна из дискурсивных практик, в которой проявляется национальная идентичность татарской литературы. Выявлено, что дискурс идентичности в анализируемых трудах проблематизируется в двух аспектах: цивилизационном (проблема востока и запада) и национальном (проблема наука о литературе как один из факторов нациостроительства).

Ключевые слова: идентичность, татарская литература, дискурс идентичности, литературная терминология, теория литературы

1. Введение

Тема идентичности — одна из наиболее актуальных в современном литературоведении. В новейших исследованиях понятие «идентичность» употребляется в разных словосочетаниях: «авторская идентичность» [1], «жанровая идентичность» [2], «нарративная идентичность» [3], «идентичность героя» [4], «национальная идентичность». Последнее встречается наиболее часто, что свидетельствует о значимости проблемы национального в литературе и в то же время о вытеснении привычных для отечественной науки прошлого столетия терминов «национальное своеобразие», «национальная специфика», «национальное самознание».

Несмотря на значительное количество работ, в которых используется термин «национальная идентичность», он продолжает оставаться дискуссионным и во многом теоретически не проясненным. С одной стороны, учеными ставится вопрос о соотношении понятий «национальная идентичность» и «национальное своеобразие» [5; 6], с другой — о методах изучения национальной идентичности [7].

Теоретический дискурс национальной идентичности развивается во взаимодействии с историко-литературным: в трудах, в которых предметом изучения являются процессы, происходящие (и происходившие в историческом прошлом) в национальных литературах. Многочисленные исследования по идентичности национальных литератур дают возможность увидеть дискурс идентичности в его различных внутрилитературных (в более широком смысле — внутрикультурных) проявлениях.

К их числу относятся и труды в области литературной теории. Литературно-теоретический дискурс как предмет изучения в аспекте национальной идентичности литератур не столь широко представлен в исследованиях по национальным литературам по сравнению с художественным. Применительно к татарской литературе он рассматривается в монографии Д.Ф. Загидуллиной «Литературные законы и время» («Әдәбият кануннары һәм заман»), в которой становление и развитие литературно-теоретической мысли в татарской литературе начала XX в. исследуется в контексте татарской культуры начала прошлого столетия, когда вопрос об идентичности (цивилизационной, национальной) становится одним из основных [8].

Дискурс идентичности в сочинениях татарских литературоведов начала XX в. представлен в различных жанрах: в литературно-критических статьях, рецензиях, учебниках и учебных пособиях. Материалом для исследования в данной статье стали разножанровые труды Г. Сагди, Г. Баттала, Г. Ибрагимова, Г. Рахима. Указанные труды рассматриваются в настоящей статье как часть формирующегося в начале XX в. научного дискурса идентичности, представленного в разнообразных дискурсивных практиках: трудах по истории, фольклору, педагогике, религии. Развитие научного дискурса происходило в ситуации диалога татарской интеллектуальной культуры с восточной, европейской, русской. Одним из маркеров этого процесса является научная терминология. Сопоставление литературоведческой терминологии в трудах татарских ученых с терминами восточной и европейской науки о литературе позволяет охарактеризовать идентификационные процессы в науке о литературе у татар.

2. Результаты и обсуждение

В татарской культуре начала XX в. дискурс идентичности представлен в различных дискурсивных практиках: публицистике, научных трудах по истории, фольклору, литературе, учебных пособиях для школ и медресе, художественной литературе. В этот ряд можно включить и работы татарских ученых и писателей по литературной теории и истории татарской литературы.

В полемике об идентичности, развернувшейся в начале XX в. на страницах татарской периодической печати, дискутировались два вопроса: по какому цивилизационному пути (восточному или западному) должна развиваться татарская культура и кто такие татары (самостоятельная нация, обладающая собственной идентичностью, или же часть тюркского мира, принадлежность к которому является основным идентификационным маркером). Эти вопросы в той или иной степени находят отражение и в литературоведческих трудах татарских ученых и писателей, в том числе и в связи с проблемой литературной терминологии.

Известный татарский литературный и общественный деятель Г. Ибрагимов в опубликованной в 1913 г. в журнале «Аң» статье «Фәнни истыйляхлар» («Научные термины») рассматривает создание научной терминологии на татарском языке как неотъемлемую часть процесса нациостроительства: «Для того, чтобы какая-то общность людей стала нацией, недостаточно только наличия литературы на родном языке, у нее должна быть и наука на своем языке» [9. С. 79]¹. Статья эта была написана в связи с выходом в свет книги Г. Баттала «Нэзариятыэдэбия» («Теория литературы», 1913). В ней Г. Ибрагимов пишет о трех существующих в татарском научном сообществе позициях по этому вопросу.

В первую группу входят ученые, которые выступают за создание научной терминологии на татарском языке. В качестве примера Г. Ибрагимов приводит лингвиста Гимада Нугайбека, который в своих известных, появившихся в начале XX в. трудах по татарскому языкознанию вместо традиционных арабоязычных терминов использует их татароязычные эквиваленты, например, свою книгу по татарской морфологии Г. Нугайбек называет «Төрлек» (вместо арабского названия — «Сарыф»).

Вторую (наиболее значительную) группу составляют ученые, использующие арабоязычную терминологию. «Возьмите любую науку, — пишет Г. Ибрагимов, — начиная от “Таджвида” (правил чтения Корана. — *Авт.*), “Гыйльмехаль” (учение о деяниях и нормах морали, которые обязан знать и применять на практике каждый мусульманин. — *Авт.*) и заканчивая орфографией, морфологией, синтаксисом, литературоведением, историей, географией, арифметикой, геометрией, химией, — везде вы увидите арабские слова. Татарские слова затесались в них лишь как робкие дополнения» [10. С. 440].

Ученые третьей группы, по словам Г. Ибрагимова, ориентируются на русскоязычную терминологию.

Такое положение в области научной терминологии объясняется системой образования у татар. Большинство деятелей татарской науки начала XX в. были выпускниками медресе, обучение в которых велось на основе арабских и персидских книг. В то же время часть татарской молодежи, получившая образование в русскоязычных учебных заведениях (например, в Казанской татарской учительской школе или Казанском императорском университете), освоив русскоязычную научную литературу, в дальнейшем широко использовала в своих трудах русскоязычные термины.

Позиция самого Г. Ибрагимова состоит в признании приоритета научной терминологии на родном языке. Вместе с тем ученый считает, что развитие научной терминологии на татарском языке — это естественный и продолжительный процесс, соответствующий развитию самой науки у татар. Попытки форсировать его (как в случае с трудами Г. Нугайбека) представляются Г. Ибрагимову безосновательными.

Появившиеся в начале XX в. труды по литературной теории свидетельствуют о поисках татарскими учеными научной идентичности. В одних трудах научные взгляды и терминология авторов отражают влияние трудов турецких ученых (например, Г. Сагди «Мохтэсар кавагыде эдэбия» («Краткие правила литературы»)),

¹ Здесь и далее в тексте перевод на русский язык выполнен авторами статьи.

в котором заметно влияние известных деятелей турецкой литературы Махмута Акрама, Тауфика Фикрета, Зыи Паши и др. [8. С. 136]), в других — русских (например, рецензируемое Г. Ибрагимовым сочинение Г. Баттала, о котором в первой части рецензии — «“Теория литературы” господина Баттала» («Батталэфэнденен “Нэзариятыэдэбиясе») — ее автор пишет: «Итак, я не вижу вреда и не возражаю против того, что в сочинении Баттала заметен след русских ученых и его книга похожа на книгу Ливанова или кого-то другого» [11. С. 418]).

Таким образом, в начале XX в. в литературоведческой терминологии у татар традиционные арабоязычные термины сосуществуют с русскоязычными. Такое сосуществование наиболее заметно в отдельных трудах, авторы которых предлагают читателям русскоязычные эквиваленты арабоязычных терминов восточной поэтики. Например, известный татарский ученый (историк, литературовед, фольклорист) Г. Рахим в своем сочинении «Взгляд на нашу народную словесность» (1914) дает русскоязычные соответствия восточным терминам: *тәүсийф* — *эпитет*, *мөбалига* — *гипербола* [12. С. 87].

В этом отношении значительный интерес представляет впервые опубликованный в Казани в 1916 г. труд Г. Ибрагимова «Уроки литературы» («Эдэбият дәрсләре»). Во введении к своему сочинению Г. Ибрагимов называет ученых, оказавших на него влияние: Н.М. Ливанов и Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Вместе с тем, говоря об их влиянии, татарский ученый подчеркивает: «Из различия в жизни происходит различие в литературах. Отличие между литературными и научными авторитетами разных народов требует различия методов в замышляемых произведениях: эта причина особенно заметна в теории словесности. Вот почему на “уроках литературы” не представляется возможным использовать полностью каждый из методов, разработанных русскими учеными» [13. С. 6].

Определяя свою позицию по поводу научной терминологии, Г. Ибрагимов пишет: «В “Уроках литературы” я, насколько это возможно, стремился к легкости языка, к тому, чтобы образовывать термины на нашем языке. Но у меня не было мысли не допускать никаких иностранных слов. Хотя это и привлекательная мысль, но в силу ее практической нереализуемости, я по необходимости использовал легкие и понятные арабские термины, а также отдельные западные слова, получившие распространение в мировой литературе» [13. С. 7].

Такая позиция Г. Ибрагимова отчетливо проявляется в разделе, посвященном поэтике. Так, в разделе о тропах Г. Ибрагимов использует как традиционные термины арабской поэтики (*кина*, *мәжһаз*, *хитаб*, *мәбалига*), так и татароязычные термины: *сийфатлау* (эпитет), *охшату* (сравнение), *жанландыру* (олицетворение). Термин *ирония* дается в трех вариантах: татароязычном (*мыскыллау*), арабоязычном (*тәһәккәм*) и русскоязычном (*ирония*).

Заслуживают внимания и термины, обозначающие литературные роды и жанры. Г. Ибрагимов для двух родов использует русскоязычные названия — *лирика*, *драма*; *эпосу* автор находит арабоязычный эквивалент — *ривая*. Перечисляя эпические жанры, Г. Ибрагимов также употребляет как русскоязычные (*баллада*, *поэма*, *роман*), так и арабоязычные (*мәсәл* — басня, *хикәя* — рассказ, *озын хикәя* — повесть) термины.

В рассмотренных трудах Г. Ибрагимова проявляется его диалогический подход к терминологии. Выступая за создание татароязычной литературоведческой тер-

минологии, Г. Ибрагимов считает необходимым условием для развития науки о литературе у татар ее открытость инокультурным научным традициям. В основе этой позиции ученого — идея национальной идентичности татарской литературы, для научного осмысления которой необходимы термины, соответствующие природе самих литературных явлений. С другой стороны, очевидно понимание необходимости интеграции татарской науки в мировое гуманитарное пространство, для чего, по мнению ученого, необходима рецепция ряда понятий и терминов европейской науки и литературы и вместе с тем сохранение терминов, связывающих татарскую литературу с восточной.

Данная позиция в начале XX в. не была исключительной, ее разделяло большинство деятелей татарской литературы, ориентированных на сближение татарской культуры с русской и европейской. Это сближение не понималось ими как унификация литератур. Сопоставляя явления русской и татарской литератур, эти писатели и ученые каждый раз обращали внимание на их несхожесть, национальную специфику. Так Г. Рахим, характеризуя в «Истории татарской литературы» жанр «баит», пишет: «Здесь необходимо сказать несколько слов о той части народной словесности, которую у нас именуют баитами. Наши баиты стоят между народной и письменной литературами. Баитом называют построенную в форме народной песни эпическую песню, в которой говорится о двух следующих одно за другим вымышленных событиях. И если мы отличаем баит от песни, то русские, например, все равно называли бы его песней» [12. С. 275]. В этом фрагменте основным критерием жанра выступает рецептивный: каким образом жанр существует в традиционном народном сознании.

Понимание литературных терминов, складывающихся в национальной литературе на протяжении многих веков как релевантных природе национальной литературы, открывало перспективы для идеи множественности литератур. Эти перспективы во многом оказались нереализованными в силу возобладавшей в отечественном литературоведении идеи унификации литератур. Одним из ее проявлений стало выравнивание национальных литератур по образцу русской. В области литературной терминологии это проявилось в отождествлении терминов, имеющих отношение к сущностно отличным литературным феноменам. К подобного рода отождествлениям, в частности, относится встречающееся в большинстве научных работ по татарскому фольклору употребление термина *песня* применительно к феномену татарского народного творчества, существующего в народном сознании как *жыр*. В татарской фольклористике есть точка зрения, согласно которой слово *жыр* в дореволюционных трудах по фольклору обозначало исключительно ‘песенный текст’ (Ю. Исанбет). По мнению Ю. Исанбет, слово *жыр* априори имеет литературоведческий смысл и означает ‘стихотворный текст’ [14. С. 65]. Например, у Каюма Насыри в «Плодах для собеседников по литературе» «жыр» означает ‘стихотворение’. «Известно, — пишет он, — что наши стихотворения состоят из двух строк, и в большинстве из них смысл раскрывается в последней строке» [15. С. 53].

В татарской литературе начала XX в. сосуществуют различные литературные направления: реализм, романтизм, модернизм. Формирование модернизма в та-

тарской литературе происходит в процессе рецепции татарскими писателями европейской и русской литератур. Параллельно с художественными опытами в русле модернистской парадигмы в татарской периодической печати появляются труды, посвященные отдельным модернистским течениям. Знакомя татарского читателя с современными литературными направлениями, их авторы одновременно ставят вопрос о том, насколько эти явления органичны для национальной литературы.

В частности, в газете «Йолдыз» в 1913 г. (27 декабря) и 1914 г. (2 марта) публикуются статьи о футуризме (Футуризм // Йолдыз. 1913. 27 декабря; Сайфи-Казанлы Ф. Футуризм // Йолдыз. 1914. 2 марта).

Известный критик Ф. Сайфи-Казанлы негативно оценивает отрицание футуристами искусства прошлых веков и провозглашаемую ими новую поэтику стиха. «Ф. Сайфи-Казанлы, — пишет по поводу этих статей Д.Ф. Загидуллина, — ищет приемы, которые могли бы привнести в татарскую литературу художественность, психологическую глубину. Футуризм, призывающий отринуть старую литературу и создать новую, представляется некоторым (писателям, критикам. — *Авт.*) достойным внимания течением. Однако газета «Йолдыз», познакомившая татарского читателя в декабре 1913 года с этим течением, публикует на своих страницах резко-критическую статью Ф. Сайфи-Казанлы и, таким образом, закрывает этот вопрос отрицанием этого течения».

Спустя год в этой же газете («Йолдыз», 1915. 14 октября) публикуется статья известного в начале XX в. писателя Н. Думави «Бер мөляхэзэ» («Одно соображение»). В ней рассматривается вопрос о цивилизационной идентичности татарской литературы. Автор выделяет два направления в литературе — реализм и романтизм, однако рассматривает их не как определенные стадии в истории литературы, а как два типа творчества. По мнению автора статьи, эти два типа творчества универсальны, но вместе с тем обладают особенностями, определяемыми принадлежностью к одному из двух типов культуры — восточному или западному. Эта связь определяется Н. Думави как кровная: «Наша кровь — восточная. Все наши исторические события, страдания — все они восточные». Как отмечает Д.Ф. Загидуллина, «статья Думави предостерегает от попадания под влияние чуждых татарской литературе течений»; исследователь приводит слова татарского писателя, в которых тот говорит об угрозе утраты национальной идентичности татарской литературы: «наша литература станет не татарской литературой, а, может, только иноязычным подобием, тенью европейских талантов» [8. С. 260].

Кризис современной культуры Н. Думави связывает с ее рационализмом, который, по мнению писателя, губителен для искусства и для литературы: «... когда научное, рациональное познание красоты стало уничтожать фантазию, любовь, веру, творцы открыли пути символизма и романтизма. Когда наука снова начала поглощать их, человек, чье величие было оскорблено, устав от этого багажа разума и науки, породил футуризм» [16. С. 158].

Таким образом, модернистские течения в литературе Н. Думави рассматривает как реакцию на рационализм современной западной культуры, которой писатель противопоставляет культуру восточную, где рациональное начало присутствует в меньшей степени.

3. Заключение

Итак, в литературоведческих трудах татарских писателей, критиков существует дискурс идентичности. Авторы рассматривают вопрос о цивилизационной и национальной идентичности татарской литературы, рассуждают о литературных направлениях и течениях с точки зрения их соответствия (несоответствия) духу татарского народа, его менталитету.

Одновременно происходит обновление традиционной (восходящей к арабоязычной) терминологии: в трудах татарских ученых начале XX в. (Г. Ибрагимова, Г. Рахима, Г. Сагди, Г. Баттала) наряду с арабоязычными терминами используются их русско- и татароязычные эквиваленты. Это отражает ситуацию в самой татарской культуре и литературе: в начале прошлого столетия их развитие происходит в диалоге с русской и европейской культурами.

Современными исследователями, занимающимися изучением национальных литератур, проблема идентичности связывается с вопросом о поэтике как одном из основных ее (идентичности) маркеров. «Проследить движение художественной мысли от слова к смыслу, от текста к образу мира, — пишет К. Султанов, — значит говорить об идентичности на уровне и в поле поэтики, напоминая о самодостаточности художественного мира, который есть нечто большее и принципиально иное, чем совокупность составляющих его элементов и частей» [7. С. 6].

В советский период в исследованиях национальных литератур зачастую не принимались во внимание особенности литературных явлений, соответствующие особенностям художественного мышления того или иного народа. Эти явления чаще всего изучались в терминах, укорененных в европейской и русской поэтике. Между тем не всегда эти термины и понятия оказываются соответствующими природе обозначаемых ими явлений. В отдельных опубликованных в недавнее время трудах по татарской литературе их авторы обращают внимания на такие несоответствия. Так, В.Р. Аминовой на основании изучения малой прозы классика татарской литературы второй половины XX в. А. Еники ставится вопрос о различной внутренней мере жанров «рассказ» и «хикая», что дает основание для определения хикая как «оригинального жанра татарской прозы, имеющегося в средневековой восточной литературе (в жанре хикаят) и национальном фольклоре (озынжыр, озын көй) и ориентирующегося на систему этических жанров русской и европейских литератур (роман, повесть, рассказ, новелла и др.)» [17. С. 196]. Иначе говоря, хикая и рассказ понимаются как сущностно различные жанры и называть хикая словом «рассказ» некорректно.

Вопрос об идентичности в рамках теоретико-литературного дискурса не сводится к установлению татароязычных эквивалентов терминов восточной и западной поэтики. Принципиальной задачей является выявление формально-содержательных особенностей самих явлений, обозначаемых теми или иными терминами, неважно, являются ли они арабо-, русско- или татароязычными, например: являются ли стихотворения Г. Тукая, называемые автором «кыйтга», произведениями, формально и содержательно соответствующими одноименному жанру восточной поэзии; насколько соответствуют европейским жанрам сонета и романа написанные в начале XX в. стихотворения Г. Рахима “Romance” («Берзаманны сине күргән идем...» — «Увидел как-то раз тебя я...») и “Sonnet” («Утырып урманнан авызында...» — «Сидя на опушке леса...»)?

Итак, литературоведческий дискурс является одним из источников для изучения национальной идентичности литератур. Его изменчивость (появление новых терминов, вытеснение одних терминов другими) отражает идентификационные процессы в самих национальных литературах. Сосуществование в татарской литературоведческой терминологии терминов различного происхождения (арабских, европейских, русских, татарских) характеризует татарскую литературу как развивающуюся на пересечении литератур.

Список литературы

1. *Абашева М.П.* Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001.
2. *Тюна В.И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.
3. *Тюна В.И.* Кризис идентичности как нарратологическая проблема // Narratorium. 2017. № 1 (10). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id = 2637243>
4. *Барабанова Н.В.* Проблема идентичности образа литературного героя как проблема повествования: дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.
5. *Кормилов С.И.* Своеобразие русской литературы и проблема ее национальной идентичности // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2007. № 1—2. С. 8—21.
6. *Сафиуллин Я.Г.* Идентичность литературная // Теория литературы: словарь для студентов. Казань: Казан. ун-т, 2010.
7. *Султанов К.* От дома к миру: этнонациональная идентичность и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007.
8. *Заһидуллина Д.Ф.* Әдәбият кануннары һәм заман (Татар әдәбият нәзәриясенә барлыкка килүе һәм үсеш баскычлары). Казан: Татар. китап нәшр., 2000. 271 б.
9. *Ибраһимов Г.* Фәнни истыйляхлар // Әсәрләр: 8 томда. Т. 8. Төрки һәм татар теле бунча хөзмәтләр (1910—1930). Казан: Татарстан китап нәшр., 1987. С. 79—88.
10. *Ибраһимов Г.* Фәнни истыйляхлар (Г. Батгалның “Нәзәрияте әдәбия”се мөнәсәбәте белән) // “Аң”. 1913. № 24 нче (18 декабря). С. 439—442.
11. *Ибраһимов Г.* Батгаләфәнденә “Нәзәрияте әдәбиясе” // “Аң”. 1913. № 23 нче (2 декабря). С. 416—419.
12. *Рахим Г.* Избранные труды. Казань: Ихлас, 2018.
13. *Ибраһимов Г.* Әдәбият дәресләре. Казан, 1916.
14. *Исанбет Ю.Н.* Две основные формы татарской народной песни // Народная песня. Проблемы изучения. Л., 1983. С. 57—70.
15. *Насыйри К.* Сайланма әсәрләр: 4 томда. Т. 3. Казан: Татар. китапнәшр., 2005.
16. *Дума́ви Н.* Шәрәктан Гарәбкә мөнәсәбәте илә // Аң. 1916. № 9. С. 157—159.
17. *Аминева В.Р.* Идеино-художественное своеобразие хикая А. Еники 1940—1960-х гг. // Еникеев А.Н. Невысказанное завещание: рассказы, повесть. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017.

© Ибрагимов М.И., Галимзянова Э.М., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.02.2018

Дата принятия к печати: 09.04.2018

Модераторы: У.М. Бахтикиреева, В.Р. Аминова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Ибрагимов М.И., Галимзянова Э.М. Дискурс идентичности в теоретических трудах татарских литературоведов начала XX века // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 228—238. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-228-238

Сведения об авторах:

Ибрагимов Марсель Ильдарович — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

Галимзянова Эльмера Махматовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. E-mail: elmera.galimzyanova@mail.ru

Identity Discourse in Theoretical Works of Tatar Literary Critics at the Beginning of the XX Century

M.I. Ibraghimov, E.M. Galimzyanova

Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Sciences
Republic of Tatarstan
12, Karl Marx St., Kazan, 420111, Russian Federation

The subject of the research is the identity discourse in literary works of Tatar literary figures at the beginning of the 20th century (G. Ibraghimov, G. Sagdie, G. Battala, N. Dumavie, G. Rakhim). The coexistence of Eastern and European literary terms and concepts, which indicates the reception of works by Russian and European scientists and the transformation of traditional views on literature, caused by Eastern poetics influence, was established in the works under study.

The research was carried out in the context of the problem of identity that is relevant to contemporary literary criticism. For the first time, literary works of Tatar writers and scholars are considered as one of discursive practices in which the national identity of Tatar literature is manifested. It is revealed that the discourse of identity in the analyzed works is problematic in two aspects: civilization aspect (the problem of East and West) and national aspect (the problem of literary science as one of the factors of national construction).

Key words: identity, Tatar literature, identity discourse, literary terminology, literary theory

References

1. Abasheva, M.P. 2001. *Literatura v poiskah lica* (Russkaya proza konca XX veka: stanovlenie avtorskoj identichnosti) [Literature in Search of its Face (Russian Prose of the End of the 20th Century: the formation of Author's Identity)]. Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 2001. Print. (In Russ.)
2. Tyupa, V.I. 2001. *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa* («Arhierej» A.P. Chekhova) [Narratology as an Analytics of Narrative Discourse («The Bishop» by A.P. Chekhov)]. Tver': Gos. Un-t. Print. (In Russ.)
3. Tyupa, V.I. 2017. “Krizis identichnosti kak narratologicheskaya problema” [Identity Crisis as a Narratological Problem]. *Narratorium*. 1 (10). Web. <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637243>
4. Barabanova, N.V. 2004. “Problema identichnosti obraza literaturnogo geroya kak problema povestvovaniya” [The Problem of the Identity of the Image of a Literary Hero as a Problem of Narration]. Diss. Thesis. Samara. Print. (In Russ.)
5. Kormilov, S.I. 2007. “Svoeobrazie russkoj literatury i problema ee nacional'noj identichnosti” [The Problem of Russian Literature and Its National Identity]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 1—2: 8—21. Print. (In Russ.)
6. Safiullin, Ya.G. 2010. “Identichnost' literaturnaya” [Literary Identity] in *Teoriya literatury: slovar' dlya studentov*. Kazan': Kazan. un-t. Print. (In Russ.)
7. Sultanov, K. 2007. *Ot doma k miru: ehntonacional'naya identichnost' i mezhkul'turnyj dialog* [From Home to the World: Ethnonational Identity and Intercultural Dialogue]. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
8. Zahidullina, D.F. 2000. *Ədəbiyat kanunnary həm zaman* (Tatar ədəbiyat nəzariyaseneñ barlykka kilçe həm Ƴeshbaskychlary) [Literary Principles and the Present (the Formation and Development of the Theory of Tatar literature)]. Kazan: Tatar. kitap nəəshr. Print. (In Tatar)
9. Ibrahimov, G. 1987. *Fənni istilyahlar* [Scientific Researches in 8 Volumes]. Vol. 8. *Tərki həm tatar tele buencha həzmətlər (1910—1930)* [On Turkic and Tatar languages (1910—1930)]. Kazan: Tatarstan kitap nəshr. Print. (In Tatar)
10. Ibrahimov, G. 1913. “Fənni istyjlyahlar” [Scientific Researches]. *Añ* 24: 439—442. Print. (In Tatar).
11. Ibrahimov, G. 1913. *Battaləfəndeneñ “Nəzariyaty ədəbiyase”* [Nazareth Literature]. *Añ* 23: 416—419. Print. (In Tatar)
12. Rahim, G. 2018. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Kazan': Ihlas. Print. (In Russ.)
13. Ibrahimov, G. 1916. *Ədəbiyat dərəslərə* [Literature Lessons]. Kazan. Print. (In Tatar)
14. Isanbet, Y.U.N. 1983. “Dve osnovnye formy tatarskoj narodnoj pesni” [Two Basic Forms of Tatar Folk Song] in *Narodnaya pesnya. Problemy izucheniya*. Leningrad. Print. (In Russ.)
15. Nasyjri, K. 2005. *Sajlan maəsərlər: 4 tomda* [Selected Works in 4 Volumes]. Vol. 3. Kazan: Tatar. kitap nəshr. Print. (In Tatar)
16. Dumavi, N. 1916. “Shəryktan Garebkə mənəsəbətəilə” [Attitude towards Gareb from the East]. *Añ*: 157—159. Print. (In Tatar)
20. Amineva, V.R. 2017. *Idejno-hudozhestvennoe svoeobrazie hikaya A. Eniki 1940—1960* [The Ideological and Literary Originality of the Works of A. Enicy of 1940—1960's] in *Enikeev A.N. Nevyskazannoe zaveshchanie: rasskazy, povest'*. Kazan': Tatar. kn. izd-vo. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 02.02.2018

Accepted: 09.04.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva, V.R. Amineva

Conflict of interests: none

For citation:

Ibragimov, M.I., and E.M. Galimzyanova. 2019. “Identity Discourse in Theoretical Works of Tatar Literary Critics at the Beginning of the XX Century”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 228—238. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-228-238

Bio Note:

Marsel I. Ibragimov is a Candidate of Philological Sciences, Researcher at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

Elmera M. Galimzyanova is a Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: elmera.galimzyanova@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-239-251

Малые жанры русской и татарской литератур: сопоставительная поэтика

А.З. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская федерация, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Статья посвящена изучению малых жанров русской и татарской литератур в аспекте сопоставительной поэтики. Установлено, что сопоставительная поэтика опирается на сопоставительный метод, в основе которого лежит идея сохранения самобытности национальных литератур, участвующих в диалоге. Сфера уникального актуализирует категорию жанра, а именно проблему соотношения жанров, их возможную корреляцию в межлитературном пространстве. Фактическую основу работы составили жанры басни и масал (мэсэл) в творчестве И.А. Крылова и Г. Тукая. Выясняется история этих жанров, некоторые аспекты поэтики и взаимодействия в разноязычных культурах. Сделан вывод о том, Тукай в своем сборнике переводов «Жемчужины» (1909) стоял у основания новой жанровой формы, которая, с одной стороны, граничила с русской басней, а с другой — вобрала в себя черты масал, а также восточных притч, насихатов и других жанров, связанных с традицией рифмованной прозы.

Ключевые слова: сопоставительная поэтика, жанр, басня, масал, эстетическая интерференция, корреляция жанров, рифмованная проза

1. Введение

В современной филологической науке изучение жанров в аспекте сопоставительной поэтики представляет собой достаточно новую область исследования, которая отличается от исторической и теоретической поэтики. Как пишет В.Р. Аминова, «для нее (сопоставительной поэтики — А.Х.) особенно важны два методологических принципа: “внеаходимости” по отношению к оказывающимся в диалоге литературам, т.е. внешне объективной точки зрения, с одной стороны, и “внутриаходимости” по отношению к каждой из них — с другой, что достигается разными способами, например, с помощью эмпатических процедур психологической герменевтики (сопереживание, сочувствие, понимание)» [1. С. 6–7].

Сопоставительная поэтика основывается на идеях сопоставительного метода, направленного на сохранение уникальности (самобытности) каждой из литератур, включаемых в круг исследования. Согласно взглядам Я.Г. Сафиулина, «сопоставление более всего занято различиями в разных литературах, взаимодействиями на уровне различий. Проблемой взаимной дополнительности. Общее в таком

случае не цель, не единство в общепринятом смысле слова, в котором разные культуры должны слиться в одно, а постоянный диалог» [2. С. 176—177].

Именно сфера уникального, т.е. того, что связано с особенными, неповторяющимися свойствами каждой из литератур, участвующих в диалоге, наиболее актуализирует категорию жанра, а именно проблему соотношения жанров, их возможную корреляцию в межлитературном пространстве. Последняя возникает, например, в области читательской рецепции (здесь она передает «столкновение» жанров, их «наложение» в восприятии иноязычной литературы), в сознания переводчика, а также в сфере специальных научных исследований, в том числе связанных с поэтикой жанров.

Обращение к жанру в аспекте сопоставительной поэтики неслучайно. Будучи универсальной категорией, жанр, с одной стороны, представляет собой теоретический конструкт, «образует некоторое “поле стабилизаций” для принадлежащих к нему единичных произведений» [3. С. 35]. С другой стороны, находясь в полюсе диалога литератур, привычный жанр становится «другим», он «преобразуется», «оживая» во взаимодействии разных национальных логик и «картин мира».

Такое понимание жанра хорошо известно теоретической науке (Ю.Н. Тынянов, О.М. Фрейденберг, Г.Д. Гачев). Жанр с этой позиции — не только совокупность формальных элементов художественного творчества и восприятия, он аккумулирует в себе черты национальной идентичности народа (жанр как фактор национальной идентичности), его «образ мира», особенности культуры, мышления. По словам Г. Гачева, «при встрече очень различных национальных культур как раз и обнаруживается, что главная трудность — понять, как мыслит другой народ и, *лишь осилив жанр, структуру мысли, можно понимать ее предмет*» (выделено нами — А.Х.) [4. С. 35].

Таким образом, поэтика, возникающая в поле сопоставительных дискуссий, исследует уникальные черты жанров, подчеркивает возможность их «существования», согласия между собой в пространстве диалога. Так, многие жанры малой и средней форм в русской и татарской литературах имеют общее: стихотворения в прозе и нэсер, отрывок и китга (кыйтга), элегия и газель. Вместе с тем исследования подтверждают, что они не взаимозаменяемы в литературах. В диалоге они сохраняют уникальность, приверженность национальным традициям, наполняясь при этом «новыми» смысловыми структурами.

«Общее» в жанрах (общим здесь может выступать принадлежность к роду литературы, форма бытования — стихотворная, прозаическая, сходство перформатива, общечеловеческий пласт ценностей, наиболее поддерживаемый в жанре), является неким основанием для поиска уникальности, различий, в которых обретает силу идея самобытности жанров¹.

Выскажем предположение: если под «одним и тем же предметом», т.е. «единым» в разных литературах понимать комплекс каких-то мировоззренческих идей,

¹ Во многом такой подход в концепции сопоставительной поэтики жанров имплицитно соотносится с идеей внутренней формы слова в лингвистике, которая развивалась во трудах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни. В теории лингвистики считается, что разная внутренняя форма может обнаруживаться у слов, именующих один и тот же предмет.

заклученных в жанре (форма как освоение бытия и человека), то у него могут быть разные, реализующиеся в рассеянных вариантах в других литературах художественные формы.

Например, представление об отрывочности, фрагментарности бытия как инвариантной черте жанра китга в татарской литературе начала XX в. согласуется с отрывком как жанром русской романтической поэзии XIX в. Общечеловеческие ценности, выступающие определенной мировоззренческой основой в китга, для рецептивного сознания становятся неким «сигналом» для того, чтобы вызвать к жизни, существующие в его родной литературе и эстетическом опыте художественные формы, близкие по взгляду на мир, схожие с универсальной идеей.

Так, в свете сказанного представления об «осколочности» бытия, фрагментальности мира согласуются в русской и татарской литературах, они едины в них. Последнее позволяет коррелировать названные малые формы, а также выявить некий абстрактный «механизм», обеспечивающий их соответствие и «рядоположенность». У них разная «внутренняя форма», но их объединяет идея вечного, которая растворяется в малом, взгляд на мир как фрагмент бытия.

2. Обсуждение

Конкретизируем данные теоретические положения путем анализа поэтики малых жанров в русской и татарской литературах: басни и масал (мәсәл); определим жанровые стратегии их сопоставления.

Басня — универсальный жанр, о ней говорит история почти каждой национальной литературы.

Наибольшую ценность она имеет на Востоке, который, по мнению тюрколога В.А. Гордлевского, является родиной этого жанра. Несмотря на оригинальность и многообразие басенного творчества народов Европы, басня возникла на Востоке, в Индии: «Калила и Димна» (арабский перевод памятника «Панчатантра» как первоисточника этого жанра)¹ и некоторые другие сборники, «восходящие к Востоку, давали основной материал для европейских басен» [6. С. 481].

То, что корни европейских басен уходят на Восток, подтверждается исследованиями В.А. Гордлевского, Б. Шидфара, И.М. Фильштинского, Х.Ю. Миннегулова. В них, в частности, доказывается, что большинство сюжетов басен Эзопа, Лафонтена, Боккаччо восходят к сюжетам арабской и тюркской версий «Калила и Димна», турецкого перевода памятника «Панчатантра» «Хумаюннаме», к образам и сюжетам, найденным в персидском варианте индийского памятника «Эн-

¹ Основу сюжетов памятника «Калила и Димна» составляет содержание древнеиндийских сборников «Панчатантра» (III—IV вв.). С давних времен это произведение широко распространялось в мусульманском мире с помощью переводов, в том числе на тюркские языки. «Калила и Димна» — имена двух шакалов. В санскрите они звучали Каратак и Даманак. В отдельных татароязычных списках встречается и название «Тамина» («Тәминә»)» [5. С. 361]. По мнению В.А. Гордлевского, «арабский сборник притч «Калила и Димна» попал в Европу в XVIII в., переведенный сначала в Италии на латинский язык. Отдельные басни (притчи) слышал Боккаччо и ввел в «Декамерон» [6. С. 479].

вари Сухейли». При этом именно «Калила и Димна», а не «Панчатантра» обошла весь мир, вдохновив авторов стран Европы и Азии [5. С. 246—249].

Распространяясь от Востока к Западу, басня проявила свою уникальность в контексте различных культур и цивилизаций. Л. Гаспаров считает, что элементы басенного жанра присутствуют в фольклоре всех народов, многие национальные литературы также знакомы с этой формой [7. С. 47]. По мнению В.П. Степанова, «басни Эзопа и Федра в античном мире, Лафонтена во Франции, Лессинга в Германии, Крылова в России являлись выражением национального характера, “духа” народа, его национального гения» [8. С. 7—8].

Известно, что русская басня имеет свою длинную и богатую историю в литературе, она насчитывает более двух столетий. Расцвет басенного жанра связан с творчеством И.А. Крылова.

Русская басня и прежде всего басни Крылова имеют двучастную структуру. Одна часть басни, как отмечает А.А. Потебня, связана с частным случаем, «к которому она применяется, который не входит в состав басни в ее отвлеченном виде, словами не выражается» [9. С. 70]. Другая же часть «составляет то, что обыкновенно называется басней. Эту последнюю можно назвать *образом* в обширном смысле слова» [9. С. 70]. Именно превосходство поэзии над прозой, т.е. образности над обобщением, является отличительным свойством произведений Крылова. «Стало быть, — замечает исследователь, — говоря о басне и обобщении, мы вместе с тем трактуем об отношении поэзии к прозе» [9. С. 90].

Справедливо утверждать, что басни Крылова, имеющие, по словам В.А. Гордлевского, «отзвуки» Востока, стали неким импульсом к диалогу русской и татарской литератур, своеобразной репрезентацией которого стала корреляция басни с жанром мэсэл (масал).

Сделаем предположение: два жанра имеют «гомологическое соотношение» (Р. Панниккар), они схожи с точки зрения их назначения в обществе, дидактической направленности, а также некоторых элементов поэтики, структуры, в частности. Вместе с тем это не означает, что они тождественны и, так сказать, транспортируемы из одной области национальной литературы в сферу другой. Они выполняют аналогичную роль в двух разных литературах и их жанровых системах, но состоят не в прямой связи между собой, они гомологичны.

Объективно возникает вопрос: как же жанры коррелируют между собой, «сталкиваясь», например, в читательской рецепции или восприятии переводчика? Можно ли говорить в этих случаях об их взаимозаменяемости, а соответственно, достаточно равновесном, а иногда и полном согласии их поэтики?

Постановка данных вопросов и поиски ответов на них по-своему раскрывает материал, в котором прослеживается история этого жанра в татарской литературе.

Масал (мэсэл) — та же дидактическая форма, что и русская басня, содержание ее направленно на воспитание в человеке нравственных качеств, более совершенных свойств его характера и поступков.

Генетические корни татарской басни связаны с культурой Востока, а именно с арабскими, персидскими, турецкими переводами сборника «Калила и Димна». Переводы последнего на татарский язык возникли во второй половине XIX в. (Х. Файзрахманов, К. Насыри) [5. С. 250—259]. Как и арабская версия «Калила

и Димна», они представляли собой рифмованную прозу (садж)¹, соответствующую источнику. Доказано, что рассказы, вошедшие в сборник поучительных историй на татарском языке, состояли из сочетания прозаических и стихотворных строк.

В тюрко-татарской литературе масал как самостоятельный жанр возникает в XIII—XVI вв. Это время ее формирования. Подобно другим жанрам, имеющим дидактическую направленность (хикаятов, хикметов, насихатов), масал отличалась «подвижностью», способностью взаимодействовать с другими жанрами, быть частью больших форм, например поэм-масневи. По мнению А.М. Шарипова, истоки масал можно найти в произведениях тюркских философов XI—XII вв.

Как и русская басня, масал имеет сюжет, основывается на аллегории, на иносказании. В ее основе — взаимоотношения между людьми. При этом в качестве персонажей используются образы животных, зверей, птиц, рыб и растений, а иногда неодушевленные предметы [10. С. 279].

Как видно из сказанного, между определениями басни и масал — заметное сходство. Оба жанра имели как прозаическую, так и стихотворную форму, в конце содержали обязательное обобщение. Однако к татарской басне применялась рифмовка *масневи*, чуждая русскому стихосложению. Кроме того, в отличие от русской и западноевропейской басни, масал была менее дифференцирована в литературе, она легче сочеталась с другими, близкими ей дидактическими формами. К примеру, хикаяты, написанные прозой и вошедшие в известную поэму С. Сарай «Гулистан бит-тюрки», завершались масал, а также другими стихотворными произведениями (кытга, фард, муназары). По словам Х.Ю. Миннегулова, «иногда они примыкают друг к другу, в результате чего могут быть отнесены к тем или иным жанровым формам» [5. С. 140].

Выразившая в себе устойчивое жанровое содержание, близкое к русской и европейской басне, поэтика масал менялась в диалоге национальных литератур. Этот диалог был сложным и уникальным одновременно прежде всего потому, что возникшие в начале XX в. татарские переводы и подражания басням Эзопа, Крылова, Дмитриева способствовали формированию ее поэтики в национальной литературе, основ теории жанра. Такого опыта прежде не было. В целом, процесс накопления знаний о басне как особой художественной форме в татарской литературе был в большей степени стихийным, нежели целенаправленным и системным.

В начале XX в. Тукай выступил одним из переводчиков поэзии Крылова на родной язык. Всего он перевел 75 басен. Такая деятельность поэта — это первый опыт его восприятия русской классики в целом. Именно с произведений Крылова, его басен он открывает для себя мир русской литературы. При этом нужно отметить, что наряду с баснями Крылова он также использовал турецкие источники и татарский перевод памятника «Калила и Димна».

¹ Рифмованная проза называлась *саджем* (араб., букв. воркование голубки). Она была очень популярной на Востоке. В частности, среди известных произведений, иллюстрирующих ее, является поэма-масневи Саади «Гулистан» («Страна цветов», 1258). Произведение написано прозой с включением рифмованных кусков. Поэтика саджсохраняется в назира (ответ) С. Сарай «Гулистан бит-тюрки» («Гулистан по-тюрки», 1391).

Известно, что свои переводы Тукай опубликовал в печатной газете «Аль-гасруль-джадид» («Новый век») в 1906—1907 гг. (1906, № 2, 3, 7, 10; 1907, № 2) под названием «Мэжмугаи мөфидэ» («Полезный сборник») [11. С. 318]. Все они сделаны в прозе, а в самом конце сборника наряду с переводными баснями Тукай поместил слова Лукмана Хакима, его наставления¹.

Уже в 1909 г. они за исключением некоторых вышли отдельной книгой «Энже бертеклэре» («Жемчужины»), опубликованной в издательстве «Магариф». Всего 72 страницы. Затем переводы басен Тукая вошли в учебник «Яңа кыйраэт» («Новая книга для чтения»). В том же 1909 г. в газете «Эльислах» от 13 октября Тукай напечатал стихотворение «Төлке һәм йөземжимеше (Крыловтан)» — «Лиса и виноград (Из Крылова)». Нужно сказать, что это единственный свободный перевод известного произведения русского баснописца, выполненного Тукаем в стихотворной форме.

Как же переводили басни Крылова до Тукая?

Согласно исследованиям, первые переводы басен Крылова относятся к XIX в. Так, «в 1872 году в учебнике “Белек” (“Знание”), составленным известным востоковедом В. Радловым, в качестве учебного материала для детей были напечатаны 10 басен И.А. Крылова» [12. С. 19]. Уже в 1897 г. на татарский язык 90 басен Крылова наряду с произведениями И. Дмитриева переводит Таип Яхин. Татарский просветитель К. Насыри творчески использовал басни Крылова («Тень и человек», «Ворона и Лисица») в своих произведениях, в частности в «Книге для собеседников» (1884).

Все вышеназванные опыты переводов басен Крылова на татарский язык и их переложения выполнены в прозе². Такая форма легче отвечала природе этого жанра, соответствовала его восточным корням.

Вместе с тем есть и другая причина.

В самой татарской литературе начала XX в. исторически сложились и уже получили распространения те прозаические жанры малой и средней форм, в которых имитировалась поэтика стиха, эпическое и лирическое начала имели в них условную границу. Речь идет о жанрах нэсер, хикаятах, в том числе о «чисто» дидактических произведениях (насихатах), которые представляли собой ритмическую прозу. Мы полагаем, что именно насихаты³ наиболее близки к поэтике масал. Они в большей мере коррелируют с ней как с точки зрения формы — это малые жанры, — так и в свете афористического обобщения каких-то философских и нравственных идей. Заключая в себе те или иные представления о человеке,

¹ Полное имя — Лукманаль-Хаким (от хикма — мудрость). В Коране есть сура (31-я), названная именем исламского мудреца Лукмана. Это историческая личность, идеальный образ мусульманина. Согласно Корану, Аллах подарил Лукману мудрость.

² Заметный след в истории переводов произведений русского баснописца оставил Хаджихахмет Рамиев. В самом начале XX в., в 1901 г., являясь шакирдом (учеником) казанской русско-татарской школы, он опубликовал в виде книги свои стихотворные переводы басен Крылова [13]. Однако необходимо отметить, что их художественная сторона значительно уступает литературному источнику как с точки зрения живописности образов, так и поэтики стиха.

³ Насихаты — дидактические, назидательные художественные сочинения в тюркских и арабо-персидских литературах (чаще всего периода Средневековья). Их основная цель — дать в доступной форме наставления и советы читателям и слушателям.

наставления о правилах его жизни, благородстве поступков, они могли создавать то широкое «пространство» ценностей, из которых складывалось в дальнейшем восприятие русской басни в татарской литературе.

Названные жанры формировали устойчивый «горизонт ожидания» татарского читателя, который при столкновении с «другим» иноязычным явлением мог нарушаться и менять свой исходный смысл.

Проиллюстрируем сказанное примером.

Так, существенные изменения в форме и некоторых аспектах содержания произошли при переводе Тукаем басни Крылова «Два голубя» («Ике Күгәрчен»). Известно, что сюжет этой басни восходит к восточному образцу: история о двух голубях была представлена в персидском сборнике «Энвары Сухейли», который заимствовал Лафонтен (а у него и Крылов)¹. На русский язык, кроме Крылова, басню переводили Сумароков («Голубь и Голубка»), Дмитриев и Хвостов [14. С. 373].

Если сопоставить произведение Крылова и Тукая, то нетрудно заметить, что живописное начало в создании образов двух Голубей в татарском переводе трансформируется в пользу выражения самой морали, а также *рассказывания* событий, их иносказательной и нравственной сторон. Такие изменения вместе с тем расходятся с признаками басни как литературного жанра, а лишь подтверждают его инвариантные черты.

Конкретизируем сказанное сопоставлением следующих фрагментов басни Крылова и его вольного перевода на татарский язык.

И.А. Крылов «Два голубя»

Спустился — в сети тут попалась наша птичка!
Беды со всех сторон!
Трепещется он, рвется, бьется;
По счастью, сеть стара: кой-как ее прорвал,
Лишь ножку вывихнул, да крылышко помял!..
(Выделено нами — А.Х.).

О вы, которые объехать свет вокруг
Желанием горите
Вы эту басеньку прочтите,
И в дальний путь такой пускайтесь не вдруг.
Что б ни сулило вам воображенье ваше;
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живет ваш друг.
[14. С. 372—373]

Г. Тукай «Ике Күгәрчен»

Чүпләп туйгач, очып китим дисә, генаһ шомлыгы,
ул ау эченә сибелгән ярма икән! Мискин кош ауга
чорналып калды. һәр яктан бәлә!
Моның әжәле житмәгәнгә каршы, ау иске икән: күп
тартыла торгач, ауны өзде дә котылды. *Котылса да,
бер аягы суелды һәм канады — эштән чыга язды.*
(Выделено нами — А.Х.). <...>

И сез, бөтен дөньяны сәяхәт итәргә теләүчеләр!
Сез дәрт берлә янасыз. Шуның өчен бу тәмсилне
укуп чыксаңыз, зарар тапмассыз.
Сез кайда барсаңыз да, дусларыңыз торган жирдән
матур, күнелле урын тапмассыз.
[15. С. 444—445].

Художественное содержание в переводе Тукая становится более драматичным и назидательным в этой связи: поступок Голубя, устремившегося на поиски дальних и красивых мест, представлен как яркая и поучительная история, которая могла бы завершиться трагедией для героя.

¹ См.: [14. С. 55, 300—301, 369]. Интересно отметить, что Тукай, как и французский баснописец, обратился в своем сборнике «Жемчужины» к имени Лукмана — восточного мудреца. Он завершил свой сборник его словами, поучительными высказываниями. Эта особенность подтверждает наше предположение: в переводах басен Крылова Тукай тяготел к «своей», восточной, традиции и, вероятно, к известным жанрам дидактической литературы.

Для Крылова важно подчеркнуть яркость, живость борьбы Голубя, его смелость (он «*рвется, бьется*»), а также показать то, как меняется его облик («лишь ножку вывихнул, да крылышко помял»). Тукай же выделяет другое: это препятствие, отчаянная борьба могли стоить жизни, Голубь «едва спасся».

Мы полагаем, что такая жанровая стратегия Тукая (обращение к прозаической форме, усиление назидания в заключительной части) не ослабило то, что является общим для басни в разных литературах. Вместе с тем найденные изменения — результат эстетической интерференции, вызванной стремлением татарского поэта соотнести свой перевод с теми формами, которые богаты назидательным смыслом. Они, как правило, не стихотворные, а прозаические — насихаты, хикаяты и др.

Необходимо отметить и другое: перевод Тукая содержит элементы ритмизированной прозы¹, подобно восточным басням, притчам. К примеру, в последней части басни, имеющей форму стиха, есть анафорическая аллитерация, которая возникает за счет повтора в начале строк слова «сез» («вы»), а также рифма, образующаяся в середине и конце строк: янасыз/укып чыксаңыз/тапмассыз и т.п.

И сез, бөтен дөнъяны сяхэт итэргэ теләүчеләр! Сез дәрт берлә янасыз. Шуның өчен бу тәмсилне укып чыксаңыз, зарар тапмассыз. Сез кайда барсаңыз да, дусларыңыз торган жирдән матур, күнелле урын тапмассыз [15. С. 445].

[О, вы, мечтающие облететь весь свет! Вы горите страстью. Оттого этот пример пойдет Вам на пользу. Куда бы Вы ни попали, вы не найдете места лучше того, где живут ваши друзья. [15. С. 161]].

Сравните также:

Моны нәжәле житмәгәнгә каршы, ау иске икән: күптартыла торгач, ауны өзде дә котылды. Котылса да, бер аягы суелды һәм канады — эштән чыга язды [15. С. 444].

[Да знать, час Голубя еще не пробил: сетка оказалась старой. Трепыхаясь в ней, он порвал ее и освободился. Но, хотя и освободился, поранил до крови ногу, едва спасся [15. С. 161]].

Приведенные примеры подтверждают, что между басней Крылова «Два Голубя» и его татарским переводом нет всестороннего «согласия» с точки зрения жанра. Сложившиеся в разных литературах, они (басня и масал) коррелируют между собой в аспекте единых для них мотивов, сюжетных ситуаций, а также некоторых свойств поэтики жанра.

В татарской и русской литературах есть немало других примеров, иллюстрирующих гомологическое соответствие (соотношение) малых поэтических жанров. С этой точки зрения ценным и весьма сложным одновременно представляется корреляция жанра элегии и элегической модальности с теми жанрами татарской поэзии начала XX в., которые близки к ним, но они не аналогичны друг другу.

¹ Ритмизированной прозой написано большинство переводов, вошедших в сборник «Жемчужины», в частности, поэтика ритма ярко раскрывается в известной басне «Осел и Соловей» («Ишәкилә Сандугач»).

Так как элегия не вошла в систему стихотворных жанров татарской литературы начала XX в., основанием для такого сопоставления выступает не сам жанр как теоретический конструкт, а архитектоника мира лирического произведения, с ее повышенным вниманием к состоянию кризисного сознания героя, его глубоких переживаний, к области субъективного, индивидуально-личностного. Так, нами установлено, что первое стихотворение из цикла Н. Некрасова «Последние элегии» (1855) сопоставимо на уровне элегического тона (или элегического модуса художественности) с известной газелью¹ Тукая «Разбитая надежда» (1910). В его произведении, так же как в элегии Некрасова «Душа мрачна, мечты мои унылы», большое место заняли размышления о быстротечности жизни, об утраченных возможностях и угасших мечтах, о смерти как трагически неизбежном исходе человеческого пути.

3. Заключение

Исходя из сказанного, можно утверждать, что Тукай в своем сборнике «Жемчужины» стоял у основания «новой» формы, которая, с одной стороны, граничила с элементами русской басни, а с другой — вобрала в себя черты масал, а также притч, насихатов и других жанров, связанных с традицией рифмованной прозы.

Гомологическое соответствие жанров, подтвержденное на данном примере, актуализирует проблему эстетической интерференции как явления восприятия инонациональной литературы. Справедливо считать, что интерференция в переводах Тукая была сознательной и репрезентировалась как в стремлении соотнести басни Крылова с явлениями татарской жизни и национального характера, так и в тех трансформациях, которые происходили на уровнереального содержания произведений и поэтики жанра. Так, завершив сборник «Жемчужины» поучительными высказываниями мудреца Лукмана, Тукай приблизил свой перевод к «восточным корням» басни, в которых пафос назидания был наиболее акцентным и значимым. Такая жанровая стратегия в диалоге литератур неслучайна: в целом она соответствовала рационализму мышления Тукая, определившего его глубокий интерес к басне как «форме мысли» [9. С. 87].

Таким образом, принципы сопоставительной поэтики — «вненаходимость» по отношению к участвующим в диалоге литературам и «внутринаходимость» в каждой из них — позволяют создать основу («почву») для взаимного обогащения гомологических жанров, а также выявить путем сопоставления их поэтики «механизмы» соотнесенности, внутреннего «согласия» в бесконечном пространстве взаимодействий разных культур.

¹ В арабоязычных литературах термином «газель» обозначается «особый вид стиха, состоящий из определенного количества байтов (обычно 7), написанных одним размером, причем все вторые полустишия каждого байта рифмуются с первым полустишием первого бейта (матла'). Темой газели обычно бывает описание красоты возлюбленной, рассказ о ее неверности и жестокосердии» [16. С. 168].

Список литературы

1. *Аmineва В.Р.* Сопоставительное исследование жанров: вопросы методологии // Материалы Международной научно-практической конференции «Творчество Отежана Нургалиева: жизнь в литературе и правда эпохи» (19 октября 2018 года). Актобе, 2018. С. 171—177.
2. *Сафиуллин Я.Г.* Крутые повороты: арабица, латиница, кириллица // Казанский альманах. Серия бирюза. 2017. С. 171—180.
3. *Тюпа Ю.И.* Жанр и дискурс // Критика и семиотика. Вып. 15. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2011.
4. *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр). М.: Просвещение, 1968.
5. *Миннегулов Х.Ю.* Татарская литература и восточная классика. Вопросы взаимосвязей и поэтики. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993.
6. *Гордлевский В.А.* Отзвуки Востока в творчестве И.А. Крылова // Гордлевский В.А. Избранные сочинения: в 4 т. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. Т. 2.
7. *Гаспаров Л.* Басня // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Сов. энцкл., 1987.
8. *Степанов В.П.* Русская басня // Русская басня / под ред. В.П. Степанова. М.: Правда, 1986.
9. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика: учеб. пособие / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Б. Муратова. 2-е изд. М.: Академия, 2003.
10. *Шарипов А.М.* Зарождение системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюркско-татарской литературе (VIII—XIV вв.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.
11. *Ханнанова Г.* «На путь-дорогу нас выводит «Новый век» // Габдулла Тукайның тормыш һәм ижаты хроникасы өчен материаллар (1886—1907) = Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая / З. Рәмиев, М.И. Ибраһимов, Г.М. Ханнанова, Н.Ш. Насыйбуллина. Казань: ИЯЛИ, 2018. С. 313—322.
12. *Башкуров Р.Ф.* Переводы Г. Тукая из русской литературы: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1957.
13. *Рәмиев Х.* Эмсаль. Казан, 1901. (На татар. яз.).
14. *Лафонтен Ж.* Басни [полное собрание] / пер. с франц. яз. М.: Алгоритм, 2000.
15. *Тукай Г.* Избранное. Перевод с татарского языка В.С. Думаевой-Валиевой. Казань: Магариф, 2008.
16. *Тукай Г.* Сайланма әсәрләр. Шигырьләр, поэмалар һәм чәчмә әсерләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. (На татар. яз.).
17. *Тамимдари А.* История персидской литературы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007.

© Хабибуллина А.З., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства РТ в рамках научного проекта № 18-412-160006.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.02.2019

Дата принятия к печати: 09.03.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хабидуллина А.З. Малые жанры русской и татарской литератур: сопоставительная поэтика // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 239—251. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-239-251

Сведения об авторе:

Хабидуллина Алсу Зарифовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru

Small Genres of Russian and Tatar Literature: Comparative Poetics

A.Z. Khabibullina

Kazan (Volga region) Federal University
Kremlevskaya St., 18, Kazan city, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation

The article is devoted to the study of small genres of Russian and Tatar literature in the aspect of comparative poetics. It is stated that comparative poetics is based on a comparative method which is in its' turn based on the idea of preservation of national literature originality, involved in a dialogue. The sphere of the uniqueness actualizes the category of genre, that is the problem of genres correlation, their possible correlation in cross-literal space. The factual basis — are the genres of fable and masal in works by I.A. Krylov and G. Tukai. Their history, some aspects of poetics and correlation in multilingual cultures are revealed.

It is concluded that, Tukay in his collection of translations of “Pearls” (1909) was the founder of new genre form, which, on the one hand, was close to a Russian fable, on the other hand, took the features of the masal, as well as the Oriental Proverbs, nasihats and other genres associated with the tradition of rhymed prose.

Key words: comparative poetics, genre, fable, masal, aesthetic interference, genres correlation, rhymed prose

References

1. Amineva, V.R. 2018. Sopostavitel'noe issledovanie zhanrov: voprosy metodologii [Materials of International scientific-practical conference “Creativity of Otejan Nurgaliyev: a life in literature and reality of the epoch”, 19 October 2018]. Actobe. Print. (In Russ.)
2. Safiullin, Ya.G. 2017. Krutyepovoroty: arabica, latinica, kirillica [Kazan almanac]. Kazan'. Seriyabiryuza: 171—180. Print. (In Russ.)

3. Tyupa, Yu.I. 2011. Zhanridiskurs [Critics and semiotics]. Novosibirsk. In-t filologii SO RAN. Vyip. 15. Print. (In Russ.)
4. Gachev, G.D. 1968. Soderzhatelnost hudozhestvennyih form. (Epos. Lirika. Teatr) [Contentofartistic forms. (Epos. Lyrics. Theatre)]. Moscow. Prosveshchenie. Print. (In Russ.)
5. Minnegulov, H.Yu. 1993. Tatarskaya literature I vostochnaya klassika. Voprosy vzaimosvyazeyi poehtiki [Tatar literature and oriental classics. Questions of correlation and poetics]. Kazan'. Izd-vo Kazan. un-ta. Print. (In Russ.)
6. Gordlevskij, V.A. 1961. Otvzuki Vostoka v tvorchestve I.A. Krylova [Gordlevskiy V.A. Selected works]. Moscow. Izd-vo vost. lit-ry. T. 2: 471—481. Print. (In Russ.)
7. Gasparov, L. 1987. Basnya [Fable]. Literaturnyj ehnciklopedicheskij slovar' / Pod red. V.M. Kozhevnikovai, P.A. Nikolaeva. Moscow, Sov. Ehnckl. Print. (In Russ.)
8. Stepanov, V.P. 1986. Russkaya basnya [Russian fable]. Pod red. V.P. Stepanova. Moscow. Pravda. 1986. Print. (In Russ.)
9. Potebnaya, A.A. 2003. Teoreticheskaya poehtika: ucheb. Posobie / Sost., vstup. st. i komment. A.B. Muratova. 2-e izd. [Theoretical poetics: tutorial / comp., int. art. And comm. A.B. Muratova. 2-nd edition]. Moscow. Akademiya. Print. (In Russ.)
10. Sharipov, A.M. 2001. Zarozhdenie sistemy stihotvornyh zhanrov v drevneturkskoj i tyurksko-tatarskoj literature (VIII—XIV vv.) [The formation of poetic genres system in the early turk and turk-tatar literature (VIII—XIV centuries)]. Kazan'. Izd-vo Kazan. un-ta. Print. (In Russ.)
11. Hannanova, G.M. 2018. «Na put'-dorogu nas vyvodit «Novyj vek» [“On the way-road leads us a “New age”]. Gabdulla Tukajнын тормаыш һәм ыкатыхроникасыёчен материаллар (1886—1907) = Materialy k hronike zhizni i tvorchestva Gabdully Tukaya / Z.Z. Rämiev, M.I. Ibrahimov, G.M. Hannanova, N.Sh. Nasybullina. Kazan'. Print. (In Russ., in Tatar.)
12. Bashkurov, R.F. 1957. Perevody G. Tukaya iz russkoj literatury: diss. ... kand. filol. nauk [Translations of Tukaj from the Russian literature: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan'. Print. (In Russ.)
13. Rämiev, H. 1901. Әмсал' [The examples]. Kazan. Print. (In Tatar.)
14. Lafonten, Zh. 2000. Basni [polnoe sobranie] / per. s franc. yaz. [Fables [complete collection] / translation from French]. Moscow. Algoritm. Print. (In Russ.)
15. Tukaj, G. 2008. Izbrannoe. Perevod s tatarskogo yazyika V.S. Dumaevoy-Valievoy [Selected works. Translation from Tatar language by V.S. Dumaeva-Valieva]. Kazan: Magarif. Print. (In Russ.)
16. Tukaj, G. 2003. Sajlanmaәsәrlәр. Shigyr'lәр, poehmalar һәм chәchmәsәrlәр [Selected works. Poetry, poems and prose]. Kazan'. Tatar. kit. nәshr. Print. (In Tatar.)
17. Tamimdari, A. 2007. Istoriya persidskoj literatury [The history of Persian literature]. SPb., Peterburgskoe vostokovedenie. Print. (In Russ.)

Funding:

The reported research was funded by Russian Foundation for Basic Research and the government of the Republic of Tatarstan in the framework of a scientific project № 18-412-160006.

Article history:

Received: 02.02.2019

Accepted: 02.03.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Khabibullina A.Z. 2019. “Small Genres of Russian and Tatar Literature: Comparative Poetics”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 239–251. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-239-251

Bio Note:

Alsu Z. Khabibullina is a Candidate of Philology, associate Professor of the Department of Russian and foreign literature, Institute of Philology and intercultural communication, Kazan Federal University. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-252-265

«Исторический авангард» 1960-х гг.: особенности проявления в татарской поэзии

Д.Ф. Загидуллина

Академия наук Республики Татарстан
Российская Федерация, 420111, Казань, ул. Баумана, 20

В статье выявляется специфика авангардных явлений в татарской поэзии 1960-х. На материале анализа обширного корпуса произведений Р. Гаташа, С. Хакима, Р. Файзуллина, Роб. Ахметзянова и др. установлено, что авангардная литература создается с установкой на подготовленного читателя и характеризуется такими чертами, как интеллектуальность и философичность. Она оппозиционна по отношению к официальной идеологии и отражает критическую оценку существующих в стране порядков с помощью эзопова языка, расширения смыслового диапазона традиционных образов, использования приемов символической типизации. Выявлена типологическая общность с «историческим авангардом» в русской литературе этого же периода, и охарактеризованы процессы национально-культурной идентификации литературно-художественных систем. Ключевыми категориями авангарда в татарской поэзии середины XX в., способствовавшими созданию новых контуров самой литературы, стали концепты «родная земля», «народ (нация)», «наше прошлое».

Ключевые слова: татарская литература, авангард, поэзия, эзопов язык, скрытое содержание, избавление от ограничений, смена концепции личности

1. Введение

В постсоветский период одним из самых изучаемых явлений в истории литератур народов бывшего СССР стал авангард 1960-х гг. Это объясняется тем, что новые веяния, наблюдавшиеся в художественном процессе в середине XX в., стали началом тех преобразований, результаты которых явственно сказались на рубеже XX—XXI вв. Кроме того, инакомыслие «поколения 60-х» породило «революцию» в сознании, подготовив почву для социально-политических преобразований конца XX в. Исторический авангард 1960-х гг. стал рассматриваться как первый шаг к демократическим преобразованиям в стране.

В литературоведческой науке термин «авангард» возникает для обозначения художественных явлений, связанных «со сломом классической картины мира» [1. С. 21]. Историческим авангардом принято называть «совокупность явлений мировой культуры в период 1900—1930 гг.» [1. С. 21], а новые явления 1960-х гг. — «неоавангардом».

Говоря о национальных литературах, мы имеем в виду татарскую литературу, для которой начало XX в. стало периодом формирования светской литературы вообще. Процессы, которые происходили в 1920—1930-е гг. [2], могут быть определены как «модернистские».

Конечно, и модернизм, и авангард служат единой цели — созданию нового в искусстве. Понятие «авангард» в значении ведущего направления охватывает и модернистские опыты: модернизм провозглашает новый тип искусства для нового мира, авангард же видит себя как прорыв в будущее [3. С. 19].

Итак, авангард рассматривается нами как целостный культурный феномен, возникающий в результате активизации новых процессов в художественной литературе, как момент порождения новых смыслов и новых форм их выражения. Для татарской культуры, находившейся в результате жестких идеологических ограничений в глубоком кризисе, эта новая ситуация открывала перспективы предполагаемых скачков, позволяла почувствовать те традиционные основы, на которые эти скачки могли бы опираться, и выступила в качестве «философии открытия другой реальности» [3. С. 44].

Целью настоящего исследования является определение художественно-эстетических особенностей исторического авангарда 1960-х гг. в татарской поэзии.

Несмотря на то, что авангард 1960-х гг. в национальных литературах СССР был обязан хрущевской оттепели, основные векторы его развития в татарской литературе определялись концептуальными идеями представителей творческой интеллигенции о перспективах развития национальной культуры в новых условиях.

В русской литературе «хрущевская оттепель» приоткрыла клапан, питающий искусство нетрадиционными для соцреализма идеями, сюжетами, образными решениями. Задним числом фрагментарно впитывались достижения западного модернизма (произведения Хемингуэя, Ремарка, Фолкнера, чуть позже Кафки, Беккета, философов-экзистенциалистов и писателей Сартра, Камю), восстанавливался авторитет русского модернизма в лице символизма, акмеизма, футуризма, появился вкус к эксперименту, авангардному художественному поиску» [4. С. 180]. В татарской же культуре в литературный процесс были возвращены имена и творческое наследие многих поэтов и писателей первой трети XX в., возникли условия для продолжения литературных традиций начала XX в. — и этот фактор сыграл ключевую роль.

Если на волне оттепели в русской и русскоязычной поэзии появляются приверженцы авангардной эстетики (Г. Айги, В. Казаков и др.), как и в 1920—1930 гг., формируются отдельные литературные неконформистские группы, объединяющие людей по эстетическим и мировоззренческим предпочтениям, произведения передаются из рук в руки, начинают воздействовать на литературный процесс, то в татарской поэзии сложно выделить поэтов-авангардистов: новое создается параллельно с традиционным, сосуществует с ним в составе поэтических сборников. Если представители русского авангарда подвергаются гонениям, то в татарской литературе авангард не формируется в самостоятельное направление и существует в рамках классической литературы. Вместе с тем авангардные произведения, опубликованные в сборниках традиционного толка, не распознавались в качестве таковых рядовым читателем. В результате в татарском литературоведении возникает особое отношение к поэзии середины XX в.: классические и авангардные произведения воспринимаются как явления одного ряда, что отразилось в семантике терминов «возрождение 1960-х», «новизна поэзии шестидесятников».

Теоретико-методологическую основу проводимого исследования составили труды отечественных исследователей [5]. Для решения поставленных задач предполагается использовать системно-структурный и контекстно-герменевтический методы, которые реализуются в подходе к анализу отдельного периода национальной литературы как целостной художественной системе [6].

На концепцию предлагаемого исследования оказали влияние работы, посвященные исследованию исторического авангарда на материале русской поэзии [7]. Поскольку авангард рассматривается как текст национальной культуры, концептуальную роль играет определение его особенностей. Поэтому востребованными являются межкультурные подходы, результативность которых выявлена в ряде современных работ [8].

2. Результаты и обсуждение

В любой национальной литературе авангардные опыты направлены на поиск новых путей развития, новых направлений и целей. К концу 1950-х гг. в татарской литературе, которая прошла этапы «красной» романтики строителей новой жизни с ее героическим пафосом, гражданской романтики, послевоенной лирико-сентиментальной парадигмы, возрожденной вокруг понятий «родина», «родная земля», усиливается ощущение застоя. Для преодоления кризисных явлений потребовалась смена концепции личности, которая сопровождалась появлением особого признака, названного В. Кулаковым «несоветскостью» [9. С. 8]. Такие произведения нельзя назвать антисоветскими, тем не менее ориентированность на воздействие мыслью, а не эмоциями, создание многозначных образов, доминирование формальных приемов, основанных на повторах, активное обращение к аллюзиям и приему игры — все это формирует поэтику недосказанности, побуждая читателя искать за сложным, ассоциативным содержанием скрытые автором оценки. Эти перемены начинаются с обращения татарских поэтов к народной песне и свойственным ей образности, особенностям звучания. Одновременно «яркие выражения народной речи пробуждают новый взгляд на действительность» [10. С. 168].

Этим изменениям соответствует трансформация субъектной сферы: на смену «мы», воплощающему обобщенно-личное сознание масс, приходит «я» — носитель индивидуально-личного сознания, обладающий своим взглядом, мнением, своим неповторимым духовным миром. На смену возникшему под влиянием идеологических регламентаций резкому противопоставлению прошлого и настоящего, очернению прошлого и прославления светлого будущего, существующего лишь в мечтах, приходит повествование о дне сегодняшнем.

Изменение концепции личности начинает оказывать влияние на воссоздаваемый поэтами мир, на образы и детали: в национальную поэзию проникают *белые березы, родники, гармонь и песня, соловьи и лебеди, перистые облака и печальные ивы, цветущие сады, просторные поля* и др. краски мира. Появляются идеализированные образы матерей, национальных героев. Тематику борьбы за новую жизнь полностью заменяет воспевание красоты мирной жизни.

В 1960-е гг. этот процесс достигает наивысшей точки, в поэзии основное место занимают произведения, прославляющие окружающий мир, красоту простых человеческих переживаний. В свою очередь, эти произведения описывают чувства и переживания человека, в одинаковой мере радующегося жизни в советскую эпоху и окружающей действительности. Например, стихотворение Р. Гаташа «Башак» («Колос», 1963), с одной стороны, указывает на связь творчества с родной землей, с другой стороны, звучит как ода отчизне. Состояние лирического героя, которое звучит как «Я — колос, взращенный в зеленом поле» [11. С. 39]¹, его мировоззрение не выходит за рамки, обозначенные официальной идеологией. В то же время картина жизни не охватывает огромную страну, а ограничивается территорией малой родины.

В целом, мысль о том, что родина — это красота, свет, доброта и тепло, превращается в лейтмотив поэзии той эпохи. Зачинателем этого направления является С. Хаким. Его лирический герой раз за разом повторяет, что душевное тепло, заботу, безграничное счастье, вдохновение для творчества можно найти лишь на родной земле.

Тревожное душевное состояние лирического героя не мотивируется, выявляются статус личности, ее качества в ценностных морально-нравственных потенциях, в устремленности к идеалу. Например, в стихотворении С. Хакима «... Бөтенләйгә инде ерак-ерак» («Далеко-далеко уже навсегда», 1958) лирический герой говорит о «красивых озерах с лебедями», о том, что из его «сторонки» лебеди навсегда улетели [12. С. 78]. Лирический герой Р. Гаташа «Жилкән» («Парус», 1963) мечтает отправиться «в дальние земли, которые никогда не видал» [13. С. 14]. Лирический герой Н. Наджми «Мин дә калам...» («Я тоже остаюсь», 1970) страдает из-за того, что не может улететь в неизвестные земли, где живут певчие птицы.

Простые, восходящие к народным песням образы становятся основой для возникающих философских обобщений. К примеру, в стихотворении С. Хакима «Минем таныш өянкеләр» («Знакомые мне ивы», 1970) сравнение человека с ивами раскрывает философию быстротечности молодости. Мысль о том, что вместе с человеком меняется его среда, мир в целом, вызывает чувство сожаления и светлой грусти: «И на мне стало больше конопушек, / Как и на вас, / Они похожи на / Непогасшие огни костра» [14. С. 50]. Неожиданно появляющийся образ «утлар» («огней») имеет множество значений: он может указывать на возвращение «огней» — нереализованных устремлений человека; «огни» могут обозначать и ценности, передаваемые человечеством от поколения к поколению.

Наиболее непосредственно и органично с поэтикой народной песни связана любовная лирика. Эта связь реализуется в разных формах: в текстах произведений присутствуют отдельные фразы из народных песен, используются ассоциативный принцип соединения двустиший, характерные для народной песни обращения, субъектный синкретизм и т.д. Все эти особенности трансформируют структуру произведений таким образом, что их можно принять за народную песню. Эта тенденция ярко проявилась и в творчестве молодых поэтов Раш. Ахметзянова, Радифа Гаташа, Роб. Ахметзянова.

¹ Здесь и далее — подстрочный перевод наш — Д.З.

В гражданской лирике по-новому решается тема героизма и мужества. Классический образец такого рода произведений — цикл Р. Гаташа «Европада татар шагыйрьләре» («Татарские поэты в Европе», 1973—1976). В нем упоминаются имена М. Джалиля, Ф. Карима, А. Кутуя, которые отдали свои жизни, защищая отчизну, но их могилы остались на чужой земле: «Их жизни сгорели за Европу» [13. С. 126]. Вскоре появилась поэма М. Агямова «Онйтма, Европа!» («Помни, Европа!»). В стихотворении И. Юзеева «Унике аккош» («Двенадцать лебедей», 1973) джалиловцы предстают как защитники отчизны, ее святости, чистоты. Если стихотворением «Торыгыз, Мусалар» («Вставайте, Мусы!», 1966) С. Хаким только затронул эту тему, то стихотворение «Татарлар елмаеп үлделәр» («Татары умирали с улыбкой на устах», 1968) построено как доказательство того, что татары — храбрый, самоотверженный народ [14. С. 50]. Таким образом, постепенно в стихотворения, посвященные теме войны, начинают проникать национальные образы и мотивы (чего не было в довоенной поэзии). Даже если имена героев не упоминаются, в произведениях присутствует некий код, который дает возможность угадывать в них земляков, представителей татарского этноса.

С течением времени на смену мотивам борьбы за счастье других людей, самопожертвования приходит мотив сохранения в человеке гуманистического начала, утверждается умение оставаться человеком в любых обстоятельствах, и эта тенденция будет доминировать в татарской поэзии на протяжении последующих лет. Стихотворения Р. Гаташа «Ирләр булуйк» («Будем мужчинами»), М. Агямова «Каеннар булсаң иде» («Стать бы березой») и др. становятся «визитной карточкой» поэтического новаторства.

Перемены начались с авангардных поэм Роб. Ахметзянова. В поэмах «Уйна, улым!» («Играй, сынок!», 1964), «Таш аргамак» («Каменный скакун», 1963) сила и свобода человека утверждаются с помощью новых форм и художественных приемов.

Облачив в авангардные формы мысли о свободе и величии человека, Р. Файзуллин заговорил «о судьбе своего поколения» [15. С. 14], его идеалах и надеждах. Например, в стихотворении «Кеше ирекле...» («Человек свободен...», 1966) поэт подчеркивает, что борьба должна вестись во имя личной свободы:

За то большое счастье,
Что выпало мне в жизни,
Имею великое право борьбы [16. С. 65].

Он возвращает в национальную литературу образ романтического героя-максималиста, борца, характеризующегося высокими требованиями к жизни и к людям, стремлением к свободе, генетически связанным с лирическим героем-гигантом, сформировавшимся в творчестве Г. Тукая и С. Рамеева и пережившим обновление в поэзии Х. Такташа. Вместе с этим лирическим субъектом в татарскую поэзию вновь входит тяга «охватить небеса»:

Не бойся, высоко лети, моя птица —
Разве небеса знают границы?!

Лети, лети, птица, пересекай ветра!
Сходи с ума, душа — бушуй, душа! [16. С. 16].

В стихотворении воспевается сила человеческого духа, способного подчинить себе небеса. Используя традиционные для татарской литературы начала XX в. парные образы-символы птицы и души, поэт доказывает, что личность обязана жить высокими устремлениями и ставить великие цели, вступая в полемику с идеологией эпохи и характерным для нее отношением к личности как к щепке, которую несут волны жизни: «күк» (небо)/«тормыш» (жизнь) безграничны, личность должна стремиться ввысь, не должна бояться упасть.

Эта позиция стала созвучной стремлениям, проснувшимся в сердцах многих в период хрущевской оттепели. С одной стороны, поэт выбрал путь прославления простого человека. Такие стихотворения, как «Гадилэргэ гимн» («Гимн обыкновенным», 1963), привнесли в поэзию мысль о том, что обыкновенные люди и есть герои жизни. С другой стороны, он призывает человека подниматься к вершинам, соответствующим его великой душе. Стихотворение «Жаныңның ваклыгын...» («Мелочность души своей...», 1967) отражает специфику авангардных поисков в национальной поэзии этого периода. В нем поэт определяет роль в истории личностей, «сохранивших совесть»:

Мелочность души своей
Не списывай на время.
Трусить и бояться
Можно во все времена.
А ведь есть люди —
Не разрушившие личность,
Сохранившие совесть [16. С. 95].

Лирический герой, обращаясь к широкому кругу читателей, призывает быть смелыми, крепкими, совестливыми, бороться за справедливость. Стихотворение является ответом тем, кто были виновниками и пособниками царившего в стране культа личности, и в 1960-е гг. пытался оправдать свое поведение, ссылаясь на эпоху.

В сборнике «Мэрмэр» («Мрамор», 1969) представлены стихотворения, утверждающие, что человек — сила, подобная той, которая скрыта в мраморе, способная справиться с любыми трудностями, разрушить любые преграды. Структурообразующим началом сборника является возвеличивание и воспевание человека, воспринимаемые как возможность избавления от идеологических ограничений.

Новаторство поэзии Р. Файзуллина проявилось и в том, что прием «скрытого содержания» становится средством оценки действительности. В стихотворении «Вакыт» («Время», 1958) время характеризуется идеологически устойчивой фразой как «потраченное для счастья других». То, что молодость была растратена ради счастья других (счастья целого общества), получает негативную оценку автора. В стихотворении «Капка» («Ворота», 1958) образ ворот приобретает политический смысл, который формируется соположением двух резко контрастных друг другу значений. Это ворота, открытые в новую жизнь и вместе с тем место кровопролития («Не знает ребенок: когда-то у этих ворот расстреливали людей» [16. С. 20]).

В дальнейшем образы, несущие в себе идеологическое содержание, все более конкретизируются, становятся узнаваемыми, поэт начинает обращаться к деталям, пробуждающим эмоциональные ассоциации. К примеру, в стихотворении «Яр буенда» («На берегу», 1963) образ старика, уверовавшего в то, что сможет на старой лодке «на раздутых парусах доплыть до далекого берега» [17. С. 62], символизирует несостоятельность революционной идеологии. Рядом с образом «лодки-страны» появляется деталь «раздутые паруса», которая вступает в интертекстуальную связь с образом-символом корабля в татарской литературе первой трети XX в. Но в отличие от корабля Дэрдемента, «старая лодка» не может даже быть спущена в воду, она обречена лежать на берегу! На эту тенденцию в творчестве поэта обратил внимание Н. Гамбар: «В этой связи особенно характерно стихотворение “Метаморфоза” (1963). Здесь поэт с помощью одной детали, одного инносказательного образа смог отобразить судьбу народа, пережитую им трагедию. Образ валяющегося в сарае ржавого топора-колуна — это трагическая тень героя тех лет (и сегодняшних дней!), который, находясь у власти, держал в страхе полмира, а теперь, состарившись, когда пришло время отвечать перед лицом истины, лежит и сопротивляется смерти» [18. С. 41].

Но поэт не ограничивается лишь игрой с идеологемами. В некоторых стихотворениях идеологическая оценка выражается через смежное расположение многочисленных деталей, обращение к эзопову языку. Позднее этот прием будет использоваться в творчестве многих поэтов, в частности Г. Афзалом. Проиллюстрируем сказанное примером. В объемном стихотворении Р. Файзуллина «Жилфердәүче керләр жыры» («Песня развевающегося белья», 1965) нет идеологически узнаваемых образов-деталей. Обращают на себя внимание повторяющиеся в несколько измененном виде в начале, середине и конце произведения строки:

Мы бесчисленно разнообразны,
А песня у нас одна:
Всегда о солнце,
Всегда о ветре.
... Наша песня — вечная,
Всегда у нас одна:
Всегда о солнце,
Всегда о ветре.
... Хоть и тяжелы мы,
И много у нас слез,
Плакать не умеем, —
Мы только лишь поем.
А песня одна и та же:
Всегда о солнце,
Всегда о ветре [17. С. 33—34].

Устанавливается параллель «белье/люди», которые вынуждены петь «о солнце, о ветре», даже когда «много слез». Каждая деталь воссоздаваемой картины мира содержит оценку несвободного существования «постиранных» людей», «людей,

полных слез»: «Иногда и пошуршим, но все равно поем», «пуля пробивает нас, сода проедает нас...», «когда люди уходят от нас в вечность, мы не льем слезы, а машем вслед и поем».

Сходные приемы используются и в стихотворениях «Яр карлыгачы» («Прибрежная ласточка», 1963), «Күмәч пешерүчеләр жыры» («Песня хлебопеков»), «Ажаган» («Зарница», 1963), вошедших в первый поэтический сборник поэта. В дальнейшем Р. Файзуллин все чаще прибегает к эзопову языку, причем не только в гражданской лирике, но в стихотворениях, посвященных частным, личным темам. Например, в стихотворении «Ах, тау юклыклар!..» («Эх, как не хватает гор!..», 1968) повторы позволяют выявить два смысловых центра. Стихотворение начинается и заканчивается прямо выраженным чувством сожаления, которое порождает жизненные ограничения:

Эх, как не хватает гор!
Не хватает скал!
Низины, возвышенности —
Куда ни глянь... [16. С. 94].

Детали («мескен жилләр» («несчастные ветры»), «карсак калкулык» («невысокая возвышенность»)) конкретизируют создаваемую картину. Второй смысловой центр на первый взгляд дублирует первый:

Беркуты о кочки
Бьются крыльями...
Когти втоплены...
А глаза горят!
... Беркуты на кочках
Бьются крыльями [16. С. 94].

Уточняющие детали («күзләре яна» — «глаза горят», «таңнарын бөркетләр, һай, ничек очына» — «а как на заре беркуты летают») воссоздают трагическую дилемму между высокими устремлениями людей и невозможностью их воплощения в жизнь, за которой — целостная трагическая концепция бытия.

В стихотворениях «Алма» («Яблоко», 1966), «Яран гөл» («Герань», 1966), включенных в сборник «Монологлар һәм диалоглар» («Монологи и диалоги»), аллегорический параллелизм становится средством художественного обобщения, представляя личностную трагедию как жизненную закономерность. Трагическое возникает как результат столкновения двух противоположных взглядов, их несоответствия друг другу: яблоко «хвастается» тем, что оно спрыгнуло на землю, намерение «людей» не согласуется с этим оптимистическим мировосприятием.

Обращение к мифопоэтическому языку актуализирует в творчестве поэта традиции модернизма, в частности, символизма и сюрреализма, которые определяют глубину, содержательность и многозначность создаваемых образов. Эта тенденция проявляется в таких стихотворениях, как «Булчы, зинһар, зәңгәре син...» («Будь ты синим цветом радуги...», 1966), «Үсә алган һәрбер нәрсә яна ала...» («Все, что растет, может гореть...», 1968), «Син — гүя бер күчмә шәһәр» («Ты — словно кочующий городок», 1966), «Гомер агачы» («Дерево жизни», 1967), «Кипкән инеш»

(«Высохшая речка», 1966) и др.¹. Например, в каждой из строф стихотворения «... Күкне индереп...» («...Опустив небо...», 1966) создаются сюрреалистические образы:

Опустив небо,
Ты пригнула мою голову.
А я ведь — жаворонок!
Изгнала ночи мои.
Я же — светлячок!
Песни мои задушила.
Я же — голос!
Все у меня забрала.
Я остался один,
Словно часы на руке мертвеца,
Не замеченные мародером... [16. С. 158].

Лирический герой, размышляющий о любви, утверждает, что подобно тому, как жаворонку нужно небо, светлячку — ночь, голосу — песня, любящему человеку необходимо ответное чувство! Повтор этого мотива становится средством усиления чувства тоски и сожаления. Художественное обобщение достигается за счет символизации образов жаворонка, светлячка и голоса, что придает случайно возникшим чувствам отдельной личности статус определенных жизненных закономерностей.

Особая техника использования эзопова языка формируется в рамках юмористических и сатирических стихотворений как средство выражения критического отношения к действительности и как ирония — по отношению к растиражированному идеалу «советского человека». Это тенденция проявляется в концепции смеха Гамиля Афзала. В его поэзии 1960—1980-х гг. появляется своеобразный, до сих пор не встречавшийся в творчестве татарских поэтов отрицательный лирический герой, образ которого создается на основе комических принципов типизации. Объектом обличения становится идеология, которая сделала из человека трусливого, равнодушного раба («Елмаям уйчан гына...» («Задумчиво улыбаюсь...», 1968); «Тун астында кыюлык» («Смелость из-под шубы», 1969); «Гомер китабы» («Книга жизни», 1969); «..Бигрэк юаш басып йөрдем жиргә» («... Слишком коротко ступал по земле...»); «Чабаклар йөзгән Иделдә» («Волга, в которой водится плотва») и др.).

Например, стихотворение «Мыек борам» («Подкручиваю ус», 1958) представляет такого лирического героя, который живет в соответствии с жизненной философией человека, «отважно подкручивающего ус»:

Утром и вечером по каждой улице
Болтающегося пьяницу-хулигана
Я бы крепко наказал,

¹ В творчестве чувашского поэта Г. Айги имеет место «диалог» символизма и сюрреализма, который, по мнению критиков, придает его произведениям национальную окраску. Именно эта закономерность проявляется и в творчестве Р. Файзуллина.

Но боюсь, как бы чего не вышло,
Смотрю, стиснув зубы,
Отважно подкручиваю ус [19. С. 89].

В стихотворении «Елмаям уйчан гына...» («Улыбаюсь задумчиво...», 1968) герой надевает маску равнодушия:

Хоть я и горд, словно вышедший на охоту лев,
Скажут: «Прочь», я уступаю, улыбаюсь задумчиво.
Хоть в душе я порою могу горы сотрясать,
Хоть пожар, хоть наводнение, улыбаюсь задумчиво [20. С. 53].

С одной стороны, герой стихотворения стремится к большим делам, с другой — взяться за них не хватает решимости:

Как я, как я,
Таких парней, как я,
В мире не было еще.
Только бы дали бы мне власть,
Я бы мир потряс.
Говорил бы я только прямо,
Ни грамма в рот бы не брал.
Уж я бы хорошо рулил,
Да только дело это нелегкое,
Побаиваюсь что-то [20. С. 204].

Поэт использует прием саморазоблачения героя: резал бы он на собраниях правду, да квартиру надо получить; страх потерять премию лишает его храбрости; покритикуешь — можно лишиться работы и т.д. Таким образом, поэт, по сути, говорит о системе, «научившей» человека бояться.

Эзопов язык, система иносказаний, используется и в гражданской лирике. Х. Туфан в стихотворении «Якыная бара» («Приближается», 1961) говорит о том, что поколение «отцов» «покрывается инеем». В стихотворении «Бәхилләрлек» («Это можно простить», 1954) поэт начинает разговор о культуре личности: раскрывает трагедию детей, которых забирали в «злополучные» ночи, матерей, которые не смогли детям дать благословение. Он обращает внимание и на национально-исторические проблемы. Например, в стихотворении «И туган ил! — дигән идек без...» («О родная земля! — говорили мы...») речь идет о сжигании книг, об отказе от арабской графики, негативном отношении к национальному наследию, принижении национальной составляющей культуры, ведущих к духовной деградации молодого поколения. С помощью приема иносказания дается оценка того, что происходило в стране повсеместно: «Чыпчык туган гүя бөркеттән» («Словно от орла рождались воробы»). Образ черной птицы — орла, являющегося символом империи, содержит оценку советской власти.

Заключение

Татарскую поэзию 1960-х гг. можно оценить как искусство эпохи смены литературных ориентиров, возвращения к национальным художественным истокам.

Авангардная литература периода оттепели, впоследствии существовавшая в условиях «заморозков», создается с установкой на подготовленного читателя и характеризуется интеллектуальностью и философичностью. Способами критической оценки существующих в стране идеологии и порядков становятся создание скрытого смысла, эзопова языка, расширение смыслового диапазона традиционных образов, использование приемов символической типизации.

Тесная взаимосвязь татарской литературы 1960—1980-х гг. с культурой начала века, стремление татарских писателей и поэтов к возрождению национальных литературных традиций привели к тому, что исторический авангард приобрел национальную специфику. Для обозначения национального своеобразия данного явления в живописи искусствоведы используют термин «татавангард». В какой-то мере он оправдан: концепция человека, ставшая основой авангардных изменений в татарской литературе опирается на поэтизацию национального героя, сына своего народа, достойного представителя сильного рода и т.д. В рамках авангарда меняется отношение к прошлому: дореволюционная действительность изображается в светлых тонах, воспеваются народная мудрость, накопленная веками, этнические особенности быта, национальные черты характера, менталитета, философии, мировоззрения и т.д. В то же время литература обращается к актуальным проблемам национальной жизни. Ключевыми категориями авангарда в татарской поэзии середины XX в., способствовавшими созданию новых контуров самой литературы, стали концепты «родная земля», «народ (нация)», «наше прошлое», определившие процессы национально-культурной самоидентификации национально-художественных систем.

Список литературы

1. *Гирин Ю.* Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. М.: ИМЛИ РАН, 2013.
2. *Загидуллина Д.Ф.* Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013.
3. Авангард в культуре XX века (1900—1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. Кн. 1 / под ред. Ю.Н. Гирина. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
4. *Васильев И.Е.* Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
5. *Казарина Т.В.* Три эпохи литературного авангарда (эволюция эстетических принципов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2005. 37 с.
6. Современная русская литература: 1950—1990-е годы. В 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий: Т. 1. 1953—1968. М.: Академия, 2006.
7. *Бирюков С.* Поэзия русского авангарда. М.: Изд-во Руслана Элинина, 2001.
8. *Аминева В.Р.* Сопоставительное изучение русской и татарской литератур: учеб. пособие. Казань: Школа, 2017.
9. *Кулаков В.* Поэзия как факт. Статьи о стихах. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
10. *Баянов Ә.* Заман сурәтләре: Лирик язмалар, мәкаләләр, очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. (На тат.)
11. *Гаташ Р.К.* Сайланма әсәрләр: 3 томда. 3 том. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. (На тат.)

12. *Хәким С.* Сусау: шигырьләр, жырлар, поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. (На тат.)
13. *Гатауллин Р.* Ирләр булуйк: лирика. Казан: Тат. кит. нәшр., 1978. (На тат.)
14. *Хәким С.* Көмеш яңгыр. Казан, 2011. (На тат.)
15. *Вәлиев М.* Яшьләр майданга чыга. Тәнкыйть мәкалэләре. Казан: Тат. кит. нәшр., 1978. (На тат.)
16. *Фәйзуллин Р.* Кошлар юлы. Шигырьләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. (На тат.)
17. *Фәйзуллин Р.* Ажаган. Казан: Тат. кит. нәшр., 1966. (На тат.)
18. Равил Фәйзуллин: Заман. Ижат. Шәхес / Төзүче З. Мансуров. Казан: Мәгариф, 2002. (На тат.)
19. *Афзал Г.* Өф-өф итеп. Сатира-юмор шигырьләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. (На тат.)
20. *Афзал Г.* Сайланма әсәрләр. 3 томда. 1 том. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. (На тат.)

© Загидуллина Д.Ф., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07.02.2019

Дата принятия к печати: 09.03.2019

Модератор: В.Р. Аминова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Загидуллина Д.Ф. «Исторический авангард» 1960-х гг.: особенности проявления в татарской поэзии // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 252–265. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-252-265

Сведения об авторе:

Загидуллина Дания Фатиховна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Татарстан. E-mail: zagik63@mail.ru

“Historical Avanguard” of the 1960-th: Features of Manifestation in the Tatar Poetry

D.F. Zagidullina

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Bauman St., 20, Kazan, 420111, Russian Federation

In the article specifics of the vanguard phenomena in the Tatar poetry of 1960-s are revealed. On material of the analysis of the extensive case of works of R. Gatash, S. Khakeem, R. Fayzulin, Rob. Akhmetzyanov, etc. it is established that vanguard literature is created with addressing to the prepared reader and characterized by such lines as intellectuality and philosophicality. It is oppositional in relation

to official ideology and reflects critical evaluation of the orders existing in the country by means of Aesopian language, expansion of semantic range of traditional images, uses of methods of symbolical typification. The typological community with “historical vanguard” in the Russian literature of the same period is revealed and processes of national and cultural identification of literary and art systems are characterized. Concepts “home ground”, “the people (nation)”, “our past” became the key categories of vanguard in the Tatar poetry of the middle of the XX century promoting creation of new contours of the literature.

Key words: Tatar literature, vanguard, poetry, “Aesopian language”, hidden maintenance, disposal of restrictions, change of the concept of the personality

References

1. Girin, Y. 2013. Kartina mira epoxi avantgarda. Avantgard kak sistemnaiya tselostnost' [Picture of the World of Modern Avantgarde]. Moscow: IMLI RAN, 400 p. Print. (In Russ.)
2. Zagidullina, D.F. 2013. Modernizm v tatarskoi literature pervoi treti XX veka [Modernism in Tatar Literature]. Kazan: Tatar. publ. print., 207 p. Print. (In Russ.)
3. Girin, Y.N. 2000. Avantgard v kul'ture XX veka (1900—1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poietika [Avantgarde in Culture of the XX Century: Theory, History, Poetics]. Moscow: IMLI RAN, 600 p. Print. (In Russ.)
4. Vasiliev, I.E. 2000. Russkii poeticheski avantgard XX veka [Russian Poetic Avantgarde of the XX Century]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 320 p. Print. (In Russ.)
5. Kazarina, T.B. 2005. “Tri epoxi literaturnogo avantgarda (evolytsiya esteticheskix principov)” [Three Stages of Literary Avantgarde]: Doctoral Thesis. Samara, 37 p. Print. (In Russ.)
6. Leiderman, N.L., and M.N. Lipovetskii. 2006. Sovremennaiya russkaya literatura: 1950—1990-e godi [Modern Russian Literature: 1950—1990]. Moscow: «Akademiya», Print. (In Russ.)
7. Birykov, S. 2001. Poieziya russkogo avantgarda [Poetry of Russian Avantgard]. Moscow: Press Ruslana Ilinina, 272 p. Print. (In Russ.)
8. Amineva, V.R. 2017. Sopostavitel'noe izuchenie russkoi i tatarskoi literature [Comparative Study of Russian and Tatar Literature]. Kazan': «Shkola», 264 p. Print. (In Russ.)
9. Kulakov, B. 1999. Poieziya kak fakt. Stat'i o stixax [Poetry as a Fact. Issues on Lyrics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 400 p. Print. (In Russ.)
10. Baiyanov, A. 1985. Zaman suretlere: Lirik iyazmalar, mekaleler, ocherklar [Portraits of the Time]. Kazan: Tatar. publ. print, 271 p. Print. (In Tatar.)
11. Gatash, R.K. 2009. Sailanma eserler: 3 tomda. 3 tom. Kazan: Tatar. publ. print, 351 p. Print. (In Tatar.)
12. Khekim, S. 2011. Susau: shigr'ler, jirlar, poemalar. Kazan: Tatar. publ. print, 335 p. Print. (In Tatar.)
13. Gataullin, R. 1978. Irlar buliyk: lirika. Kazan: Tatar. publ. print, 160 p. (In Tatar.)
14. Khekim, S. 2011. Kymesh iyangir. Kazan, 112 p. Print. (In Tatar.)
15. Veliev, M. 1978. Iyesh'ler meidanga chiga. Tenkit' mekalelere. Kazan: Tatar. publ. 104 p. Print. (In Tatar.)
16. Feizullin, R. 1981. Koshlar yuli. Shigr'ler. Kazan: Tatar. publ. print, 415 p. Print. (In Tatar.)
17. Feizullin, R. 1966. Agagan. Kazan: Tatar. publ. print, 71 p. Print. (In Tatar.)
18. Feizullin, R. 2002. Zaman. Igat. shexes. Kazan: Megarif. 495 p. Print. (In Tatar.)
19. Afzal, G. 1968. Ef-efitep. Satira-iumor shigr'lere. Kazan: Tatar. publ. print, 187 p. Print. (In Tatar.)
20. Afzal, G. 2004. Sailanma eserler. 3 tomda. 1 tom. Kazan: publ. print, 383 p. Print. (In Tatar.)

Article history:

Received: 07.02.2019

Accepted: 09.03.2019

Moderator: V.R. Amineva

Conflict of interests: none

For citation:

Zagidullina, D.F. 2019. “Historical Avanguard” of the 1960-th: Features of Manifestation in the Tatar Poetry”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 252–265. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-252-265

Bio Note:

Dania F. Zagidullina is a Doctor of Philology, Professor, Vice-President of the State Scientific Institution “Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan”. E-mail: zagik63@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-266-275

Поэтика Гаташа в переводах на русский язык

Э.Ф. Нагуманова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Статья посвящена рассмотрению жанровой природы газели в татарской литературе конца XX — начала XXI столетий. В центре исследовательского внимания — творчество Ради́фа Га́таша, чьи сочинения являются образцом любовной лирики. Национальный поэт смог вместить в традиционный жанр новые приемы, раскрыть проблемы, стоящие перед современным обществом. Язык его произведений метафоричен, в них умело объединяются разные пласты лексик: возвышенно-высокопарный стиль сосуществует с «простым» словом.

Автор статьи ставит перед собой цель выявить принципы передачи поэтики Гаташа в переводах на русский язык. В ходе сопоставительного анализа работ В. Хамидуллиной и А. Каримовой делается вывод о том, что русскоязычная аудитория имеет возможность ощутить в полной мере своеобразие газелей современного татарского национального поэта. В то же время, как показывает проведенное исследование, немаловажную роль играет собственно установка поэта-переводчика, творческие поиски которого неизбежно ведут к вольностям и трансформационным изменениям, что особенно заметно в переводах В. Хамидуллиной.

Ключевые слова: поэтика, перевод, жанр, газель, современная татарская литература, Ради́ф Га́таш (Р.К. Гагауллин)

1. Введение

В современной науке важным остается вопрос, касающийся способов адекватного воспроизведения в переводном произведении уникальности и своеобразие той или иной национальной литературы. Переводчик в силу причастности к иной культуре, в которой действуют логико-смысловые отношения, отличные от тех, что существуют в его языковом сознании, как правило, транслирует не все имеющиеся в оригинале смыслы.

Жизнь перевода в новой культурной среде обусловлена сложным переплетением различных факторов: степенью близости языков и культур оригинала и перевода, спецификой жанра и стиля переводимого произведения, мастерством переводчика, выбранными им переводческими стратегиями и т.д. «Коммуникативная цепочка литературной рецепции, если она пересекает языковые границы и включает в себя перевод, растягивается от одной национальной культуры до другой, в зеркало которой она глядится», — утверждает П. Топер [1].

Многие теоретики перевода (К. Чуковский, К. Левин и др.), касаясь вопроса передачи поэтических особенностей оригинала в переводах, подчеркивают возможность полного включения переводного произведения в принимающую культуру. В то же время существует и противоположное мнение. В частности, ядром переводческой концепции О. Паса, как отмечает Ю.Л. Оболенская, является

представление о том, что «в любую эпоху европейские — а теперь и американские поэты, представляющие обе половины континента, — пишут одну и ту же поэму на разных языках. Каждая из этих версий, таким образом, по-своему оригинальна и отлична от другой» [2. С. 128]. В этой связи, с точки зрения мексиканского поэта, оригинальный текст неизбежно «неотделим от переводного, а создание оригинального текста от подражания» [2. С. 128].

Исходя из вышесказанного, можно констатировать: переводное произведение есть не что иное, как свой, национальный вариант существования оригинала, причем оно в большей или меньшей степени будет соответствовать формальному и содержательному уровням последнего.

2. Обсуждение

Представленные теоретические положения рассмотрим на примере произведений современного татарского народного поэта Радифа Гаташа¹ в переводах на русский язык. В рамках данной статьи мы попытаемся выявить своеобразие передачи жанровых особенностей его газелей, в настоящее время признанных образцом любовной лирики.

Следует сказать, что творчество Гаташа не раз становилось предметом исследования литературоведов (Р. Ганиева, Х. Миннегулов, Ю. Нигматуллина и др.). В частности, Ю. Нигматуллина подчеркивала: «...В своем поэтическом творчестве он идет от субъективного, духовного начала, раскрывает его во всей полноте чувств и скрытых противоречий» [3. С. 36]. По мнению ученого, витиеватые образы любовных стихотворений, написанных Гаташем в форме газели, соседствуют с традиционными образами народных песен [4. С. 125].

«Р. Гаташ использует в пределах одного произведения разностадиальные образные языки (мифопоэтический, тропеический, “простое” слово), которые вступают между собой в диалогические отношения, — утверждает В.Р. Аминева. — Поэтическое “разноречие”, являясь источником смысло- и формообразования, выступает одним из факторов, под влиянием которого классический тип художественного целого трансформируется в неклассический» [5. С. 33].

В центре нашего внимания — произведения Радифа Гаташа из книги «Диван газели»: «Гөлбалага хатлар» («Письма к Гюльбале», 1996—1998) и «Миңгүзэлгә газэлләр» («Миннигузели — Газели», 1998—2001) в русскоязычных переводах В. Хамидуллиной и А. Каримовой, которые были представлены в сборнике «На вечном пути», изданном Р.Х. Курбановым в 2011 г. [6].

Жанр газели современному читателю известен по арабо-персидским образцам (Низами, Рудаки, Саади и др.). Это традиционная, устойчивая поэтическая фор-

¹ Гаташ Радиф (Гатауллин Радиф Кашфуллович) родился 30 марта 1941 г. в деревне Марс (Республика Башкортостан). За свою более чем полувековую творческую деятельность на разных языках (татарском, русском, турецком и др.) был выпущен не один десяток поэтических сборников: «Гөлләр су сорый» («Цветы жаждут», 1966), «Диңгез эзлим» («Ищу море», 1968), «Ирләр буллык» («Будем мужчинами», 1978), «Чакыру» («Зов», 1980), «Бу — сина кылган догам» («Моя молитва — тебе», 1997), «Газэлләр» («Газели», 2001), «Мәңгелек сусау» («Жажда вечности», 2005), «Гөлтуран» (2014), «Ихласнамэ» (2016) и т.д.

ма: рифмуются два полустишия первого бейта (*aa*), затем та же рифма повторяется во всех вторых полустишиях каждого последующего бейта (*aa, ba, ca, da* и т.п.).

В литературоведении существует точка зрения, согласно которой «газель возникла в результате вычленения лирического зачина касыды, так называемого тагазула» [7. С. 73]. А значит, газель могла начать складываться в IX—X вв. и своей окончательной формы достигла в творчестве Хафиза. «Именно он, — пишет И. Гафиятуллина, — утвердил в обществе определенные каноны газели. Герой газели стремится слиться с предметом своего желания, преодолеть разделяющую их пропасть, но это противоречие никогда не разрешается. Именно эта особенность придает газели черты сжатой пружины, именно в этом и заключен секрет ее высочайшего эмоционального, психологического, философского напряжения» [8].

Обычно газель состоит из 5—12 бейтов (двустуший), а в последнем бейте упоминается поэтическое имя автора. Язык ее специфичен. В частности, в работах исследователей (Е. Бертельс, Ч. Кураковой, И. Фишманского и др.) называются такие характерные признаки, как плавность, изящность, приятность.

Данный жанр весьма привлекал поэтов суфийского толка, поэтому в основе композиции многих газелей лежит мусульманское мироощущение, что требует тщательного анализа скрытой сути. В то же время эта поэтическая форма находит свое отражение на Западе — в творчестве многих европейских, в том числе русских, авторов. Так, к газели с ориентацией на восточную традицию обращались А. Фет, Вяч. Иванов, И. Северянин, Э. Багрицкий. Широко известны и опыты И.В. Гёте.

Следует сказать, что во всех «подражаниях восточному» налицо изменение самого образа лирического героя, так как переживания последнего имеют условный характер. Если говорить о русской литературе, то ориентация на восточный колорит обуславливает установление дистанции между автором и лирическим героем, таким образом, сохраняется традиционная эстетизация. Вероятно, поэтому жанр газели остался принадлежностью только собственно восточной поэзии.

К газели, насколько нам известно, в большей степени обращались и обращаются сегодня башкирские и татарские поэты. Они продолжают разрабатывать жанровые формы восточной культуры, близкой к их национальной традиции. Например, газели сочиняли в средневековый период Саиф Сараи и Умми Камал. Этот жанр в начале XX в. представлен в творчестве Габдуллы Тукая и Шайхзады Бабича. Что касается современной татарской лирики, то наиболее полно основные черты газели нашли отражение в поэзии Радифа Гаташа. Х. Миннегулов полагает, что это тот поэт, который особенно хорошо знает закономерности восточной поэзии [9. С. 208]. Газели Гаташа, как считает Р. Ганиева [10], напоминают газели Хафиза и Насими, ряд стихотворений которых он перевел на татарский язык. Именно через газели Хафиза в творчество Гаташа вошли мотивы *любовь-радость, любовь-горе/смерть*.

В целом, газели Гаташа точно соответствуют требованиям жанра: состоят из 5—8 бейтов, почти все написаны 11-сложным силлабическим стихом, который близок тюркскому арузу.

Вместе с тем при разборе сочинений Гаташа нельзя не выделить общие принципы, характерные для рассматриваемого нами жанра. А.П. Квятковский, например, отмечает, что в газели применяется редиф, в переднем бейте обязательно упоминание поэтического имени (тахаллус) автора и количество строк всегда четное [11]. Как правило, отсутствует фабульная и образная динамика, характерная для произведений европейской поэзии (имеется в виду сюжетная горизонталь баллады, развитие идеи (тезис, антитезис, синтез) в сонете и т.п.), образ и мысль развиваются внутри отдельного бейта (завершенного синтаксически), который как бы автономен, самостоятелен. Иными словами, газель — сумма отдельных высказываний «на данную тему» [12].

Как подобает структуре газели, стихотворения Р. Гаташа вобрали в себя и *матлу* — заголовок (начальный бейт), который определяет тему лирического произведения, определяет общий настрой, и *макту* — финальный бейт, в котором мы находим ответ на вопрос, прозвучавший в первом двустиишии. К примеру, в газели «Слезы влюбленного сдобрят поляну с цветами!» («Гашыйклар яше ашлаган гөл кыры!») в начальном бейте звучит вопрос, а в финальном — находим ответ:

Гашыйклар яше ашлаган гөл кыры! —
Мәйданың гыйбрәт өченме чакырды?
...
Гөлнең яшьсез керфеген үптем, дидем:
— Күкләр дә ишетсен, Гаташ, антыңны! [13. С. 74]

(дословно: «Слезы влюбленных сдобрили поле цветов! — / Площадь в знак назидания призвала меня? / ... / Поцеловал у розы ресницы без слез, сказал: / — Пусть и небеса услышат, Гаташ, твою клятву»¹).

Для Гаташа любовь — небесный дар. С какими бы муками он ни был связан, это — единственное счастье. Любовь помогает поэту влиться в мироздание, ощутить связь с природными стихиями, причем данное чувство всегда возвышенно, оно рождает у лирического героя озарение. Передает Гаташ любовь через традиционную восточную символику: *роза, слезы, огонь*. Лирический субъект отождествляется с натурой, ее естеством, и образы из мира природы выступают как непосредственные участники происходящего.

Газели вышеуказанного цикла были переведены на русский язык современной русскоязычной поэтессой В. Хамидуллиной, которая в своем творчестве часто обращается к жанрам восточной поэзии.

Приведем перевод первого и последнего бейтов:

Слезы влюбленного сдобрят поляну с цветами!
— Я на майдан в назидание, поставлен над вами?
...
Роза не плачет, целую сухие ресницы:
Клятву, Гаташ, в жаркий полдень творит с небесами! [6. С. 102].

Здесь переводчик в целом точно передает содержание. При этом в первом бейте В. Хамидулина оставляет в исходном виде слово *майдан*, а в последнем — при-

¹ Здесь и далее подстрочник наш. — Э.Н.

бегает к трансформационным преобразованиям, добавлениям и заменам. Она улавливает глубокие интертекстуальные связи стихотворения, отсылающие читателя как к произведениям Низами, Хафиза, так и к лирике А.С. Пушкина.

У Гаташа читаем:

Июль кызуы, чэчэктэй, жан балкый,
Нинди дэртле, иске бу фонтан жыры! [13. С. 74].

В переводе В. Хамидуллиной:

Зноем июльским душа, как цветок озарится,
Слыша, как страсть бьет седого фонтана устами! [6. С. 102].

Словосочетание «песня старого фонтана» («иске фонтан жыры») в оригинале, бесспорно, напоминает пушкинское стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца», написанное в 1824 г., а точнее, строчку «Фонтан любви, фонтан печальный!» [14]. Переводчик добавляет этому бейту высокопарности за счет введения старославянизма (*уста*) и многочисленных добавлений (*озарится, страсть бьет*).

Эта особенность прослеживается также в других переводах В. Хамидуллиной. Она, сохраняя дух первоисточника, старается сделать стихотворение более интересным для русского читателя, поэтому не боится вмешиваться в текст Гаташа. С одной стороны, сохраняются ритмические особенности оригинала и рифмовка (например, в анализируемой газели «Слезы влюбленного сдобряют поляну с цветами!» ни Гаташ, ни переводчик не выдерживают традиционную для жанра систему рифмовки в последних двух бейтах), с другой — много вольностей при передаче лексического уровня. На наш взгляд, газели В. Хамидуллиной представляют собой интерес как особый способ диалога двух творческих личностей.

Нетрудно заметить, что многие переводы В. Хамидуллиной напоминают вариации на темы газелей Гаташа. Таково, например, стихотворение «Из года в год, из века в век: влюбленный мотылек» [6. С. 116]. Гаташевское «Жирдэ шул кабатлана, Яр: Күбэлэк...» [13. С. 101] (дословно: «На земле повторяется это, Возлюбленная: Мотылек...») может быть прочитано в ключе суфийской лирики, традиционные символы которой, такие как *роза*, *огонь (пламя)*, *мотылек*, вписываются в контекст оригинальной поэтики татарского национального автора, тем самым, как отмечает В.Р. Аминева, «метафоры и олицетворения перестают прочитываться как условно-поэтические образы и обретают мифопоэтическую модальность» [5. С. 35].

В переводе В. Хамидуллиной немало добавлений, которые делают данное стихотворение более благозвучным, но в то же время отдаляют его от оригинала. Возьмем для сравнения шестой бейт. У Гаташа:

Без дэ — мэнгелек Күбэлэк-Пэрванэ...
Яндыра Ут... Чэнчи Гөл (язмыш-фэлэк!) [13. С. 101].

(дословно: «И мы — вечные Мотыльки-Перванэ¹... / Сгораем в огне... Колет Роза (судьбарок!)»). Перевод В. Хамидуллиной: «Мы — мотыльки, мы перванэ летим сквозь мрак к огню. / Укол судьбы — он предрешен, шип розы недалек!» [6. С. 116].

¹ *Перванэ* (перс.) бабочка, мотылек.

В образной системе лирики Гаташа повторяются в разных вариантах традиционные восточные символы любви: *нежная роза; мотылек, летящий на пламя свечи; слезы*. В то же время возвышенный слог, характерный для восточной поэзии, поэт-романтик в своих газелях соединяет с традиционными образами народных песен (*лебедь, белый голубь, родник* и др.). Тем самым он снимает границы между древним миром и современностью, вступает в диалог как с арабо-персидской, так и с классической татарской и русской поэзией.

Любовная лирика Гаташа, сосредоточенная на чувстве любви к женщине, казалось бы, глубоко личная, но она в конечном итоге складывается в сложный эмоциональный и социальный комплекс, вмещающий в себя также размышления о нравственности, о любви к родине. Ярким свидетельством тому являются «Миңгүзэлгә газәлләр».

Проиллюстрируем сказанное, обратившись к стихотворению «Узды бу яз...» («Кончилось бурное половодье весенних дней...»), в котором раскрывается субстанциальное единство человека и природы, синкретическая целостность двух сфер, куда вторгается шум внешнего мира. Татарский поэт вводит в газель не характерные для этого жанра мотивы. Гаташ иронизирует над теми, кто в погоне за материальными благами считает безумцем стихотворца, воспевающего любовь. Таким образом, содержание газели осовременивается через усиление социального звучания текста, который полностью соответствует формальным установкам газели: состоит из пяти бейтов, рифмовка *aa, ba, ca, da, ga*, в последнем — таллахус:

Узды бу яз... *Гөрләде, тыңды сулар,*
Басылмый ник жәняңдагы ярсулар? (курсив наш. — Э.Н.)
Жирдәге бар сил-ташкыннар шундамы?
Ул ил-халык гаменнәнме борчулар?
Сәясәткә сәяхәт иткән жан — тиз
Тынлык сорар: туйдыра шул шау-шаулар!
Мохитме? Күр: күпме көнче, гайбәтче,
Хөсетлектән «илһам», ямь табучылар...
Ә Гаташың көтә көн-төн язганың:
Юләрдер ул: «Яңа китап! — ди, — шулар...» [13. С. 138].

Перевод данного произведения был осуществлен Аленой Каримовой:

Кончилось бурное половодье весенних дней,
Так почему не стихает волнение в душе моей?
Это, быть может, осталась во мне весна?
Или тревога о судьбах народа, земли своей?
Те, кто подался в политику, свар и спор
Тут же отведав, покоя хотят скорей!
Там посмотри: и завистник, и вор, и лжец —
Все «вдохновение» в злобе найдут своей.
Ну, а про то, что Гаташ день и ночь о тебе поет...
«Сумасшедший! — они говорят, — хочет книгу издать скорей...» [6. С. 135].

Здесь по сравнению с переводом В. Хамидуллиной иная манера передачи поэтики современной татарской лирики на русский язык. А. Каримова довольно

точно передает поэтический слог стихотворения Гаташа, не отходя во многих местах от оригинала, что, впрочем, соответствует ее творческой установке — «в некоторых конкретных случаях, наверное, грамотный, литературно обработанный подстрочник, действительно мог бы передать дух и содержание “сильного” произведения лучше всего» [15. С. 39]. «При переводе такого стихотворения, — пишет переводчик, — кроме внешнего сохранения формы газели — ее отличительных признаков, важно сохранить ироническое отношение автора к “безумству” мира, в котором политиканы называют сумасшедшим его, поющего день и ночь о своей возлюбленной. Такие тексты создают на русском языке свой, обособленный, “восточный” корпус (разные виды газелей, рубаи и т.д.), который вообще “перпендикулярен” современным русским поэтикам, и за счет этого вызывает к себе интерес у русского читателя... Внутри татарской культуры, как и внутри любой, существуют некие горизонтальные связи, “диалоги” писателей, посвящения, личные отношения, то есть огромный контекст, пласт литературной жизни, без знания которого порою невозможно адекватно перевести произведение» [15. С. 40, 43].

В переводе А. Каримовой полностью воссоздан образный строй оригинала, она сохраняет и структуру гаташевского стиха, не вводя в стихотворение дополнительные образные выражения, лишь прибегая в некоторых случаях к лексическим заменам (к примеру, вместо слова «хәсет» («зависть») она вводит в стихотворение слово «злоба»).

3. Выводы

Рассмотрение жанровой природы газелей Р. Гаташа и способов воспроизведения особенностей поэтического слога татарского поэта современными переводчиками позволяет обозначить два подхода к переводимому материалу. С одной стороны, во всех переводах сохраняются формальные особенности газелей Гаташа, а с другой — переводчики отражают свое видение существования жанрового канона в современных условиях. В. Хамидуллина в большей степени трансформирует стих Гаташа, усиливая метафорическое звучание его газелей, А. Каримова ориентируется на иные творческие установки: для нее важнее как можно более точно передать поэтику оригинала. Бесспорно, переводческие преобразования в ее стихотворениях мы тоже выделяем, но они не влияют на передачу «духа» оригинала.

Список литературы

1. *Топер П.М.* Перевод и литература: творческая личность переводчика [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 1998. № 6. С. 178—199. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/toper.html> (дата обращения: 17.01.17).
2. *Оболенская Ю.Л.* Поэтика перевода по Октавио Пасу // Stephanos. 2015. № 2 (10). С. 122—133.
3. *Нигматуллина Ю.Г.* Методология комплексного изучения художественного творчества. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983.
4. *Нигматуллина Ю.Г.* «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002.

5. *Аmineва В.Р.* Образные языки авангардной лирики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2 ч. Ч. II. С. 32—35.
6. *Гаташ Р.К.* На вечном пути: Лирика. Казань: Изд. ИП Курбанов Р.Х., 2011. 152 с.
7. Литературный энциклопедический словарь. М: Наука, 1987.
8. *Гафиятуллина И.* Рубаи, газель, кисса... Рассказываем о жанрах восточной поэзии [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический федеральный портал «Ислам Сегодня». 2019. 18 янв. URL: <https://islam-today.ru/obsestvo/kultura/rubai-gazel-kissa-rasskazyvaem-o-zanrah-vostocnoj-poezii/> (дата обращения: 17.03.19).
9. *Миңнегулов Х.* Газэл жанры һәм Гаташ ижаты // Гаташнәмә. Рәдиф Гатауллин-Гаташ ижаты турында сәхифәләр. Мәкаләләр, эсселәр, шигырьләр. Казан: Магбугат йорты нәшрияты, 2009. 440 б.
10. *Ганиева Р.* Заманның шигъри пәйгамбәре // Гаташ Р. Сайланма әсәрләр: өч томда. Т. 3. Хиссият аятьләре: Шигырьләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2009. 351 б.
11. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь/Науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. Энцикл., 1966.
12. Творческая Лаборатория Рубаи [Электронный ресурс] // Стихи.ру. URL: <https://www.stihi.ru/avtor/javikela> (дата обращения: 10.03.19).
13. *Гаташ Р.* Газәлләр. Казан: Мәгариф, 2001.
14. *Пушкин А.С.* Фонтану Бахчисарайского дворца // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2, кн. 1: Стихотворения, 1817—1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях.
15. *Каримова А.* Перевод как священная обязанность // Казанский альманах. 2014. № 12. С. 34—43.

© Нагуманова Э.Ф., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 18-412-160006.

История статьи:

Поступила в редакцию: 05.02.2019

Принята к публикации: 01.04.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Нагуманова Э.Ф. Поэтика Гаташа в переводах на русский язык // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 266—275. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-266-275

Сведения об авторе:

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: ehlviran@yandex.ru

The Poetics of Gatash in Russian Translations

E.F. Nagumanova

Kazan Federal University
18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation

The article is devoted to the consideration of the genre nature of ghazal in Tatar literature of the late XX — early XXI centuries. The focus of research attention is the work of Radif Gatash, whose works are a model of love lyrics. The national poet was able to accommodate new techniques in the traditional genre, to uncover the problems facing modern society. The language of his works is metaphorical, different layers of vocabulary are skillfully combined in the text: the sublimely high-flown style coexists with a “simple” word.

The author of the article aims to reveal the principles of the translation of Gatash’s poetry into Russian. In the course of a comparative analysis of the works of V. Khamidullina and A. Karimova, it is concluded that the Russian-speaking audience has the opportunity to experience the full peculiarity of the ghazals of the modern Tatar national poet. At the same time, as the study shows, the installation of the poet-translator itself plays an important role, whose creative search inevitably leads to liberties and transformational changes, which is especially noticeable in the translations of V. Khamidullina.

Key words: poetics, translation, genre, ghazal, modern Tatar literature, Radif Gatash (R.K. Gataullin)

References

1. Toper, P.M. 1998. Perevod i literatura: tvorcheskaya lichnost’ perevodchika [Translation and literature: the creative personality of the translator] // *Voprosy literatury*. № 6. S. 178—199. Web. <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/toper.html> (in Russ.)
2. Obolenskaya, Yu.L. 2015. The poetics of translation by Octavio Paz. *Stephanos*. 2 (10): 122—133.
3. Nigmatullina, Yu.G. 1983. Metodologiya kompleksnogo izucheniya khudozhestvennogo tvorchestva [The methodology of complex study of the artistic creativity]. Kazan: Izd-vo Kazan. un. publ. Print. (in Russ.)
4. Nigmatullina, Yu.G. 2002. «Zapozdalyi modernizm» v tatarskoi literature i izobrazitel’nom iskusstve [“Belated modernism” in the Tatar literature and fine arts]. Kazan: Fen publ. Print. (in Russ.)
5. Amineva, V.R. 2015. Figurative languages of avant-garde lyrics. *Philological science. Theory and practice issues*. 4 (46). P. II: 32—35.
6. Gatash, R.K. 2011. Na vechnom puti: Lirika [On the eternal way: the Lyrics]. Kazan: Izd. IP Kurbanov R.Kh. publ. Print. (in Russ.)
7. *Literaturnyi entsiklopedicheski slovar’* [Literary encyclopedic dictionary]. 1987. Moscow: Nauka publ. Print. (in Russ.)
8. Gafiyatullina, I. 2019. Rubai, gazel’, kissa... Rasskazyvaem o zhanrakh vostochnoi poezii [Rubai, Gazelle, Kissa... Talking about the genres of Eastern poetry] // *Informatsionno-analiticheskii federal’nyi portal «Islam Segodnya»*. Web. <https://islam-today.ru/obsesstvo/kultura/rubai-gazel-kissa-rasskazyvaem-o-zanrah-vostocnoj-poezii/> (in Russ.)
9. Миңнегулов, Kh. 2009. Gazel’ zhanry ham Gatash ıjaty [The genre of the ghazal and oeuvre Gatash. Gatashnämә. Rәdif Gataullin-Gatash ıjaty turynda säkhifälär. Mәkalälär, esselar, shıgyr’lär. Kazan: Matbugat iorty nәshriyatı (In Tatar). 440 b.

10. Ganieva, R. 2009. Zamannuñ shigʻri pəigambəre [The angel of a new time]. Gatash R. Sailanma əsərlər: əch tomda. T. 3. Khissiyat ayat'ləre: Shigyr'lər. Kazan: Tatarstan kitap nəshriyatı (In Tatar.)
11. Kvyatkovskii, A.P. 1966. Poeticheskii slovar' [The poetic vocabulary] / Nauch. red. I. Rodnyanskaya. Moscow: Sov. Entsiklpubl. Print. (in Russ.)
12. Tvorcheskaya Laboratoriya Rubai [Rubai Creative Laboratory] Stikhi.ru. Web. <https://www.stihi.ru/avtor/javikela> (in Russ.)
13. Gatash, R. 2001. Gazəllər [Ghazals]. Kazan: Məgarif publ. Print. (in Russ.)
14. Pushkin, A.S. 1947. Fontanu Bakhchisaraiskogo dvortsa [To the Fountain of the Bakhchisarai Palace]. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. T. 2, kn. 1: Stikhotvoreniya, 1817–1825. Litseiskie stikhotvoreniya v pozdneishikh redaktsiyakh. S. 343. Print. (in Russ.)
15. Karimova, A. 2014. Perevod kak svyashchennaya obyazannost' [The translation as a sacred duty]. Kazan almanac. 12: 34–43.

Funding:

The Russian Foundation funded the reported research for Basic Research and the government of the Republic of Tatarstan in the framework of a scientific project No. 18-412-160006.

Article history:

Received: 05.02.2019

Accepted: 01.04.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interest: none

For citation:

Nagumanova, E.F. 2019. "The Poetics of Gatash in Russian Translations". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 266–275. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-266-275

Bio Notes:

Elvira F. Nagumanova is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the Institute of Philology and intercultural communication, Kazan Federal University. E-mail: ehlviran@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-276-288

Motive as Transhistorical Phenomenon in the Story of the Adyghe-Russian Bilingual-Educator of the Nineteenth Century Khan Girey “Circassian Legends”

A.M. Kaziyeva, A.A. Pliss

Pyatigorsk State University

9 Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Stavropol Territory, Russian Federation

The article presents the study of the motive structure of the “Caucasian text” in the works of the North Caucasian literature of the first half of XIX. The following task is defined: to determine the motives specific for the “Caucasian text” of the North Caucasian literature.

During the period of national recovery associated with the Decembrist movement, literature was supplemented by a number of works about the Caucasus, written by talented and educated mountaineers-Caucasians, such as Sultan Khan Girey, Sultan Kazy Girey, Adil Girey Keshev, Costa Khetagurov, etc. There was a whole literary tradition, which not only poetized the Caucasian world, but also tried to study it ethnographically.

The relevance of the article is also connected with the fact that the Caucasian motifs are easily read both in the works of authors writing in Russian, for whom this region is a historical homeland, and Russian writers, gravitating in their own artistic preferences to a variety of trends and stylistic principles — from romantic to postmodern. For some of them, interest in the motives of the Caucasus is determinative for all the creative work. The scientific novelty of the article is that the author for the first time made an attempt to consider the motives typical for the works of Russian and North Caucasian literature about the Caucasus in the context of dialogue of the cultures.

Key words: motivic structure, national culture, image of the world, traditional consciousness, world view, cultural values, Caucasian-Russian bilingualism, dialogue of cultures

1. Introduction

The relations between the peoples who inhabit Russia, expressed in the cultural and historical paradigm are a long process. At various stages, it includes the dividual development of any spatial-ethnic unit and full interrelation at the cultural and socio-historical levels.

At this stage, Russian modern culture and the Caucasian geopolitical space are in a state of spiritual alienation. And every year it becomes wider. Nevertheless, it is the Caucasian literature and culture that the Russian literary tradition has been addressing to for centuries in search of new images, themes, motives and plot collisions.

In both native and foreign literary studies, motive is one of the constantly discussed and controversial categories. Hypotheses of how to structure, type, categorize invariants and variants of this concept are constantly developing, new ideas appear. Some Researchers put forward their hypotheses, others refute them in their works, but, nevertheless, new

directions in the research activities of literary critics on this issue and the concept of «motive» appear.

Our work, first of all, is based on the definition of this concept, which was proposed by B.M. Gasparov. Under the motive, he proposes to understand “any phenomenon, any semantic “spot” — an event, a character trait, an element of landscape, any object, a spoken word, paint, sound, etc.; the only thing that determines the motive, according to B.M. Gasparov, is its reproduction in the text, so unlike the traditional narrative, where it is more or less certain in advance what can be considered discrete components (“characters” or “events”), there is no given “alphabet” — it is formed directly in the expansion of the structure and through the structure” [1. P. 189].

According to B.M. Gasparov, in this case it is necessary to focus on the principle of intertextual analysis, which allows to combine the concepts of leitmotif and motive: “Such principle is meant, under which motive, appearing once, is then repeated many times, thereat acting each time in the new version, new shape and in all new combinations with other motives” [1. P. 235]. This implies the conclusion that the motive can consist of other motives. This means that the structure of a work is a network of interrelated motives. This universality of the approach to the concept allows us to study the deep structure of the text and expand the boundaries of its analysis and perception.

In the classification proposed by B.M. Gasparov, our attention was drawn to the motives that are specific for the Russified “Caucasian text”.

“The “Caucasian text” of Russian literature, as we see it, is a system of interrelated and interdependent elements, including the concept of literary and mythological archetype and forming its own literary and philosophical “code”, which defines it, its text, originality. It represents a dense network of thematic, motivic, imaginative constants with deep internal logic, and therefore constitutes a kind of unified basis of individual literary worlds” [2. P. 25]. “Caucasian text” can be defined as a set of literary texts about the Caucasus, which contain a certain concept. They are in one line with eternal motifs: love, evil, good, peace, war, rivalry, etc., they are “the motives of captivity, vengeance, obedience, honor/valor, wandering/exile, family hearth, etc., having increased significance, or, in other words, “semantic saturation just for having such deep roots of tradition in Russian literature” [3. P. 297].

We consider the interpenetration and synthesis of the motivic structures of the North Caucasian and Russian literature as a phenomenon that is present in the texts of various writers from different historical and cultural eras. They are manifested in the form of transformed invariants and variants in combination with other motives.

“The motive is seen as a summand constituting a complex formula of the plot”. Each motif is a stable set of meanings that were incorporated in it genetically and appeared in the process of historical life [4. P. 204].

2. Discussion

Myth-motives as the components of semiotic infrastructure of work about the Caucasus

Literary works consist of various elements, such as thinking, memory at the level of archetypes, the author’s unconscious. All these components determine the unique style

of the writer, his narrative, which makes him recognizable. Acquaintance with the work brings to the reader the author's point of view, and it, in turn, sets the direction of the whole thought of the work.

The author's vision reflects the reality not completely, but demonstrates the existing reality. The reader complements it yet on his own, interpreting meanings and motives.

It's all about memory at the archetype level. It takes new forms and it is found by the reader and critic in every literary work. According to V.N. Zemskov: "The identification of the creative subject with one or another "archetype" of different levels never means its repetition in its original form, but always entails the literary construction of a new "archetype" on its basis, the transformation of the source material by its own "retelling", paraphrasing those ideological, stylistic, metaphorical contexts that are peculiar to it, and its connection with additional sources and contexts related to it" [5. P. 47].

The concepts of myth, archetype and symbol are the ontology of the work.

The narrative is based on these elements of the literary text; myths, symbols and archetypes give birth to deep levels of understanding of the text, the reader's consciousness independently develops knowledge of the new order.

In this regard, it was found necessary to analyze the plausible folk and mythological basis, which forms the core of the Caucasian works. "Caucasian text" of Russian literature of the first half of the XIX century is more ancient than "Petersburg", "Moscow" and the more "Perm" texts. On thought of W. Shchukin, in the "Caucasian text" there is already a complex of mythologems, "on the basis of which a stable reputation of this place is created in the culture. Indeed, the text, if you understand it as defined by Yu. Lotman, B. Uspensky and A. Piatigorsky (their definition was just used by V.N. Toporov at some time), implies the existence of the material manifestation, the boundaries (start and end) and, finally, the well-known semantic isomorphism" [6. P. 279].

Thus, the main proof of the existence of the "Caucasian text", as opposed to a simple text containing information about the Caucasus, is the presence of the encoded in special world cultural signs, with its own existence. Today in literary studies there is no concept of a complete "Caucasian text", and at the apparent distance of solidity, it "on closer examination is not homogeneous, but disintegrating into several independent texts of "lower order" (for example, into "Armenian" and "Georgian" texts, texts about the resort-erotic-fruit the Caucasus, the text about the criminal and rebellious the Caucasus, about the Caucasus as a crossroads of languages and cultures and, of course, the text waiting for the researcher of the Caucasian expat community)" [2. P. 23].

Despite all this, it is obvious that the Caucasus created its own myth and, above all, thanks to literature, that is, it is "literary" and, therefore, has its own "Caucasian" archetype. "This makes it possible, speaking of the "Caucasian text", on the one hand, to "draw" into its orbit much of what has been created in Russian literature from the "Tale of Bygone Years" to the "Underground, or the Hero of Our Time" of V. Makanin, that is to include in its "space" literary content, under which K. Dolinin implies the ideas depicted and expressed by the writers, "concepts and meanings" [2. P. 23].

The literary scholars took up the study of the concept of "myth" quite a long time ago. First of all, the concepts are approached from the cultural side. Myth is one of the most filled semantic categories, which has been studied and analyzed in various aspects since ancient times. And the semantics of the myth is inexhaustible, because with each

new day it acquires new conjectures that require study. This concept is open and changeable, this is where its uniqueness and versatility lies in.

The most vivid and important historical events of any nation find their reflection in ancient mythology. On the basis of mythology the way of life was evolved: the norms of ethics and the laws of aesthetics were formed. For different ethnic groups, they have become universals.

In addition, the philosophical paradigm depends on myths. They accumulate semantic phenomena within the space-time continuum. The laws of knowledge about man, the noosphere, are based primarily on mythological images of the past. Myth combines the principles and foundations of life, social laws and the basis of morality.

The origin of many modern, well-known genres: drama, poetry, is associated with the rethinking and interpretation of mythical stories. Exploring myths we not only study its structure, but also get additional or new information about many processes in the history of the world.

We appeal to the concept of A. Kofman, “myth-motif”. This term helps us to synthesize and systematize the materials we study in this article. According to A. Kofman myth-motifs “...compose mythological structure of literary text, identifying the symbolic content of myth-motifs, it becomes possible to present a total author’s image of the world created on the background of a certain culture” [7. P. 156].

We can conclude that under myth-motifs the repetitive rituals should be understood. Synchronic study of the same motif in a variety of works refers to the notion of myth-motif. In literary works there is a transformation of similar motives, in its process they acquire other semantic signs.

Yu. Kristeva claims: “Speaking of semiotics, we mean production... of models, formalized systems whose structure is isomorphic and similar to the structure of some other system” [8. P. 345]. Thus, myth-motif, operating on replacement, reports integral subjects. It is through them that we can trace the author’s narrative, the world and skill he created.

Myth-motif, in turn, consists of separate semantic units — of myth-images able to connect into the solid myth-motif. The formation of myth-motifs through entirety, “poetry is a plurality of relations between elements and relations between relations” [8. P. 346].

Myth-motifs are semiotic infrastructure of works about the Caucasus. Thanks to these concepts, the authors, in particular writers-mountaineers, model the cultural line. It gives a unique opportunity to interpret the author’s idea.

Myth-motif space of Khan Girey’s tale “Circassian tradition”

The basis of the story of Khan Giray was the legends of Adyghe folklore. We can definitely name two folk story plots used by the author for its creation; — existed independently in the national epic tale called “Tumbleweed” and the legend of the blood revenge of a young mountaineer, which formed the basis of the poem of M. Yu. Lermontov “Calla” (1830—1831), which the author himself calls the Circassian legend.

Learn: you’re miraculously saved
From the bloody hands of murderers,

To justify the law of the sky
And avenge for the defeated;
And do not belong to you
Your hours, your moments;
You're the gun of vengeance on the land,
The executioner and the victim's Akbulat!
Your father, mother and your brother,
From the hands of the villain dying,
Prayed to the sky about the one:
That at least one dear hand
For them divorced the enemy!

.....
So take my blessings,
Take damask dagger — and go!» —
So spoke brutal Mullah,
And black-eyed Kabardian
Silently, cleaning his dagger,
The lesson of vengeance heed.
He is young in heart and years,
But, alien to fear, he is ready
The custom of grandfathers and fathers
To fulfill holily over enemies;
He swore — with his hand
To destroy them in the darkness of night [9. P. 246].

Having more or less firmly connected these two legends, the author has made the general subject basis though the dominant position in it has remained behind the fairy tale “Tumbleweed”.

The motif of the Motherland occupies a significant place in all the works of Khan Girey, and for his main characters, love for their native land becomes the leading feature of the character, although at first glance it may seem that the dominant motive is still the motive of love, as the story is devoted to the image of lovers Dzhembulat and the Princess, their strong mutual feeling, pure and sublime, their tragic fate. With great skill and talent, with a sense of proportion the writer conducts this line through the whole story. It is this line that makes the work fascinating, gives it a huge impact on the reader. But at the same time, the story deeply reproduces the life of the Adyghe society of that time, the eternal strife in the exploitative elite, clashes and bloody confrontations between the feudal lords. The dukes and nobles in the story are illustrated as the self-willed and jealous lovers of power and tyrants. They hate each other, take up arms against some honest representatives of their class, not giving them the opportunity to defend national interests.

Following the tradition of the Russian romantic school, Khan Girey in his novel recreates a number of interesting images, which, as is common among romantics, mainly reveal the thoughts and feelings that worried the author himself. The positive character of the story is not yet fully objectified, does not live an independent life, but he is always obsessed with great passions, expresses significant social ideas, reveals some characteristic aspects of reality and has a certain cognitive value.

The image of a romantic hero we see in the name of Dzhembulat. The reader will easily notice that the author sympathizes with the hero and his actions. The attitude toward the hero largely reveals the views of the writer to surrounding, his ideals and thoughts. Therefore, the study of the temper of the main characters of the story helps to clarify the aesthetic ideas of the author.

The image of Dzhembulat is one of the main successes of the writer. He gets a typical for his time upbringing, given to the Caucasian youth at that time: growing on the traditions of courage, learning to wield weapons and superior to peers as a rider and warrior. If necessary, he is ready to behave in a battle as a dedicated fighter for justice and honor. To resort to deception or falsehood when encountering enemy, he, like Nart heroes, considers vile and dishonest; he is the enemy of a victory obtained in such a cost. Bravery and honesty in the use of weapons are dictated for him by immutable observance of military etiquette. In one of the episodes of the story we find confirmation of what was said. The leaders of the Zhaneys, put out of their patience by the villainy of the Crimean troops in the captured region, decided to cut out the “guests” — the Crimean occupiers. All the messengers of the region unanimously approve this method, the only exception is one Dzhembulat. Even with the worst and cruel enemy, he does not want to fight dishonestly, considering it a sign of cowardice and shame for the national honor.

Tempered in the fire of battles the generation of Caucasians firmly adhered to severe military etiquette, often defended it at the cost of their lives. In this respect Dzhembulat differed little from the others. But among the features of this heroic nature, the writer emphasizes his ardent love for the Fatherland. For his happiness and independence he without hesitation is ready to sacrifice everything, up to life. Without the homeland Dzhembulat does not imagine his existence, outside of it he has no prices. He was born to live in the name and for the good of the Motherland, to serve her faithfully, to be a faithful defender of her honor and freedom. Dzhembulat more than once confirms it in battles in the hour of trouble for the native land, but the writer is not limited to this image, and puts his character in front of other trials that temper him. The rejection of personal happiness in the name of protecting the freedom of the Motherland, a high sense of patriotism, moral beauty, active participation in the national liberation struggle — all this brings together Dzhembulat with the image of Izmail Bey at M.Yu. Lermontov.

Who is this traveler? Russian? No.
He is in robe, simple beshmet,
Forehead under the shaggy hat;
Dagger sheath, pistol
Are glistening with a poor notch;
And he is tied with a belt,
And saber rings a little on him;
The gun, dangling behind his shoulders,
Turns white in a woolen cover;
And how a mountaineer on the saddle
Cannot be distinguished by me from the Cossacks?
I was not wrong — he is a Circassian!
But the dark color is almost gone
From his cheeks; the snow and blizzard

And cold of Northern skies,
Of course, washed away the paint of the South,
But you can see that he is Circassian!
Thick eyebrows, eagle eyes,
Eyelashes are long and black,
Movements are fast and free;
He rejected the rite of a foreign land,
Did not shave his beard and mustache,
And a white row of teeth shines,
Like a splash of foam on a coast;
He, how many could, habits, rules
Of his homeland he did not leave... [9. P. 325]

Dzhembulat is not like the self-serving dukes and warks who sell their homeland to the Crimean Khan. If they are willing to speculate for their gain its freedom and have no respect for the suffering of fellows, then brave Dzhembulat raises the Zhaney peasants for the liberation struggle, showing himself a wise and farsighted leader. Despite minor successes, and that subsequently Dzhembulat gets in trouble, he does not regret his actions; he is worried and suffers not from that he was captured and lost in a dungeon, but trampled Motherland and the oppressions perpetrated by the enemy against the tribesmen. When the young man finds out about his release, he says: “Oh, Motherland, my dear Motherland! I’ll see you again: I will see you, dear fields, lovely mountains of the Motherland, the dense woods, under whose shadows I grew up, where my carefree, happy youth flowed... I’ll breathe more of her air, I will have look at the dear sky! I will dedicate my life again to the good of my Motherland, I will die within it, and my native land will take my ashes” [10. P. 176].

Endowed with chivalrous honor, this hero is selflessly working for the good of the Motherland, lives according to the laws of truth, justice and high humanity, perfectly fulfilling his duty, being at the head of the Zhaney tribe. Unlike people of his class, he becomes a stranger to the ruling self-serving elite, which burns with black envy to his happiness. So cruel dukes punish him. Creating an image of a strong, active and struggling personality, Khan Girey embodied his ideal in it, expressed his thoughts and feelings that worried him at that time. The appeal to the historical past of the native people, to the traditional images of folklore for the writer is not an end in itself. There is a certain connection between the past and the present depicted by him, with the help of such historical parallels he affirms his political credo, recreates the ideal hero who should become an example to follow.

A significant place in the story takes the motive of revenge, which is implemented in the image of the Zhaney Princess. All her actions and actions are guided by one passion — she must inherit the helm of her father, become his worthy daughter, support the greatness of the famous princely family. “Revenge, glory and Motherland” — that’s what this strong girl worships, for the sake of what she is ready to go to death. This positive image, which does not have a great psychological burden and special national features, was created by the writer in the traditions of Russian romanticism of the early XIX century.

A lot of trouble falls to the share of the girl: the only brother is killed, parents died early, selfish dukes sell the subordinated to her Zhaney tribe to the Crimean Khan.

Although the Princess meekly withstands all these cruel tests, the atrocities of the Crimean conquerors, committed in her native land, are unbearable for her. Having gathered the elders of the tribe, she calls on them to start a liberation struggle against foreign enslavers, to expel them from their native land. In the misfortunes of her native land, she blames the dukes and the warks, their mutual discord, their indifferent attitude to the fate of the Motherland lead to this.

As Dzhembulat, all her thoughts and deeds the girl submits to the liberation of the Motherland, to the independence and self-existence. Though she cannot fight with arms in her hands along with men, she may willingly give her life for the Motherland at any time, perform her duty in front of it, no matter how hard it may be. It is impossible to consider empty boasting what she tells to her beloved on this subject: “I will not be afraid of battles... not afraid of death... I will join my fate with the fate of the one who in terrible times will defend the Motherland with his breast, I will sacrifice my heart to the one whose hand will reflect the Tatars when they rush to the villages, for the heritage of our tribe. I will not spare my life for the glory of the Motherland” [10. P. 192].

Love to Dzhembulat and her own honor she defends with such passionate conviction that leads to the admiration of Khan, who first sees the real value of human emotions in the face of a loving couple. In contradiction with his cruel nature Khan, convinced of the strength and purity of mutual love of the prisoners, decides to release them and give them the opportunity to get married.

The Princess displays the power of her spirit later also, when losing Dzhembulat. After the tragic death of her beloved, she falls into despair, loses all interest in life, starts thinking about death, considering it the only way out for herself. The Princess decides to commit suicide. But the fate of the only son makes her to think about lots of things and to come back to life.

And although Khan Girey by his origin and social status belonged to the ruling class, he revealed and exposed the cruelty and inhumanity of the feudal lords. They, in his opinion, do not deserve any trust, are not capable of doing a good deed, they are the enemies of truth and righteousness. The author warns that it is necessary to keep as far as possible from their friendship and goodwill. That’s how it is said by the mouth of their own henchmen-nobles in everyday conversations: “Here is the horse of duke Kanly also well adorned. He was a sworn enemy of the deceased, and dedicates the memory of his beloved horse...”. “Hypocrite!” — one of the spectators interrupted, a man of severe appearance, dressed very simply, but armed well. “What’s so surprising? — said his fellow with insulting scorn. — Both friendship and affection of dukes — is only one trick, with which they destroy each other. Duke Kanly ready to swallow Dzhembulat, if only he could, but treats him as a sincere friend... Dukes are real snakes: their affection is poisonous!...” [11. P. 203]

Among the dukes, who are well known to both interlocutors, is Kanly, whose name literally means “bloodthirsty”. To achieve his goals, this predatory duke will stop at nothing; he has no pity, no honor, no conscience; he is capable of any meanness and betrayal, regardless of any moral criteria.

One of the most interesting characters of the “Circassian legends” is Teimbulat. At first glance he is a good man; humble, willing to do anything for friendship, for the sake of his own honor. He has a heavy duty — to find the killers of his parents and take revenge

on them. Knowing the family's tragedy, Kanly is trying to blame their death on Dzhembulat. To convince the young avenger of this, the duke uses any means, but he does not manage to direct him to this false path for a long time.

Teimbulat is wrecked, pushing him to dishonest actions, the love to the Princess — the wife of Dzhembulat. The young man could have won over his feelings if he had a real friend and adviser. But, having planned to eliminate the rival on the way with someone else's hands, Kanly constantly provokes the inexperienced young man, daily inculcating to him the thought that if he does not kill the friend and the instructor, he will never be able to marry the Princess loved by him. Teimbulat is blinded by his love, powerless in front of it and, albeit reluctantly, but agrees with the advice of Kanly and treacherously kills Dzhembulat.

There are people who are able to realize their act with their willpower, forcing themselves to wash away their guilt by finding suitable means for this. Teimbulat is not like that. The crime and his guilt are also compounded by the fact that he commits another heinous act: fraudulently forces the wife of his murdered friend to marry him. Conquered with the help of simulated tears and lamentations, as well as by the price of the blood of his friend "the love and happiness" of Teimbulat did not last long. The fact that evil does not deserve forgiveness, and even tumbleweeds can rip off his mask, Khan Girey skillfully showed in the image of Teimbulat.

Among the motives, traditional for Russian literature about the Caucasus, special attention, in our opinion, deserves the motive of revenge. About it, referring to the world of the Caucasus, said the hero of the Lermontov's poem "Izmail-Bey":

There to hit the enemy — is not a crime;
There is true friendship, but the vengeance is more truthful".
There is good for good, and blood for blood,
And hatred is immeasurable, as love [9. P. 304]

Becoming an indecomposable thematic unit of the work, which is a stable semantic element of the literary text, the motive of vengeance is one of the characterological features involved in the Caucasian "orbit" of the characters of not only Russian but also Caucasian literature. In the works of writers-mountaineers one of the variations of the motive for revenge is often found. The most characteristic universal folk motif is the motif of the search for the father (or revenge for the father), common in Caucasian mythology. The image of the father buried in a crypt appears already in "Circassian legends. The scene in the crypt is written in the tradition of early romanticism. Description of date night of Kanly and Teimbulat resembles the style of S. Kazy-Girey. The crypt in which the deceased father and mother are buried is repeated in the finale of the "Legends": the Princess of Zhaney comes here to commit suicide after the tragic ending, but she is restrained by the thought of her son.

The melodramatic denouement, however, can't hide the steady folk motive of communion of the living to the spirits of deceased ancestors (the sons who come to the tomb of their dead parents to swear, or daughter, who wants to "kill herself" to be reunited with her parents). It goes back to the motif when the hero descends into a dungeon (crypt) and finds his parents (father), with the help of which he is transformed into a magician or wizard. With the known reduction of the mythological story, we find another ancient

core — ritual. At this level, the same motif, symbolizing in various forms the temporary death and resurrection, meant the rite of initiation of the neophyte. This is how the concept of the most ancient motif is consistently built: rite — myth (folklore work) — literary work.

In addition to this motif (which can be roughly described as “the presence of hero in the crypt” or in a dungeon), rather distinct, but significantly transformed by the naive romantic tradition, you can specify another motive — “the vengeance for the father” (“the search for the lost father”). It is universal and most common in Caucasian folklore. The motif is embodied in the scene when the little son of the Zhaney Princess, waving a dagger, chopping watermelons, imagining that in front of him — the killer of his father. At the same time his mother encourages his frame of mind.

Another well-known folk story with “tumbleweed”, which squeals on the killer, also gets a literary embodiment in the work of Khan Girey. Having put out of the way his enemy and rival with the help of Teimbulat, the duke marries his widow. At that the “tumbleweed” rolling by is the only witness to the killing that has occurred, throws Teimbulat in a state that squeals him. Vengeance is immediate.

The motive of “revenge for the father” has many variations, most often it is shown in typical childhood games of quickly and wonderfully grown boy — mythological hero, who learns a secret of death of his father from his suffered rival. The hero seeks the mother’s consent to take out his father’s horse and take out the armor out of dungeon, where they have been hidden for many years. Mother agrees when he sees that a young son can easily fall off Abra stone from the entrance to the tomb (cave) — it’s a testament to his magical power (as a result of the initiation of the neophyte).

In “Circassian legends” we meet with the inversion of this motif. The murderer of duke Dzhembulat dies not by the hand of his son, but by his wife, the Zhaney Princess. In this case, there is a literary version of the motif of “revenge for the father”.

The work of Khan Girey is interspersed with an episode associated with the image of the sky, when the landlord Dzhembulat and his servant Boren climbed to the top of the mountain.

This image and reasoning of the characters can be regarded as a “pre-symbol” of transcendence. This is not a symbol yet — the disquisitions about the sky are unambiguous, which allows us to talk about it as an allegorical image. Such a “plane” allegorical connotation can probably already be regarded as preceding the symbolic, polysemantic one, through which the literary image gets its further development.

Thus, in the “Circassian legends” we can note the use of some common Caucasian folk motifs, in particular, “revenge for the father” and “the hero’s presence in the crypt (cave)”. The use of folklore elements at the level of plot — (widespread Caucasian folklore plot about “tumbleweed”), and image-building (the hero-avenger, transforming into the heroine-avenger, as a literary inversion of the image) is noted. It is characteristic that the folk motif “tumbleweed” is still embodied in modern Caucasian literature.

3. Conclusion

Appealing to national themes, Russian writers enriched literary motifs in works about the Caucasus, where realism replaced romanticism, that is, images of nature, the way of

life of Caucasians with the help of romantic categories, and deeply philosophical and realistic representation of the territory of the Caucasus as an integral part of the Russian land.

Enlightenment in the Caucasus, which originated in the depths of the lagged feudal system, even before the formation of bourgeois relations, arose in the early XIX century. Writers-educators of the North Caucasus in General opposed the lagged forms of the feudal system, darkness and ignorance of the people, defended the “natural right” of everyone to freedom and equality, they saw the only means of progress of society in education and enlightenment. A careful reading of the works of writers-mountaineers, such as Shora Nogmov (“History of Adyghe people”), Sultan Kazy Girey (“Azhitugai Valley”, “Persian joke”), S. Adil Girey, Khan Girey (“Circassian legends”), Izmail Atazhukin and many others, gives us the opportunity to see their views on the future life of the people. Despite the fact that they were representatives of the ruling class, they at the same time protected the interests of the Caucasus.

At the heart of the literary conflict of the Caucasian writers—educators the motive of the struggle against the system of colonial rule, established by the tsarist government in the Caucasus, is also realized. The view of the enlighteners is a view from the inside, as, being representatives of their people, they saw conservatism and stagnation of the tsarist power in the Caucasus, reflected in their works, based on native folklore, the discontent of workers and class contradictions that took place in the mountain society, and most importantly, they were the first to create the literary world of the hero, who embodied the best features of their contemporaries. In the work of the Sultan Kazy Girey (“Azhitugai Valley”), for example, the traditions of the romantic school are manifested very clearly. Romance permeated the entire text: the character of the hero, description of the nature, style.

Innovative quests should be attributed by the fact that the writers-educators first appealed to the motive of friendship with the Russian neighbours, with Russia. Writers-mountaineers were well aware of the difference between the tsarist autocracy and the progressive Russian intelligentsia and could not accept the Russian despotic system of government that was established in the Caucasus.

The main idea laid down in the works of Russian writers and North Caucasian writers-educators about the Caucasus — to cement the concept of literary representation of the Caucasus, the desire to recreate the image of the Caucasus in all its splendor, beauty and truthfulness. Despite the fact that the people were forced to lead a militant lifestyle, the authors of the works saw the price of peace in Caucasus.

Following the truth of life, writers and poets artistically clearly, without missing a single detail, revealed the moral foundations, sanctified by centuries-old traditions, debunking the stereotype that has developed in the imagination of the Russian people about the mountaineers as bandits. The literary “Caucasian texts” of the classics present humanistic studies of Caucasus and its inhabitants.

Summing up, it should be emphasized that the study of literature about Caucasus as an aesthetic, historical, cultural and political phenomenon, in our study from the perspective of Russian and North Caucasian writers — educators, will allow us to get closer to the actual knowledge of the laws of literary development, as well as provide an opportunity to implement a reasonable dialogue of cultures.

References

1. Gasparov, M.L. 2000. O russkoj poezii. Analizy. Harakteristiki [About Russian Poetry]. St. Petersburg. Print. (In Russ.)
2. Shul'zhenko, V.I. 2001. Kavkazskij fenomen russkoj prozy (vtoraya polovina XX veka) [Caucasian phenomenon of Russian Prose (second half of the 20th century)]. Pyatigorsk: PyatGFA. Print. (In Russ.)
3. Halizev, V.E. 2000. Teoriya literatury [Theory of Literature]. Moscow: Vysshaya shkola. Print. (In Russ.)
4. Lotman, Yu.M. 2002. Stat'i, po semiotike iskusstva (Seriya «Mir iskusstva») [Articles on Art Semiotics]. St. Petersburg. Print. (In Russ.)
5. Zemskov, V.N. 1993. “Latinoamerikanskaya literatura kak model' kul'tury” [Latin American Literature as a Model of Culture]. *Latin America* 9: 64–65. Print. (In Russ.)
6. Shchukin, V. 1999. “Moskva i «moskovskij tekst» russkoj kul'tury” [Moscow and Moscow Text of Russian Culture]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 39: 412. Print. (In Russ.)
7. Kofman, A.F. 1997. Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira [Latin American Image of the World]. Moscow. Print. (In Russ.)
8. Kristeva, Yu. 2004. Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki [Selected Works. Destruction of Poetics]. Rosspen. Print. (In Russ.)
9. Andreev-Krivich, S.A. 1979. Kabardino-cherkesskij fol'klor v tvorchestve Lermontova [Kabardino-Circassian Folklore in the Works by Lermontov]. Nal'chik. Print. (In Russ.)
10. Averincev, S.S. 1997. Poetika rannevizantijskoj literatury [Poetics of the Early Byzantine Literature]. Moscow. Print. (In Russ.)
11. Alieva, A.I. 1969. Adygsnij nartskij epos [Adyg Narts Epic]. Moscow, Nal'chik. Print. (In Russ.)

© Kaziyeva A.M., Pliss A.A., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Article history:

Received: 24.02.2019

Accepted: 05.04.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Kaziyeva, A.M., and A.A. Pliss. 2019. “Motive as Transhistorical Phenomenon in the Story of the Adyghe-Russian Bilingual-Educator of the Nineteenth Century Khan Girey ‘Circassian Legends’”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16(2), 276–288. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-276-288

Bio Notes:

Almira M. Kaziyeva is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Literature and Pedagogical Technologies of the Philological Education, Pyatigorsk State University. E-mail: k_mika@mail.ru

Anna A. Pliss is a Postgraduate Student of the Department of Domestic and Foreign Literature, Pyatigorsk State University. E-mail: k_mika@mail.ru

Мотив как трансисторический феномен в повести адыгско-русского билингва-просветителя XIX в. Хан-Гирея «Черкесские предания»

А.М. Казиева, А.А. Плисс

Пятигорский государственный университет
Российская Федерация, 357532, Ставропольский край, Пятигорск, пр. Калинина, 9

В статье рассматриваются вопросы изучения мотивной структуры «кавказского текста» в произведениях северо-кавказской литературы первой половины XIX в.

В период национального подъема, связанного с декабристским движением, литература пополнилась рядом произведений о Кавказе, написанных Султаном Хан-Гиреем, Султаном Казы-Гиреем, Адиль-Гиреем Кешевым, Костой Хетагуровым и др. Сложилась целая литературная традиция, которая не только поэтизировала кавказский мир, но и старалась изучать его этнографически.

Актуальность статьи связана и с тем обстоятельством, что кавказские мотивы легко прочитываются как в творениях пишущих на русском языке авторов, для которых этот регион является исторической отчизной, так и русских писателей, тяготеющих в собственных художественных пристрастиях к самым разным течениям и стилистическим принципам — от романтических до постмодернистских. Для некоторых из них интерес к мотивам Кавказа является определяющим для всего творчества. Авторы впервые предприняли попытку рассмотреть мотивы, характерные для произведений русской и северо-кавказской литератур о Кавказе в контексте диалога культур.

Ключевые слова: мотивная структура, национальная культура, образ мира, традиционное сознание, картина мира, культурные ценности, кавказско-русское двуязычие, диалог культур

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24.02.2019

Дата принятия к публикации: 05.04.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Казиева Э.М., Плисс А.А. Мотив как трансисторический феномен в повести адыгско-русского билингва-просветителя XIX века Хан-Гирея «Черкесские предания» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 276—288. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-276-288

Сведения об авторах:

Казиева Эльмира Магомедовна — доктор филологических наук, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования Пятигорского государственного университета. E-mail: k_mika@mail.ru

Плисс Анна Александровна — аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы Пятигорского государственного университета. E-mail: k_mika@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Полилингвистичность и транскультурные практики» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.1gb.ru/node/2>

Внимание! Редколлегия принимает статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчета из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%), заявления.

Каждая статья проходит **анонимное (внешнее) рецензирование**. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлекцией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал как минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год) по *каталогу Роспечати, индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегия

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(й), авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Список литературы»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация + перевод) (“REFERENCES”). Если список литературы по п. 3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, (при наличии) ученая степень и ученое звание, должность, место работы, (при наличии) названия 2-3 важных научных работ, электронная почта.

Авторские резюме (аннотации) должны быть: 1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков.

Резюме должно сопровождаться несколькими ключевыми словами или словосочетаниями, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых системах (не больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library)).

Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике приводится в квадратных скобках с указанием номера по списку.

Поля страницы: 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); шрифт “Times New Roman”, кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5.

Объем рукописи до 20 000 знаков, в отдельных случаях до 40 000 знаков.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Транслитерация. На сайте <http://www.translit.ru> размещена программа транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Полилингвильность и транскультурные практики» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: Bulletin.LanguageTeaching@yandex.ru

Доп. адреса: sinyachkin_vp@rudn.university; bakhtikireeva_um@pfur.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal “Polylinguality and Transcultural Practices” welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

Submission Requirements

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the

source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya St., 10 A, Moscow, Russia, 117198*
Editorial board of the journal "Polylinguality and Transcultural Practices"
E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

We look forward to your submissions!

Требования к оформлению статей

<p>О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ</p>	<p>Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается, в первую очередь, структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. Р. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p> <p>В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ).</p> <p>Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.).</p> <p>MLA-ФОРМУЛА: №. Фамилия, И.О. Год. Транслитерированное название источника [Перевод названия на английский]. Город (полностью, без аббревиации): Издательство. Печ./эл. (язык оригинала).</p>	
<p>КНИГА ОДНОГО АВТОРА</p>	<p>Список литературы</p>	<p>References</p>
	<p><i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.</p>	<p>Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ</p>	<p><i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.</p>	<p>Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury [Codes of Linguoculture]. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.</p>	<p>Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)</p>
<p>ГЛАВА В КНИГЕ</p>	<p><i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.</p>	<p>Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip" ["Archetype"]. In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ</p>	<p>Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.</p>	<p>Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.</p>	<p>Chiksentmikhaii, M. 2013. Potok [Flow]. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)</p>
<p>ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)</p>	<p>Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii [From Multicultural Philosophy to the Philosophy of Transculturation]. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)</p>
<p>СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ</p>	<p><i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>	<p>Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh" [Slovak Poetry in Russian Translations]. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov" [Among the Wor(l)ds]. Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika [Lyrics]. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

<p>ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)</p>	<p>Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given.</p> <p>For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p>
<p>IN THE TEXT (PLACEMENT)</p>	<p>Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].</p>
<p>REFERENCE LIST</p>	<p>GENERAL PRINCIPLES</p>
<p>ORDER</p>	<p>As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially:</p> <p>1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA.</p> <p>IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author's name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen, etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.</p>
<p>PUNCTUATION</p>	<p>Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.</p>
<p>BOOK</p>	<p>ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web</p> <p>Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.</p> <p>TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print</p> <p>THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.</p>

	<p>ORGANISATION AS AUTHOR:</p> <p>University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press.</p> <p>BOOK IS NOT IN ENGLISH:</p> <p>№. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI:</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx.</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.</p>
<p>JOURNAL</p>	<p>ONE AUTHOR</p> <p>1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi:xxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>TWO AUTHORS</p> <p>1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>THREE AUTHORS</p> <p>A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxx</p>

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

«Полилингвильность

и транскультурные практики»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ___ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	<input type="text"/>
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
